

Джанет Оак

ЛЮБОВЬ
НИКОГДА
НЕ ПЕРЕСТАЕТ

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

- [Глава первая. Новые начинания](#)
 - [Глава вторая. Размышления](#)
 - [Глава третья. Арни](#)
 - [Глава четвертая. Соседи](#)
 - [Глава пятая. Волнующие новости](#)
 - [Глава шестая. Ребенок Ванды](#)
 - [Глава седьмая . Миссис Ларсон](#)
 - [Глава восьмая. Станный ответ](#)
 - [Глава девятая. Нандри и Клэй](#)
 - [Глава десятая. Поездка в город](#)
 - [Глава одиннадцатая. Семья и учитель](#)
 - [Глава двенадцатая. Занятия](#)
 - [Глава тринадцатая. Что-то новенькое](#)
 - [Глава четырнадцатая. Девушка Томми](#)
 - [Глава пятнадцатая. Поиски священника](#)
 - [Глава шестнадцатая. Марти беседует с матушкой](#)
 - [Глава семнадцатая. У Ванды](#)
 - [Глава восемнадцатая. Новый священник](#)
 - [Глава девятнадцатая. Школа и гости](#)
 - [Глава двадцатая. Всякая всячина](#)
 - [Глава двадцать первая. Его преподобие Натсон](#)
 - [Глава двадцать вторая. Жизнь продолжается](#)
 - [Глава двадцать третья. Церковь и семья](#)
 - [Глава двадцать четвертая. Рождество](#)
 - [Глава двадцать пятая. Расставания](#)
 - [Глава двадцать шестая. Джош и Нандри](#)
 - [Глава двадцать седьмая. Новый пастор, новый дом](#)
 - [Глава двадцать восьмая. Жизнь и учеба](#)
 - [Глава двадцать девятая. Ухажеры Мисси](#)
 - [Глава тридцатая. Открытие Мисси](#)
 - [Глава тридцать первая. Рождественские сюрпризы](#)
 - [Глава тридцать вторая. Еще один сюрприз](#)
 - [Глава тридцать третья. Особый день](#)
-

Джанет Оак

ЛЮБОВЬ
НИКОГДА
НЕ ПЕРЕСТАЕТ

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

Глава первая. Новые начинания

Марти беспокойно заворочалась. После тяжелого сна ее слегка знобило.

Мало-помалу она окончательно проснулась и облегченно вздохнула. Слава Богу, она лежит в тепле и безопасности. Рядом слышится ровное дыхание Кларка.

И все же где-то в глубине души шевелилась смутная тревога. Слишком уж страшным был сон. Почему он приснился ей именно сейчас — ведь прошло столько времени? Сон оказался таким пугающе реальным, словно все происходило наяву.

Она содрогнулась, вспомнив ужасные подробности. Сломанный фургон, завывание вьюги, парусина хлопает на ветру, а она, Марти, дрожит в углу, завернувшись в тонкое рваное одеяло, и никак не может согреться. Но куда мучительнее холода было острое чувство одиночества. «Я умираю, — подумала она во сне, — и я умру совсем одна. Я умираю...» — в эту минуту она проснулась и увидела, что лежит в знакомой кровати с пологом. В небе за окном мерцают звезды.

Марти невольно вздрогнула и тут же почувствовала, как сильная рука обняла ее за плечи. Ей не хотелось будить Кларка. Он трудился с утра до ночи, ухаживая за скотом и работая в поле, и ему необходимо было как следует отдохнуть. По его лицу, освещенному бледным светом луны, было видно, что он еще не вполне проснулся.

Волна любви захлестнула ее. В любой момент, даже во сне, он был готов поддерживать и оберегать ее. Каким-то непостижимым образом он угадывал ее состояние раньше, чем просыпался.

Но теперь Кларк пробудился окончательно. Он поцеловал ее рассыпавшиеся волосы и вполголоса спросил:

— Что случилось?

— Все нормально, — пробормотала она. — Просто я... мне приснился страшный сон. Я была совсем одна и...

Кларк прижал ее к себе.

— Но ведь ты не одна.

— Да, Кларк, слава Богу, я так рада этому.

В его объятиях она мало-помалу перестала дрожать, и страшная реальность сна отступила.

Она коснулась губами его уха:

— Теперь все в порядке, честное слово. Спи.

Он погладил ее по волосам и легонько сжал плечо. Марти лежала не шевелясь и через несколько минут поняла по ровному дыханию Кларка, что он уснул.

Теперь, когда страхи ушли, Марти лежала, размышляя о предстоящем дне. Еще не рассвело, и у нее было время подумать.

Зимой жители округа проводили все свободное время в лесу, заготавливая бревна для будущей школы. Поселенцы понимали, как важно дать детям образование, и знали, что единственный путь сделать это — самим построить школу и найти учителя.

Они собирались возвести простой дом на одну комнату. Место для него дали Кларк и Марти Дэвис. Школа должна будет появиться на их земле, у ручья.

Штабеля бревен росли день ото дня. Нужно было успеть заготовить лес до весенних оттепелей — когда настанет пора браться за пахоту, времени на строительство уже не

останется.

Наконец нужное количество бревен было запасено. Завтра сюда съедутся соседи. Мужчины надеялись, что успеют возвести стены, а даст Бог — и установить стропила. Остальное можно будет доделать летом. Тогда к осени у детей появится школа.

Марти думала об учителе. Его пока не было: непросто найти того, кто согласится отправиться в такую даль, на едва освоенные земли. А вдруг найти хорошего вообще не удастся? Нет, все они должны молиться и молиться: чтобы поиски не были бесплодными, чтобы силы, потраченные на строительство школы, не пропали даром и чтобы учитель все-таки нашелся.

Мисси в школу еще рано. В начале ноября ей исполнится пять, и она слишком мала, чтобы учиться. Думая о предстоящем событии, Марти испытывала радостное волнение, но ей очень хотелось, чтобы Мисси побыла дома еще год: ведь если девочка пойдет учиться, они уже не смогут проводить столько времени вместе. Сама Мисси говорила о школе без умолку, и все же они с Кларком решили подождать.

Когда они начинали, казалось, что школа — дело далекого будущего, и вот теперь ее появление — вопрос нескольких дней. Мысль об этом так взбудоражила Марти, что заснуть она уже не могла, хотя поспать еще немного совсем не помешало бы. Приниматься за дневные дела было слишком рано. Если она встанет и начнет ходить по дому, то перебудит всех домашних.

Марти лежала тихо, прикидывая, что она приготовит завтра для тех, кто придет строить школу, и какую еду можно запасти уже сегодня. Она обдумала, как оденет детей и с кем из подруг при случае перекинется словом. Марти дорожила любой возможностью увидеться с соседями — пусть даже поводом станет тяжелая работа, требующая полной отдачи сил, — и знала, что остальные поселенцы ждут встречи с таким же нетерпением.

Время тянулось невыносимо медленно, и в конце концов, потеряв терпение, она потихоньку вылезла из-под одеяла. Марти старалась двигаться осторожно и неторопливо — будущий малыш делал ее движения тяжелыми и неуклюжими.

«Еще месяц, — подумала она, — и мы узнаем, кто это».

Мисси надеялась, что у нее появится младшая сестренка, а маленькому Клэру было все равно. Он просто не задумывался об этом — ведь младенец будет все время дома, с матерью, а Клэр при любом удобном случае норовил увязаться за отцом, изо всех сил стараясь поспеть за широко шагавшим Кларком. Едва ли появление новорожденного сильно изменит жизнь мальчика.

Марти натянула на ноги домашние носки и накинула теплый халат. Утром в небольшом доме было прохладно.

Сначала она пошла взглянуть на Мисси и Клэра. Предутренние сумерки еще не рассеялись, но из окна уже падал слабый свет. Дети спокойно спали, уютно свернувшись под теплыми одеялами.

Марти отправилась на кухню и, стараясь не шуметь, разожгла огонь в старой, служившей столько лет верой и правдой кухонной плите. Она относилась к ней почти как к человеку — надежному, доброму другу. Они вместе заботились, чтобы у домашних были еда и тепло. Пожалуй, из всего, что есть у них в хозяйстве, плита ей дороже всего.

Вскоре за железной дверкой уже потрескивал огонь, и Марти поставила на конфорку чайник, а потом наполнила кофейник. Поплотнее завернувшись в теплый халат — кухня еще не прогрелась, — Марти взяла с полки потрепанную Библию Кларка. Прежде чем проснутся

остальные, она успеет почитать и помолиться.

После дурного сна она ощущала особенно острую благодарность к Богу за дарованное счастье. Это чувство стало еще сильнее, когда она подумала о новой школе. Несмотря на близость и любовь Кларка, только Бог мог по-настоящему понять самые сокровенные ее переживания. И ей не терпелось излить душу Тому, Кого она узнала совсем недавно.

Марти сидела, неторопливо прихлебывая горячий кофе и наслаждаясь теплом, которое постепенно разливалось по всему телу. Она чувствовала себя бодрой и физически, и духовно. Марти еще раз перечитала найденный стих. Казалось, он был написан специально для нее и именно для этого часа. «...Будь тверд и мужествен, не страшись и не ужасайся; ибо с тобою Господь Бог твой везде, куда ни пойдешь»¹. Эти слова дарили надежду и утешение, успокаивали после тревожного сна. Какое счастье, что она не одинока! Вновь с благоговением и признательностью она подумала о мудрости Господа, Который почти сразу после трагической смерти ее первого мужа, Клема, послал ей Кларка. Когда ее душа исцелилась настолько, чтобы потянуться к другому человеку, Кларк был тут как тут. Почему она так долго сопротивлялась уготованному ей Богом? Матушка Грэхэм сказала как-то, что сердцу и чувствам нужно время. Да, наверное, дело было именно в этом. И когда это время пришло, она смогла полюбить снова.

«Любить и быть любимой, принадлежать другому человеку и быть частью его жизни — как чудесно, что Господь нашел место для этого, создавая мир», — подумала она, наливая себе вторую чашку кофе.

Сможет ли она когда-нибудь рассказать о своих чувствах Кларку? Когда она пытается сделать это, у нее почему-то ничего не получается. О, она так старалась, но слова каждый раз оказывались бессильны! Но ведь дела тоже могут говорить о чувствах. Изю дня в день она находила сотни способов поведать Кларку о своей любви и благодарности.

Внезапно крохотное существо толкнуло ее изнутри.

«И ты, — прошептала Марти, — ты тоже плод нашей любви. Сначала мы зачали тебя, потом ты появишься на свет и мы будем растить тебя. Это тоже любовь. Ты — чудо, понимаешь? Ты чудо, хотя мы еще не знаем, кто ты. Ты — чудо, потому что ты наш, тебя даровал нам Господь. Господь благословил тебя, малыш, он делает сильным твое тело и укрепляет твой дух. Расти большим и умным, чтобы папа мог гордиться тобой. Пусть твоя душа будет прекрасной и мудрой. Но даже если тело будет некрасивым, а разум слабым, — главное, чтобы дух был стойким. Я знаю, для твоего отца это важнее всего на свете. И для твоей мамы тоже».

В спальне послышался скрип и шорох, и через минуту на кухню вошел Кларк, прервав беседу Марти с еще не родившимся малышом.

— Ты сегодня рано, — улыбнулась ему Марти. — Тоже не спится?

— Попробуй-ка поспи, когда в кухне так чудесно пахнет кофе! Уверен, у дамочек, которые хотят подцепить кавалеров, было бы куда больше шансов, если бы они благоухали не французскими духами, а свежим кофе.

Они дружно засмеялись, и Марти привстала со своего места.

— Сиди, сиди. — Кларк положил руку ей на плечо. — Где стоят чашки, я знаю не хуже тебя. Не каждый день я могу до работы побаловать себя кофе. Может быть, заведем новый обычай?

Он улыбнулся и взял чашку. Она знала: на самом деле ему не хочется, чтобы она вставала еще раньше. Кларк понимал, что с двумя маленькими детьми и третьим на подходе

ей и без того приходится нелегко.

Кларк налил себе кофе и сел напротив. Он внимательно посмотрел на нее, и в его взгляде Марти прочла любовь и легкую тревогу.

— Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно.

— А как маленький?

Марти засмеялась:

— Мы как раз беседовали с ней, когда ты вошел.

— С ней, говоришь?

— Если верить Мисси, иначе и быть не может.

— Сегодня ночью ты меня напугала.

— Это был просто глупый сон.

— Хочешь рассказать?

— Да рассказывать-то особо нечего. Я почувствовала себя такой одинокой, что мне стало страшно. Не знаю, поймешь ли ты, Кларк, но я так рада, что мне почти не пришлось быть одной — даже когда я потеряла Клема. Ты и Мисси сразу заполнили мою жизнь. Хотя я не подпускала тебя к себе, ты все время был рядом. А благодаря Мисси мне все время было чем занять руки и голову. Ах, Кларк, я так рада! Так благодарна Господу за то, что Он не дал мне выбора и сразу взял дело в Свои руки, хотя я даже не думала о Нем.

Кларк подался вперед и погладил ее по щеке.

— Я тоже рад этому, миссис Дэвис. — Несмотря на озорные искорки, его глаза светились любовью. — Нет на свете другой женщины, которая варит такой кофе.

Марти шутливо отбросила его руку.

— Ах, кофе! Ну, погоди же!

Кларк посерьезнел.

— Ты знаешь, на самом деле все случилось куда раньше. До того, как я отведал твой кофе. Ты была такой хрупкой и одинокой, когда шагала к своему сломанному фургону. Я знал, что больше всего на свете тебе хочется забраться внутрь и умереть, и все же ты держалась изо всех сил и шла, высоко подняв голову. Я смотрел тебе вслед, и у меня разрывалось сердце. Вряд ли кто-нибудь на целом свете понимал твои чувства лучше меня. Мне так хотелось помочь тебе, облегчить твою боль.

Марти смахнула слезу.

— Ты никогда не говорил мне об этом. Я думала, что была нужна тебе, только чтобы заботиться о Мисси.

— Это верно, так оно и было. И первые пару месяцев я изо всех сил старался убедить себя, что все дело только в этом. Но потом мне пришлось признать, что было кое-что еще.

Марти взяла его за руку и сжала ее.

— Ах ты мошенник, — усмехнулась она.

— А потом настало самое тяжелое время. Несколько месяцев я мучительно пытался понять, что думаешь ты: чувствуешь то же, что и я, или готова уложить вещи и уехать. В те дни я научился молиться так, как не молился никогда прежде. И понял, что значит ждать.

— Кларк, я об этом даже не догадывалась, — прошептала Марти. У нее защемило в носу. Она поднесла к губам его руку и поцеловала загрубевшие пальцы. — Как мне возместить тебе это?

Он встал, наклонился к ней, поцеловал ее в лоб и усмехнулся.

— Для начала пригото́вь-ка на ужин мое любимое тушеное мясо — да нарежь его потолще.

Марти поморщилась.

— Мужчины, — сказала она, — почему-то считают, что единственный способ доказать свою любовь к ним — ублажить их желудок.

Кларк взъерошил ее распущенные волосы.

— По-моему, мне пора на скотный двор, иначе коровы подумают, что остались без хозяина.

Он поцеловал Марти в нос и вышел за дверь.

Глава вторая. Размышления

Солнце потянулось и поднялось с постели, роняя золотые и розовые блики на подтаявший снег и зеленые ели. Денек для строительства школы выдался славный. Выйдя из спальни, Марти возблагодарила Господа. Она беспокоилась, что может налететь очередная буря — это нередко случалось ранней весной, но о таком дне можно было только мечтать. Она попросила у Бога прощения за то, что усомнилась в Его милосердии, и поспешила в кухню.

Сегодня Кларк опередил ее и чуть свет отправился на скотный двор. Перед уходом он растопил плиту, и ее пламя наполнило дом блаженным теплом. Марти заторопилась, чтобы приготовить завтрак, пока не встали дети.

Она возилась у плиты, помешивая кашу и поджаривая гренки, когда в кухню вошел заспанный Клэр. Рубашка торчала из штанишек, их лямки были перекручены и застегнуты как попало. На одной ноге мальчика был башмак с развязанными шнурками, другой он держал под мышкой.

— Где папа? — немедленно спросил он.

Взглянув на взъерошенного сына, Марти улыбнулась.

— Пошел на скотный двор, — ответила она. — Думаю, он уже почти все сделал. Тебе нужно поторапливаться. Дай-ка я помогу.

Она заправила рубашку, поправила лямки штанишек и поставила малыша на стул, чтобы зашнуровать его башмаки.

— Сегодня все приедут строить?

— Да, сегодня все приедут к нам строить школу. К вечеру она уже будет стоять.

Клэр задумался. Он уже говорил Марти, что в школу ему не хочется, но все так радовались ее появлению... Он великодушно улыбнулся.

— Мне пора, — деловито сказал он, слезая со стула. — В школу я ходить, наверное, не буду — мне надо помогать папе.

Марти улыбнулась. «Конечно, — подумала она, — папе без тебя не обойтись. Кто будет путаться у него под ногами, когда он подкладывает корм скоту, кто будет пытаться поднять не по росту большое ведро? Кто вприпрыжку побежит рядом, когда он погонит коров на пастбище, кто будет болтать без умолку, когда он работает? Кто будет смотреть на него снизу вверх с любовью и восхищением?» Она наклонилась, чтобы обнять сына, потом помогла Клэру надеть теплое пальтишко, шапку и рукавицы и открыла ему дверь. Он со всех ног бросился отыскивать отца. Вокруг малыша с восторженным лаем носился Ол Боб.

Марти вновь занялась завтраком, время от времени поглядывая на дверь детской. Ей придется разбудить Мисси. Девочка любила поспать и не вскакивала чуть свет, как Клэр. Она с радостью встречала каждый новый день, полный приключений и открытий, но считала, что все это может повременить и до более позднего часа. Марти любила Мисси, как собственную дочь, как свою плоть и кровь. Хотя Мисси была еще мала, она много помогала Марти и с нетерпением ждала появления на свет «сестрички». Марти надеялась, что желание Мисси исполнится, и в доме появится еще одна девочка.

Накрывая стол к завтраку, Марти представляла, как женщины по всей округе делают в эти минуты то же самое, с таким же радостным волнением предвкушая появление школы. Их дети не должны расти невеждами из-за того, что родителям вздумалось осваивать новые

земли. Теперь они получают образование и смогут найти свое место в жизни — здесь или в иных краях — смотря как сложится жизнь.

Марти вспомнила о сестрах Ларсон, дочерях своей подруги Тины. Ее муж, Джедд, считал, что новая школа им ни к чему, что все это глупые выдумки. «Девчонкам образование без надобности», — говорил он. Но в глазах Тины Ларсон светилась немая мольба: ей так хотелось, чтобы ее дочки тоже могли учиться. Они были уже совсем большими, одиннадцать и тринадцать лет, школа была нужна им как никому другому: еще немного — и им будет поздно браться за учебу.

Хлопоча на кухне, Марти молилась, чтобы Джедд изменил свое отношение к школе.

Продолжая молиться, она выглянула в окно кухни и увидела, что ее мужчины возвращаются со скотного двора. Кларк старался идти помедленнее, чтобы маленький Клэр не отстал от него. Мальчик цепко держался за ручку бадьи с молоком, не сомневаясь, что он помогает отцу нести тяжелый груз, и весело болтал на ходу. Ол Боб носился взад-вперед, явно считая, что без него хозяева ни за что не нашли бы дорогу домой.

Марти почувствовала комок в горле. Иногда любовь так сильна, что причиняет боль, но даже эта боль прекрасна.

Семья Дэвис добралась до ручья первой — место, отведенное под строительство школы, находилось на участке Кларка и ехать было недалеко. Кларк распряг лошадей и начал мерить землю шагами, по пути вбивая колья, чтобы разметить площадку для будущего здания.

Клэр носился вокруг, то подхватывая молоток, как только отец опускал его наземь, то подавая колья. Он изо всех сил старался помочь и отчаянно мешал.

В фургоне они привезли на стройплощадку свою старую плиту, и теперь Марти возилась с ней, разжигая огонь и подогревая воду. Эта плита была далеко не так хороша, как та, что стояла у них в кухне, но стряпать на плите удобнее, чем на костре, и женщинам будет куда сподручнее приготовить горячий обед.

Наслаждаясь теплым весенним солнышком, Мисси сбросила капор, и ее пушистые каштановые локоны трепал ветерок. Она отвела лошадей к ближайшей рожице, привязала их к дереву и дала им сена на завтрак.

Вскоре стали прибывать другие повозки и фургоны, и через некоторое время вокруг уже царил веселая суматоха. Дети с визгом носились друг за другом. Даже Клэр не устоял перед соблазном оставить отца и присоединиться к общему веселью.

Женщины радовались встрече, болтали и смеялись, занимаясь стряпней.

Мужчины деловито осматривали бревна, отбирая те, что пойдут на фундамент, и прикидывая, в каком порядке будут класть остальные. Вскоре застучали топоры. Мускулистые руки наносили уверенные удары, щепки летели во все стороны, сильные спины дружно сгибались и распрямлялись, и тяжелые бревна одно за другим ложились на место. Марти не без гордости отметила, что Кларк пользуется всеобщим уважением соседей и является несомненным лидером.

Работа была нелегкая, справиться с ней можно было лишь сообща, однако радость от того, что предстояло сделать, умножала силы строителей. Тут и там слышались шутки и смех. Строители укладывали бревна, стены становились все выше, и через некоторое время уже можно было увидеть очертания будущей школы.

Весеннее солнце грело всюю, и мужчины, разгоряченные работой, сбросили куртки.

Старая плита делала свое дело: уже закипел кофе, а в больших котлах булькала тушеная свинина с бобами, распространяя умопомрачительный аромат по всей округе.

Вот уже кто-то из детей, принявшись, прекратил беготню, чтобы узнать у матери, не готова ли еда, а один из мужчин, ворочавших тяжелые бревна, сдержанно поинтересовался, скоро ли накроют на стол. Женщина, которая стояла у плиты, улыбнулась проголодавшемуся малышу, легонько шлепнула его и велела поиграть еще немного, а потом осадил нетерпеливого строителя. Без сомнения, мысленно она уже представляла, как ее сын стоит у доски, шелкая как орешки арифметические задачки.

Солнце, бревна, смех, но главное — надежда — сделали этот день светлым и радостным. И пусть вечером их тела станут ныть от усталости, все же на душе будет праздник. Ведь сегодня им удалось сделать великое дело: потрудиться не только ради своих детей, но и во имя будущих поколений. Они отдали частицу себя, и плоды этого будут пожинать их внуки.

Марти и Кларк решили, что лучше всего общее настроение выразил Бен Грэхэм. Когда собравшиеся, прежде чем разъехаться по домам, осмотрели результат своих трудов, он сказал:

— Как будто мы все стали выше ростом.

Глава третья. Арни

Марти с трудом заставила себя взяться за приготовление ужина. Хорошо, что скоро вернется с поля Кларк. С работой на скотном дворе он, к счастью, справляется быстро.

Из гостиной доносился голос Мисси. Она поучала младшего брата:

— Я же тебе сказала: не так, а вот так.

— А мне нравится так! — не сдавался Клэр, и Марти не сомневалась, что он своего добьется. Упрямства мальчику было не занимать. «Это у него от матери», — сокрушенно призналась она себе.

Она помешала ложкой в горшке, чтобы не пригорела морковь, и машинально направилась к буфету за хлебом. Марти было сильно не по себе, и причина ее недомогания была слишком очевидна.

Она бросила нетерпеливый взгляд на часы, и тут же у нее перехватило дыхание от очередной схватки. Марти едва держалась на ногах, и ей очень хотелось, чтобы Кларк вернулся поскорее.

Когда схватка ослабла, она снова принялась за дело: поставила хлеб на стол и пошла за маслом.

Наконец Марти услышала лай Ол Боба. Упряжка миновала дом и остановилась у скотного двора.

Клэр тоже услышал, что вернулся отец, и бросился ему навстречу. Наконец-то можно прервать игру со строгой и требовательной сестрой и вновь оказаться в мужском мире, где женщины не суют свой нос куда не нужно. Марти покачала головой и невольно усмехнулась, наблюдая, как он поспешно сдернул с вешалки свою курточку и на ходу сунул руку не в тот рукав. Марти знала, что на бегу он обнаружит свою ошибку и исправит ее.

Работы на скотном дворе было не так много, и вскоре на пороге показался Кларк с бадьей пенящегося молока. За ручку бадьи цепко держался его верный помощник.

Пока мужчины умывались на крыльце, Марти поставила на стол еду. Ожидая, пока все усядутся, она с облегчением опустилась на стул.

Кларк помолился, наполнил тарелку Клэра и стал наполнять свою. Но, бросив взгляд на Марти, он остановился и пристально посмотрел ей в глаза.

— Что с тобой? — тихо спросил он.

Она заставила себя слабо улыбнуться.

— Кажется, начинается.

— Начинается!.. — воскликнул он и резко отставил в сторону кастрюлю с картошкой. — Почему ты сразу не сказала? Я поехал за доктором. — Он был уже на ногах.

— Сначала сядь и поешь, — возразила Марти, но он лишь покачал головой.

— Тебе нужно прилечь, — сказал он и обернулся к детям. — Мисси, пригляди за Клэром. — Он посмотрел на дочь. — Скоро у нас родится малыш. Маме нужно полежать. Покорми Клэра ужином, а потом убери со стола. Я поеду за доктором. Я быстро вернусь, а ты будь взрослой девочкой и последи за домом, пока меня нет. Если маме что-нибудь понадобится, помоги ей, поняла?

Мисси важно кивнула.

— А теперь, — сказал Кларк, помогая Марти подняться, — немедленно в постель, и попрошу со мной не спорить.

Марти не возражала. Больше всего на свете ей хотелось лечь. Внезапно она поняла, что у нее есть еще одно желание — чтобы рядом с ней была матушка Грэхэм.

— Кларк, — спросила она, пока он расстилал постель, — а нам никак не обойтись без доктора?

— Конечно, нет, — ответил он, не глядя на нее, — а иначе зачем нужны доктора?

— Я бы предпочла матушку, Кларк. С ее помощью я родила Клэра, и она могла бы...

— Доктор знает, что делать, если что-нибудь пойдет не так. Матушка приняла много детей, и опыта ей не занимать, но если что-нибудь будет неладно, доктор знает, что предпринять... ну... в общем, сама понимаешь.

По щеке Марти скользнула слеза. Она не возражала против доктора, но ей так не хватало матушки! «Не глупи», — одернула она себя, но продолжала думать о своей приятельнице, и когда началась следующая схватка, желание видеть матушку стало еще сильнее.

Кларк подал ей ночную рубашку, которая висела за дверью, помог снять платье и переодеться в мягкий фланелевый халат.

Он прикрыл ее одеялом, поцеловал и пообещал, что скоро вернется. Бледное лицо и резкие, торопливые движения выдавали его волнение. Он почти бегом бросился к выходу, и через несколько секунд Марти услышала, как, вскочив на лошадь, он пустил ее галопом.

Из кухни доносились голоса детей. Мисси наставительно объясняла Клэру, что он должен поторапливаться и побыстрее доесть ужин. Она велела ему вести себя тихо, чтобы не беспокоить маму, — ведь скоро у них появится маленькая сестричка.

Марти очень хотелось поспать, но схватки становились все более частыми и продолжительными.

Мисси старалась не шуметь, но Марти слышала, как она гремит посудой, убирая со стола. Потом Марти услышала, что она укладывает Клэра спать. Мальчик громко протестовал, убеждая сестру, что еще рано, но она не слушала его и, к удивлению и облегчению Марти, скоро одержала верх. Клэр уgomонился.

Мисси заглянула в спальню доложить о своих успехах. К счастью, это произошло между схватками, и Марти могла спокойно поговорить с девочкой. Марти обняла ее, поблагодарила за помощь и велела малышке ложиться спать. Мисси послушно кивнула и отправилась исполнять распоряжение матери.

Время тянулось невыносимо медленно. Схватки стали еще чаще и причиняли такую боль, что Марти едва сдерживала стоны.

Услышав лай Ол Боба, Марти почувствовала облегчение. Она удивилась, что доктор приехал так быстро. Однако через минуту вместо доктора над ней склонилась матушка.

— Вы приехали, — благодарно прошептала Марти, не веря своим глазам. Она больше не сдерживала слезы, и они ручьями текли у нее по щекам. — Как вы догадались?

— К нам заехал Кларк, — ответила матушка. — Сказал, что я нужна тебе.

— Но я думала, он поехал за доктором.

— Так и есть. Роды будет принимать доктор. Но Кларк сказал, что со мной тебе будет спокойнее. — Матушка погладила Марти по голове. — Как ты?

Марти с трудом улыбнулась.

— Теперь... хорошо. Надеюсь, на этот раз все кончится быстрее, чем с Клэром.

— Я тоже, — кивнула матушка. Она ласково провела рукой по плечу Марти. — Посмотрю, как там дети, и приготовлю все к приходу доктора. Если что, зови.

Марти кивнула.

— Спасибо. — В ее голосе звучала благодарность. — Спасибо, что приехали. Я знаю, теперь все будет в порядке.

Матушка заходила в спальню еще несколько раз, потом, как сквозь пелену, с кухни донеслись голоса. Слова точно плыли в воздухе, и вот у постели появился доктор, вполголоса переговаривающийся с матушкой. Потом над ней склонился Кларк, шепча что-то ласковое и ободряющее.

Все остальное было как в тумане, пока Марти не услышала пронзительный крик новорожденного.

— Она здесь, — тихо сказала Марти.

— Он здесь, — звучно откликнулся доктор. — У вас чудесный мальчик, мэм.

— Мисси расстроится, — еле слышно прошептала Марти, но доктор услышал ее слова.

— Увидев этого малыша, она недолго будет расстраиваться. Он просто красавец. — Через несколько минут малыш уже лежал рядом с Марти. В свете лампы она увидела, что он действительно красавец, и почувствовала, как, точно теплый мед, ее переполняет любовь к новой крохотной жизни.

Потом пришел Кларк. При виде новорожденного сына он просиял, нагнулся к Марти и поцеловал ее темя.

— У нас родился еще один победитель! — сказал он удовлетворенно. — Марти кивнула с усталой улыбкой.

Кларк вышел и вскоре вернулся, держа в каждой руке по сонному малышу. Потом нагнулся.

— Вот ваш новый братик, — прошептал он. — Видите, он спит. Правда, он замечательный?

Клэр сонно хлопал глазами.

— Мальчик? — скептически спросила Мисси. — Но должна была родиться девочка! Я молилась, чтобы родилась девочка.

— Иногда, — тихо сказал Кларк, — иногда Богу виднее, что для нас лучше. Мы не всегда понимаем, что нам нужно, и порой вместо того, что мы просили, Он дает то, что нам действительно нужно. Думаю, Он не зря послал нам этого малыша.

Мисси внимательно слушала, косясь на младенца. Он потянулся и зевнул, и она улыбнулась.

— Он такой хорошенький, правда? — прошептала она. — Как мы его назовем, папа?

Они нарекли новорожденного Арнольдом Джозефом и тут же решили, что будут звать его малышом Арни.

Клэр считал, что с малышом скучновато, и жаловался, что «Арни ничего не умеет», хотя в любой момент готов был броситься на защиту брата. Мисси возилась с малышом и опекала его, громко удивляясь, что раньше она почему-то хотела иметь сестренку.

Постепенно жизнь вошла в привычное русло. Было посеяно зерно и посажены овощи. Марти крутилась как белка в колесе, ведь вместе с радостью малыш принес и новые заботы. Но хотя она и трудилась, не покладая рук, жизнь ее была наполнена любовью и счастьем.

Глава четвертая. Соседи

Наступила осень. Малыш Арни подрос и стал здоровым и крепким мальчиком. Он прочно занял свое место в сердцах домашних и радостно ворковал, улыбаясь родителям, сестре и брату. Мисси учила его, как нужно ползать, но он не обращал никакого внимания на ее наставления и делал это по-своему.

Зерно было убрано, и Кларк сказал, что хлеб в этом году уродился как никогда.

Марти едва управлялась с урожаем из сада и огорода. К счастью, Мисси всегда была готова прийти ей на помощь, повозиться с Арни и присмотреть за Клэром.

Все бы хорошо, если бы не новая школа. Несмотря на то, что работы летом было невпроворот, поселенцы нашли время обшить крышу, вставить окна и настелить полы. Они смастерили парты и установили пузатую печку. Каждый житель округа привез немного дров, и теперь во дворе возвышалась аккуратно сложенная поленица. Мужчины поставили сарай для лошадей и другие надворные постройки. Были повешены даже классные доски, но школа по-прежнему пустовала. Для поисков учителя был создан специальный комитет, но все усилия оказались тщетны, найти его так и не удалось.

Из-за этого Марти провела не одну бессонную ночь. Было обидно до слез: они положили столько сил на строительство школы, и вот она стоит пустая и никому не нужная, а дети потеряют еще год. Теперь речь могла идти только о следующем годе, но это же целая вечность! А ведь для некоторых детей, таких, как сестры Ларсон, возможности учиться может уже и не представиться.

Как-то утром Марти занималась заготовкой овощей на зиму. Вдруг она услышала, что к дому приближается упряжка. Поскольку соседи жили довольно далеко друг от друга, гости в доме бывали нечасто и всегда были желанными. Марти вытерла руки о фартук и, выглянув из окна, увидела, что Кларк разговаривает с Вандой Маршалл, держа под уздцы ее лошадей.

Ванда направилась к дому, и Марти переполошилась, сообразив, что ее фартук и руки перепачканы овощами. Она быстро сменила фартук и улыбаясь направилась навстречу гостье.

Марти радостно обняла Ванду, и обе женщины от нетерпения заговорили одновременно.

— Я так рада, что ты приехала! — воскликнула Марти. — Прости, что у меня такой беспорядок. Занимаюсь заготовками.

— Марти, о чем ты говоришь! — откликнулась Ванда. — Я понимаю, у тебя сейчас горячая пора, и мне не хотелось тебе мешать, но я не смогла усидеть дома. Мне совершенно необходимо было увидеться с тобой.

— Брось, работы полно всегда, ты мне не помешаешь. Разве с таким хозяйством может быть свободное время? А друзьям я рада в любой день.

Сначала Марти решила, что не будет донимать Ванду расспросами и подождет, пока та сама расскажет о своих новостях, но сияющее лицо подруги говорило о том, что она не прочь поделиться ими немедленно.

— Кажется, у тебя хорошие новости. Выкладывай, что случилось.

Ванда засмеялась. «Прямо как девчонка», — подумала Марти. Она никогда не видела соседку такой счастливой.

— О, Марта! — сказала Ванда. — Ты права, я просто умираю от нетерпения. — Она

засмеялась, набрала в грудь побольше воздуха и выдохнула: — Я только что была у доктора Уоткинса. У меня будет ребенок!

— О, Ванда! — отозвалась Марти, и Ванда продолжила свой рассказ.

— Доктор Уоткинс считает, что с этим малышом все будет в порядке. Никаких проблем. Кэм вне себя от радости, он все твердит, что наш сын будет самым красивым, сильным и умным мальчиком в округе.

— Думаю, Кларк мог бы с ним поспорить, — засмеялась Марти.

Ванда тоже засмеялась.

— Я спросила его: «А если родится девочка?» — и он ответил, что это будет самая очаровательная девочка на целом Западе. Марти, я так счастлива, что мне хочется плакать. — И Ванда действительно разрыдалась.

Марти обняла ее, и они заплакали вместе, не стыдясь слез радости, которые ручьями бежали у них по щекам.

Наконец к Марти вернулся дар речи.

— Я так рада за тебя, Ванда. Ведь теперь у нас есть доктор, а значит, все будет хорошо, я уверена. И у тебя появится долгожданный малыш. Когда он должен родиться?

— О, еще так долго, — простонала Ванда. — Только в апреле.

— Время пролетит незаметно, вот увидишь. А за зиму ты как раз все приготовишь. Сошьешь одеяльце и все остальное. Это такое счастливое время. Ты и глазом моргнуть не успеешь, как пройдет зима. Еще будет казаться, что времени не хватает.

— Надеюсь. Марти, покажи мне, пожалуйста, как связан свитерок Арни, тот, что был на нем в прошлое воскресенье. Мне бы тоже хотелось такой.

— С удовольствием. Это очень просто. Он связан крючком.

За кофе и сахарным домашним печеньем Марти и Ванда придумали рисунок. Марти объясняла подруге, как сделан свитер ее сына, а та делала для себя кое-какие записи.

День прошел быстро, и когда Арни и Клэр проснулись после дневного сна, Ванда сказала, что ей пора домой.

Марти отправила Мисси за Кларком, чтобы он привел лошадей Ванды. Тот немедленно выполнил просьбу, и, распрощавшись с хозяевами, гостя уехала.

Вместе с Кларком Марти побрела к закромам с зерном.

— У Ванды замечательная новость. — Голос Марти звучал взволнованно. — Наконец-то у нее будет ребенок, она так долго ждала этого. Ванда вне себя от счастья. Я молюсь, чтобы на этот раз все обошлось.

Марти видела, что Кларк тоже рад за ее подругу.

— Кэм сказал, что если родится мальчик, он будет самым умным и красивым на всем Западе, а если девочка — то самой хорошенькой. Я сказала, что ты можешь не согласиться. — И они оба рассмеялись.

Кларк задумался.

— Ты ведь почти не знакома с Кэмероном Маршаллом? — помолчав, спросил он.

— Я даже не помню, видела ли его. Кажется, пару раз мы встречались, когда собирались соседи. А что?

Кларк слегка помрачнел.

— Он странноватый парень, — сказал Кларк. — Это в духе Кэма: хотеть, чтобы его сынишка был умнее всех, а дочь — красивее. Очень на него похоже. — Он вновь умолк. — Мне кажется, он и на Ванде женился из-за этого. Решил, что она самая красивая девушка на

всем Западе, а значит, должна принадлежать ему. Слишком уж много значения он придает всему такому: мое, значит самое лучшее. Помню, как-то раз Кэм увидел красивую лошадь. И вбил себе в голову, что эта кобыла должна принадлежать ему, как же — ведь она лучше всех лошадей в округе. Он продал все семенное зерно и купил ее. Несколько лет с трудом сводил концы с концами, зато у него была лучшая лошадь в наших краях. Он считал, что дело того стоит. А его фургон ты видела? Весь расписной, да еще с коваными завитушками. А ведь вместо него он мог построить неплохой дом. Несколько лет назад соседи решили сделать для него доброе дело и помогли ему заготовить лес, которого хватило бы на хороший дом. А он увидел эту повозку и продал лес, чтобы купить фургон, и вот теперь они с Вандой ютятся в тесной хижине. «Все равно в доме хозяйничает женщина», — говорит Кэм. Если бы он думал иначе, наверное, у него был бы лучший дом в округе. Да и Ванде было бы полегче, тем более теперь, когда появится маленький. В их домишке и вдвоем-то не повернуться.

Кларк замолчал и посмотрел на далекие холмы. До этого Марти не имела представления, что за человек Кэмерон Маршалл. Она чувствовала себя беспомощной и не знала, как помочь подруге.

Кларк задумался.

— Я часто думаю, в чем причина? Почему человек не верит в себя и вынужден постоянно доказывать, что он не хуже других? Точно вещи могут сделать тебя лучше. Будто что-то грызет Кэма изнутри и не дает ему покоя. — Кларк вздохнул. — Будем надеяться, что малыш оправдает его ожидания, иначе Кэму придется тяжело.

Он посмотрел на Марти и улыбнулся.

— Я не хотел портить тебе настроение. Уверен, Кэм будет по праву гордиться малышом, и за Ванду я очень рад. Для нее теперь начнется новая жизнь.

День выдался прохладный. Все напоминало о том, что зима не за горами. «Слава Богу, хоть ветра нет», — думала Марти, упаковывая в коробку хлеб, мясную похлебку, овощи и печенье с патокой.

Утром она узнала, что миссис Ларсон заболела. Похоже, дело было посерьезнее обычной простуды, и Марти решила навестить соседку, несмотря на пронизывающий холод.

Кларку не хотелось отпускать ее одну, но Мисси была еще слишком мала, чтобы оставить ее с Клэром и малышом Арни, и ему пришлось остаться с детьми.

Марти оделась потеплее. Подхватив коробку с едой, она спустилась с крыльца, где ее уже поджидал Кларк с упряжкой.

— Ты уж там не засиживайся, — предупредил он. — Если увидишь, что ветер крепчает, сразу возвращайся домой.

Марти обещала сделать все, как он велел, поплотнее укуталась в одеяло, и лошади тронулись со двора.

Участок Ларсонов выглядел запущенным, из трубы поднималась еле заметная струйка дыма.

Никто не встретил ее во дворе, чтобы распрячь лошадей. Она привязала Дэна и Чарли к ближайшему столбу и, взяв коробку с едой, поспешила к двери.

Пока она шла к дому, ей показалось, что на одном из окон кто-то осторожно приподнял рваную занавеску. Когда она подошла ближе, занавеска опустилась. Она постучала в дверь, и ей отворила младшая дочь Ларсонов, Клэй. Девочка безмолвно кивнула и жестом пригласила Марти войти.

Ее старшая сестра Нандри мыла грязную посуду в тазу с не менее грязной водой. У

стола стояла метла: по-видимому, Клэй подметала пол.

«Что ж, они хотя бы пытаются поддерживать порядок», — удовлетворенно подумала Марти. Поздоровавшись с девочками, она подошла к чуть теплой плите. В помещении было холодно, и ее пробирала дрожь, хотя она так и не сняла пальто.

Она открыла дверцу плиты и увидела, что в топке тлеет одно-единственное полено.

— Где у вас дрова? — спросила она.

— У нас нет дров, — ответила Клэй. — Папа не наколот, а сами мы не можем.

— У вас есть топор?

— Да, кажется.

Что значит «кажется», Марти поняла через несколько минут, когда увидела в сарае груды неколотых чурбанов — это было все, что Джедд Ларсон запас на зиму. Рядом валялся топор с тупым зазубренным лезвием. С трудом Марти удалось наколоть немного дров, чтобы протопить дом.

Марти развела огонь, поставила на плиту чайник и отправилась навестить миссис Ларсон.

Ее соседка лежала на узкой постели, съезжившись под тонким одеялом. «Что ж, по крайней мере здесь нет разбросанной как попало одежды», — подумала Марти, оглядев комнату, но тут же поняла, что девочки и их мать надели на себя все, что есть в доме, чтобы хоть немного согреться. Бледная миссис Ларсон неподвижно лежала под ветхим одеялом.

«Почему я не догадалась захватить теплое одеяло?» — упрекнула себя Марти. Миссис Ларсон знобило. Марти подошла к ней поближе и осторожно убрала волосы с бледного, изможденного лица.

— Как вы? — тихо спросила она.

Миссис Ларсон попыталась что-то ответить, но то, что она сказала, разобрать было невозможно.

— Сейчас принесу вам немного супа, — решила Марти и поспешила назад, в кухню. Она поставила суп на конфорку, вышла на улицу и взяла из повозки одеяло, которое захватила в дорогу. Марти прогрела одеяло у плиты и плотно укутала им дрожащую миссис Ларсон.

Вскоре суп разогрелся, и Марти попросила у Клэй тарелку и ложку. Потом достала хлеб и дала его девочке.

— Отрежьте себе хлеба и перекусите вместе с Нандри, пока суп горячий, — велела она.

Голодные глаза девочек говорили о том, что они не заставят себя долго упрашивать.

Марти взяла тарелку с горячей похлебкой и пошла к миссис Ларсон. Она понимала, что женщина слишком слаба, чтобы есть самостоятельно, и надеялась, что она позволит себя покормить. Так оно и вышло. Миссис Ларсон согласилась поесть, и в ее глазах затеплилась благодарность.

— Девочки... — прошелестела она еле слышно.

— Они уже едят, — успокоила ее Марти, и миссис Ларсон облегченно вздохнула.

Марти кормила соседку с ложки, тихонько приговаривая:

— Мне очень жаль, что вы захворали. Я узнала об этом только сегодня. Жаль, что Джедд не сообщил нам раньше, мы бы сразу пришли на помощь... Славные у вас дочери, настоящие помощницы. Когда я приехала, Нандри мыла посуду, а Клэй подметала пол. Вы можете ими гордиться.

Лицо миссис Ларсон просветлело. Она слабо кивнула. Марти знала, как миссис Ларсон

любит своих девочек.

— Я знаю, вам сейчас нелегко. Женщине особенно тяжело болеть: кто без нее позаботится о домашних? Чувствуешь себя такой никчемной! Но ведь Господь знает о вашей болезни и знает ее причину. А причина есть всегда, хотя порой мы о ней не догадываемся. Я уверена, что все это случилось не просто так. Может, когда-нибудь мы узнаем, почему.

Суп был еще не доеден, но больная отстранила тарелку. Марти не поняла, насытилась она или просто устала. Потом миссис Ларсон заговорила. Сначала она говорила медленно, но постепенно ее речь делалась все более торопливой и сбивчивой, она захлебывалась словами, выплескивая все, что наболело на душе. Ей было тяжело говорить, она задыхалась, но не останавливалась.

— Мои девочки, — начала она, — они никогда ничего не имели, у них никогда ничего не было. Их отец неплохой человек, но он не понимает, что нужно детям. Я все время молилась... все время молила Господа, чтобы Он дал им шанс. Всего один шанс, ничего больше. Речь не обо мне. Я свою жизнь прожила. Это не значит, что я хочу умереть, — умирать страшно. Я не безгрешна, Марти, и возможно, у меня нет права просить Бога ни о чем, но ведь я прошу не для себя, а для своих детей... Марти, как думаешь, Он меня слышит? Я бы никогда не осмелилась обратиться к Господу, если бы не мои девочки, ведь им нужно... — И она разрыдалась.

Марти погладила худую руку, судорожно сжимавшую одеяло.

— Ну конечно, Он слышит вас, — сказала она убежденно.

Миссис Ларсон взглянула на Марти так, точно у нее камень с души свалился.

— И Он будет любить моих детей, несмотря на мои грехи? — Она смотрела на Марти с мольбой и надеждой.

— Да, — тихо ответила та, — Он любит ваших детей, и Он поможет им. Обязательно поможет. Но, миссис Ларсон, Он любит и вас, и Он хочет помочь вам. Вот увидите. Вы говорите, что не безгрешны... Но ведь мы все таковы. Библия говорит, что все грешат и все цепляются за свой грех. Однако Господь очистил нас от скверны, ведь Иисус в день Своей смерти принял на Себя все наши грехи. И мы можем попасть на небеса, хоть это и не наша заслуга. Нас спасает вера в Иисуса. Нужно сказать: «Спасибо Тебе, Господь, за то, что Ты Своей смертью искупил мои грехи и очистил мою душу от скверны. Теперь я достойна попасть на небеса». И тогда Он возьмет нашу грешную душу, очистит ее до блеска, и она отправится на небеса. Вот как Он отвечает на наши молитвы.

Марти погладила спутанные волосы соседки и осторожно убрала несколько прядей с горячего лба.

— Хотите помолиться, миссис Ларсон?

Женщина удивилась.

— Так я никогда не молилась. Никогда не просила за себя — только за детей. Даже не знаю, что я Ему скажу.

— Вы уже сказали это мне, — мягко напомнила Марти. — Скажите Ему, что вы грешили и не могли расстаться со своими грехами, но больше не в силах нести этот груз, и попросите Его очистить вас. И поблагодарите Его — за любовь и за то, что Он готов помочь вам.

Миссис Ларсон немного смутилась, но потом прочла короткую молитву. Сначала она запинаясь, но постепенно ее голос обрел уверенность, а слова зазвучали с неожиданной силой. Глаза Марти застилала слезы. Взглянув на миссис Ларсон, она увидела, что ее глаза

тоже полны слез, а на губах дрожит слабая, но решительная улыбка.

— Он сделал это! — воскликнула миссис Ларсон хриплым шепотом. — Он сделал это!

Марти сжала руку миссис Ларсон и вытерла слезы.

— Ну конечно, сделал, — подтвердила она. — И на остальные молитвы Он тоже откликнется. Я не знаю, как, но уверена, что так и будет.

Она поднялась. Солнце быстро двигалось к западу, и ей было пора домой.

— Миссис Ларсон, мне пора уходить. Я обещала Кларку не задерживаться, но хочу сказать вам кое-что еще. Я уверена, вы скоро поправитесь, но если с вами что-то случится, я сделаю все, чтобы ваши девочки получили свой шанс.

Миссис Ларсон молчала. Ее глаза вновь наполнились слезами. Казалось, у нее перехватило дыхание. Марти поняла, что миссис Ларсон так растрогана, что не в состоянии говорить.

— Спасибо, я так тебе благодарна! — наконец вымолвила она.

Марти легонько коснулась ее руки и направилась к выходу. Нужно было поторапливаться, чтобы Кларк до темноты успел привезти Ларсонам дрова и теплые одеяла.

Глава пятая. Волнующие новости

Марти закончила латать штанишки Клэра и отложила их в сторону. Ужинать было еще рано. Она достала из корзины детскую рубашку и занялась ее починкой, мысленно перебирая события последних месяцев.

Несколько раз она навещала миссис Ларсон. К ней также заглядывали матушка Грэхэм и другие соседки, все они ухаживали за больной и следили за домом. Миссис Ларсон наконец-то обрела покой и жила теперь в согласии с собой, но слабела день ото дня, и хотя никто не говорил об этом вслух, Марти знала, что эту битву они проиграют. Когда к миссис Ларсон пригласили доктора, он лишь покачал головой и посоветовал устроить больную поудобнее.

Смех детей, которые играли у теплой плиты, отвлек Марти от мрачных мыслей, и она вспомнила о более радостных событиях.

Скоро наступит весна, и в округе на свет появятся два малыша — это должно произойти в апреле. Марти радовалась за будущих матерей и молилась, чтобы у них все сложилось благополучно.

Первым должен родиться ребенок Ванды. Потеряв некогда троих детей, она страстно ждала этого дня и как никто заслужила свое счастье. Теперь, когда у них есть доктор, Ванда может быть спокойна — на этот раз все будет хорошо.

«Господи, пусть у Ванды все пройдет как надо», — молилась Марти по нескольку раз на дню.

Вторым новорожденным станет малыш Салли Энн. Это первый внук Бена и матушки, и они его ждут не дождутся. Один раз Салли Энн уже удалось забеременеть, но роды были преждевременными и ребенок не выжил. Ждать ей осталось совсем немного, и похоже, на сей раз все будет в порядке. Марти знала, что не одна Салли Энн считает дни.

Думая о малышах, которым предстоит вот-вот появиться на свет, Марти посмотрела на своих детей, которые играли подле нее.

Мисси натягивала на котенка кукольное платьице. Девочка потратила немало сил, прежде чем Марти позволила ей взять в дом одного из котят со скотного двора. Мисси назвала кошечку Мисс Пусс и обращалась с ней, как с ребенком. Редкому котенку достается столько любви и ласки, сколько получала Мисс Пусс. Правда, покоя своей питомице девочка тоже не давала.

Клэр строил из кубиков стойло для скота. Непослушные кубики все время падали на прутья от веника — они заменяли животных, — но после очередной неудачи Клэр, не унывая, принимался за работу снова.

Арни — он уже научился сидеть — внимательно наблюдал за Клэром. Грохот падающих кубиков приводил его в восторг. Он гукал от удовольствия и возбужденно раскачивался взад-вперед.

Клэр терпеливо объяснял маленькому Арни, какие прутья изображают лошадей, а какие — коров, телят и свиней. Арни слушал брата, потрясенно распахнув глаза, и радостно повизгивал в ответ.

Во дворе раздался лай Ол Боба, и в доме началась суета. Из города вернулся Кларк. Марти ждала его не раньше чем через час. Она взглянула на часы, думая, будто ошиблась, но увидела, что и в самом деле еще рано.

Клэр вскочил с ковра.

— Папа приехал! — завопил он и, не обращая внимания на рассыпавшиеся кубики и погребенных под развалинами стояла коров и лошадей, бросился навстречу отцу.

Марти хотела было попросить сына собрать игрушки, но передумала. Он успеет собрать их перед ужином. Для него, да и для Кларка так важен этот момент встречи!

Мисси, укачивая завернутого в одеяльце котенка, тоже выглянула во двор.

— Смотрите, Арни недоволен! — на бегу закричал Клэр, бросаясь во двор.

— Почему? — эти слова Марти пришлось крикнуть вслед сыну.

— Он не может побежать вместе с нами, — ответил мальчик через плечо, и дверь за ним захлопнулась.

Марти улыбнулась и подошла к Арни, который теперь сидел на ковре в одиночестве.

— Ты расстроился? — спросила она малыша и взяла его на руки.

Расстроенным Арни не выглядел, скорее слегка озадаченным: причина всеобщей суеты осталась для него непонятной, — но в целом он по-прежнему был доволен жизнью. Малыш улыбнулся. Марти поцеловала его и выглянула в кухонное окно.

Она думала, что дети, как обычно, забрались в повозку к Кларку и направляются к скотному двору, но увидела всех троих, идущих по тропинке к дому. Дети прыгали с камня на камень вслед за отцом, что-то бурно обсуждая.

Кларк тоже выглядел взволнованным. Марти направилась к двери, навстречу домашним.

— Добрые вести! — закричал Кларк, обнял ее за талию и вместе с малышом закружил по кухне. Марти крепко прижала к себе Арни, которому очень понравилось новое развлечение.

— Ради Бога, Кларк! — воскликнула Марти, переводя дыхание. — В чем дело?

Кларк рассмеялся и прижал ее к себе. Довольный Арни цепко ухватился за отцовскую рубашку.

— У меня отличная новость, — ответил Кларк. — Мы нашли учителя.

— Учителя!

— Да, осенью наша школа оживет. Там зазвенит звонок и заскрипят перья. Ты слышишь, Мисси? — Он подхватил дочку и поднял ее под самый потолок. — Мы нашли учителя, — повторил он. — Осенью ты пойдешь в школу, как настоящая леди.

— Настоящие леди не ходят в школу, — со смехом возразила Марти. Снедаемая любопытством, она потянула мужа за рукав. — Кларк, перестань дурачиться и расскажи все толком. Господи, как же это здорово! Мисси, ты только представь, у нас будет своя учительница! Разве могут быть новости лучше этой? Кто она, Кларк, откуда она приехала?

— Это он, Марти. Это мужчина, его зовут мистер Вилбур Витл, он приехал из замечательного города — запамятовал, как он называется. Он по-настоящему образованный человек. Уже проработал учителем восемь лет и говорит, что хочет увидеть Запад своими глазами.

Мисси развеселилась.

— Ура! Ура! Ура! — закричала она, хлопая в ладоши от восторга. — Я буду ходить в школу. Я буду читать, писать, рисовать и буду знать все на свете.

— Я тоже, — заявил Клэр.

— Ты — нет, Клэр, — снисходительно сказала Мисси. — Ты еще слишком мал.

— Нет, — возразил Клэр, — я почти такой же, как ты.

Неизвестно, чем бы закончился этот спор, если бы в дело не вмешался Кларк.

— Эй, — сказал он и подхватил Клэра на руки. — Конечно, ты уже большой и вполне мог бы идти в школу. Но есть одна загвоздка. Кто будет помогать мне доить коров и кормить скот, если ты будешь в школе? Думаю, тебе нужно подождать пару лет, пока малыш Арни немного подрастет и начнет помогать мне по хозяйству.

Клэр остался доволен. Пусть Мисси идет в школу. Он согласен подождать. Что делать, если отцу без него не справиться!

Унять волнение, вызванное новостями, было нелегко, но в конце концов все немного успокоились. Марти усадила Арни на его стульчик и сунула пожевать кусок хлеба. Клэр вместе с отцом отправился на скотный двор, чтобы распрячь лошадей и покормить других животных. Мисси распеленала котенка и серьезно объяснила ему, что скоро у нее не будет времени на игры. Ведь она уже взрослая и осенью пойдет в школу. Потом она вытащила свое лучшее платье, чистые чулки и воскресные туфли — до начала занятий осталось всего пять с половиной месяцев.

Марти улыбнулась, наблюдая, с какой серьезностью Мисси готовится к школе, и когда она взялась за приготовление ужина, душа у нее пела. Осенью в школе начнутся долгожданные занятия, и Мисси сможет учиться. Пойдут ли в школу Нандри и Клэй? Марти еще раз пообещала себе сделать все от нее зависящее, чтобы помочь девочкам.

Глава шестая. Ребенок Ванды

В небе сияло теплое апрельское солнце, остатки снега быстро таяли, уступая место крокусам и одуванчикам. Марти радовалась весеннему солнышку, предвкушая, как будет возделывать огород и сажать цветы.

Дети тоже наслаждались теплом, проводя на улице целые дни. Клэр, как тень, следовал за отцом, а Мисси укутывала малыша Арни и выносила его на улицу поиграть. Кларк соорудил небольшую деревянную коляску, и Мисси катала Арни по двору. Когда обоим приедалось это развлечение, Мисси оставляла малыша с мамой, а сама копалась на клочке земли рядом с домом, где она устроила «огород». Марти дала ей немного семян, и там, где были посажены репа и латук, уже показались первые зеленые ростки. Девочке не хватало терпения дождаться, пока они вырастут, и она то и дело выкапывала проросшие семена, чтобы проверить, что с ними происходит. Марти тщетно пыталась втолковать ей, что без столь пристального внимания овощи росли бы куда быстрее.

Сама Марти уже подумывала, не попросить ли Кларка вспахать землю под настоящий огород, но понимала, что пока рано. Ночи были еще холодными, и мороз мог повредить нежные молодые ростки. Однако терпение давалось ей ничуть не легче, чем Мисси.

Когда выдавалась свободная минутка, Марти усаживалась за вязание. Ей нужно было связать две шали — одну для ребенка Ванды, а другую для Салли Энн, — чтобы укутывать будущих малышей. Мисси нравилось наблюдать за ее работой, и она умоляла маму позволить и ей связать хотя бы несколько рядов. Марти дала девочке пряжу и спицы и показала, как вяжется простое полотно. Мисси заявила, что будет вязать свитер для Мисс Пусс.

Как-то вечером Марти сидела, заканчивая вторую шаль. На плите варилась картошка к ужину. Внезапно во дворе залился громким лаем Ол Боб. Марти никогда не слышала, чтобы он поднимал такой шум. Она выглянула в окно и увидела, что к дому приближается всадник. Марти сразу поняла, почему так разволновалась собака. Он пригнулся к шее лошади, подхлестывая ее поводьями и колотя каблуками по бокам. Взмыленная лошадь, тяжело дыша, мчалась во весь опор.

Всадник распахнул ворота и выпрямился в седле. Это был Кэмерон Маршалл.

Тут же откуда-то появился Кларк и подхватил поводья. Кэм спешил. Марти подумала про Ванду и встревожилась. Она выскочила из дома навстречу мужчинам.

Кларк без слов понял ее вопросительный взгляд и быстро сказал:

— С Вандой все в порядке. Она рожает, с ней док. Но она волнуется и хочет, чтобы ты приехала. Я запрягу лошадей, а вы с Кэмом пока идите в дом. Я позабочусь о его лошади. Ей сейчас нужен отдых — он уже ездил на ней в город, а теперь прискакал сюда.

Марти взглянула на покрытую хлопьями пены кобылу, которая пошатывалась от усталости. Так вот она, знаменитая лошадь Кэма Маршалла. Выглядела она не лучшим образом, но после того как Кларк покормит и почистит ее, она наверняка придет в себя.

— Я пошел запрягать, — сказал Кларк и ушел, ведя в поводу прихрамывающую лошадь.

— Проходите в дом, — пригласила Марти гостя, который никак не мог отдышаться. — Через пару минут я буду готова.

Он последовал за ней, явно не вполне понимая, где находится.

— Присядьте, — распорядилась Марти. Она отодвинула кипящую картошку на край

плиты. Из духовки так аппетитно пахло мясом, что у нее потекли слюнки. Марти почувствовала, что проголодалась. Что ж, по крайней мере домашние не останутся без ужина. Она налила чашку кофе и поставила ее перед Кэмероном.

— Хотите сахару или сливок? — спросила она.

Он покачал головой.

— Пейте, а я пока уложу вещи, — сказала Марти, размышляя, действительно ли гость пьет кофе без сахара и молока или он так взволнован, что просто не в состоянии об этом думать.

Она оставила его на кухне, а сама поспешила в спальню и принялась укладывать сумку. Ей придется взять с собой Арни: вдруг она не успеет вернуться до его кормления. Мисси и Клэра она оставит на попечение отца.

Она приготовила все необходимое и собрала в дорогу младшего сына. Кларк на кухне беседовал с Кэмероном. Марти заметила, что Кэм выпил кофе до дна. Что ж, может быть, это придаст ему сил.

Кларк помог ей взобраться в повозку, где она уложила Арни в особый ящик, наполненный сеном. Этот ящик они специально держали здесь, чтобы при необходимости была возможность уложить малышей поспать. Сама Марти уселась впереди, и Кларк передал ей вожжи.

К счастью, Кэмерон не возражал, чтобы правила Марти. Она вздохнула с облегчением, ведь Кэм в нынешнем состоянии непременно погнал бы лошадей во весь опор. Доктор был уже на месте, и Марти могла не торопиться. Однако она тоже волновалась и старалась не медлить. К тому же ее ждала Ванда.

Когда они добрались до крохотной хижины Маршаллов, Кэмерон немного успокоился и теперь снова владел собой.

Он помог Марти вылезти из повозки, передал ей Арни и поставил на землю сумку с вещами, сказав, что занесет ее внутрь, когда распряжет лошадей.

Марти поспешила в дом. Она расстелила на полу свое пальто и уложила Арни. Потом можно будет принести из повозки ящик с сеном и устроить малыша поудобнее.

Кровать стояла в глубине комнаты. Внимание доктора было поглощено Вандой, и он едва взглянул на Марти.

— Могу я с ней поговорить? — тихо спросила Марти.

— Разумеется, — ответил доктор. — Постарайтесь ее успокоить.

Марта кивнула. Она подошла к изголовью и заглянула в бледное лицо Ванды.

— Это я, — тихо сказала она подруге.

Ванда попыталась улыбнуться.

— Ты приехала, — произнесла она слабым голосом. — Я так рада. Я боюсь, Марти. Что если...

Но Марти не дала ей закончить.

— Все будет хорошо. — Марти старалась говорить убежденно. — Здесь доктор. Очень скоро у тебя родится замечательный сын или чудесная дочка. Ты ведь так этого ждала! Главное — не волнуйся и делай то, что скажет доктор. Он отлично знает свое дело.

Ванда недоверчиво посмотрела на подругу, но ответила:

— Я постараюсь.

— Вот и молодец! Тогда я пойду покормлю твоего мужа и доктора ужином. Если понадобится, не забывай — я рядом.

Ванда еле заметно кивнула и закрыла глаза.

Марти пожала ей руку и пошла посмотреть, есть ли в доме съестное, кроме мяса и хлеба, которые она привезла с собой. К счастью, Арни крепко спал. Из конюшни вернулся Кэмерон, однако он изо всех сил старался держаться подальше от жены и доктора.

Вскоре ужин был готов. Кэм даже не притронулся к еде. Доктор прервал свое неусыпное бдение рядом с роженицей, выпил чашку кофе и съел сандвич с холодным мясом. Его растерянное выражение лица так напугало Марти, что все валилось у нее из рук, пока она убирала со стола и мыла посуду.

В маленькой хижине было тесно и тревожно. Кэмерон вышел во двор и шагал там взад-вперед под звездами. Марти улучила минутку, чтобы спросить доктора, как идут дела.

— Вообще-то пора бы ей уже родить, — прямо ответил тот. — Меня это беспокоит. Ребенок очень маленький, и если роды затянутся, он может не выдержать. Я хочу послать за матушкой Грэхэм. Дай Бог, чтобы я ошибся, но боюсь, когда малыш появится на свет, за его жизнь придется побороться.

По щекам Марти побежали слезы, про себя она молила Бога о том, чтобы все обошлось.

— Попрошу Кэма съездить за ней, — шепнула она доктору.

Она вытерла слезы, чтобы не пугать Кэма, который и без того не находил себе места. Потом вышла во двор и увидела, что он сидит на колоде для дров, уронив голову на руки.

— Кэм, — окликнула его Марти.

Он резко поднял голову и с ужасом посмотрел на нее.

— Док сказал, что ему нужен помощник. Чтобы позаботиться о новорожденном, понадобится кто-то еще. Он хотел бы, чтобы это была матушка Грэхэм. Ведь я не умею обращаться с маленькими. Ты можешь взять нашу упряжку. Док говорит, что время у нас есть. — Она старалась говорить как можно спокойнее.

Кэмерон поднялся. От того, что для него нашлось какое-то дело, ему сразу стало легче.

Вернувшись в дом, Марти услышала, как со двора выехала повозка. «Правит он спокойно», — удовлетворенно отметила Марта и отправилась кормить Арни.

Когда Кэмерон привез матушку, доктор получил небольшую передышку. Он выпил чашку кофе и немного размялся, прогулявшись по двору фермы.

Марти приготовила еще кофе, успокоила Ванду и уложила Арни. Завернутый в одеяльце малыш сладко уснул в уютном ящике с сеном. Марти посмотрела на сына с завистью. Прилечь в хижине было негде.

Они ждали целую ночь, но малыш появился на свет, лишь когда на востоке показались первые лучи солнца. Марти отправилась в сарай, чтобы принести дров, и по возвращении услышала слабый крик новорожденного.

Ванда тоже услышала этот крик и еле слышно произнесла что-то бледными губами.

— Мальчик, — возвестил доктор ликующим голосом, каким всегда говорят в подобных случаях доктора. Марти не сводила с него глаз. Она видела, как он подошел к Кэмерону, и, хотя врач понизил голос, расслышала его слова: ребенок ослаблен, но они сделают все возможное, чтобы спасти его. Кэм безмолвно кивнул и вновь опустился на стул.

Доктор кивнул матушке, чтобы та занялась Вандой, а сам положил крохотный сверток на стол.

Он попросил Марти подвинуть стол поближе к плите и расстелить на нем маленькие одеяла, чтобы уложить малыша. Потом открыл свой саквояж, поставил его рядом и начал борьбу за жизнь малыша, которая длилась несколько часов.

Марти чувствовала: доктор призывает на помощь весь свой опыт и знания, чтобы заставить смерть отступить. Позднее он признался Марти, что дважды ему казалось, будто битва проиграна, но каким-то чудом в крохотном теле вновь вспыхивала искорка жизни.

Двадцать восемь часов спустя Марти и доктор разъехались по домам. Ванда осталась дома с новорожденным сыном, а глаза Кэмерона светились признательностью и любовью. Он заявил, что в благодарность подарит доку свою лошадь.

Матушка осталась у Ванды еще на несколько дней, пока та не окрепнет. Кэмерон, прихватив пару одеял, устроился на сеновале, а для матушки постелил на полу хижины пуховую перину.

Он, похоже, уже оправился от переживаний и начал потихоньку хвастаться своим сыном, рассказывая всем, каким замечательным парнем он вырастет и какие великие свершения ждут его в будущем.

Марти ехала домой такая уставшая, что была не в силах держать в руках поводья. К счастью, Дэн и Чарли знали дорогу не хуже хозяйки и доставили ее и малыша Арни домой в целости и сохранности. Арни наслаждался поездкой в уютном ящике с сеном за спиной матери.

Когда Марти въехала во двор, ей навстречу торопливо вышел Кларк, а следом выбежали дети и обезумевший от радости пес. Обессиленная Марти буквально упала в объятия мужа.

— Мальчик, — пробормотала она. — Он будет жить. Так сказал док.

Подхватив маленького Арни, Марти с трудом добрела до постели. Прижав малыша к себе, она покормила его. Он отлично перенес нелегкую поездку. Марти поцеловала его теплую макушку, и ее сморил сон. Она не слышала, как через некоторое время в спальню вошел Кларк и рядом с крепко спящей Марти увидел довольного малыша, который, весело лепеча, играл с пальчиками на своих голеньких ножках.

Глава седьмая . Миссис Ларсон

К сожалению, апрель принес с собой не только новую жизнь. В апреле же их небольшую общину посетила смерть. Дождливым утром в среду Кларк и Марти узнали, что миссис Ларсон скончалась во сне.

Марти расстроилась еще больше из-за того, что с этой новостью к ним пришла Клэй. Такие события и без того невыносимы для ребенка, но, как выяснилось, Джедда Ларсона в это время попросту не оказалось дома.

Похороны должны были состояться на следующий день. Женщины, жившие по соседству, обмыли тело и подготовили его к погребению, а мужчины сколотили простой деревянный гроб. Марти отдала для похорон Тины Ларсон одно из своих платьев, а миссис Стерн принесла одеяло, которым гроб выстлали изнутри.

Дождь лил не переставая, и копать могилу было нелегко, но к назначенному часу все было готово.

В два часа дня повозки фермеров медленно тронулись в сторону укромного уголка на участке Джедда, где состоялась краткая церемония погребения, которую провели Кларк и Бен Грэхэм.

У Марти разрывалось сердце при виде сестер Ларсон, которые стояли под дождем, прижавшись друг к другу, и смотрели, как единственного человека, дарившего им любовь и утешение, опускают в могилу. После службы, посоветовавшись с Кларком, Марти набралась храбрости, подошла к Джедду и предложила, чтобы девочки на несколько дней, «пока все уляжется», переехали к ней.

— Это еще зачем? — недовольно спросил он. — У них полно дел и дома, горевать им будет некогда.

Марти рассердилась и быстро зашагала прочь, чтобы ненароком не выплеснуть свой гнев. Осенью начнутся занятия в школе, и девочки непременно должны пойти учиться. Она была полна решимости сдержать обещание, данное Тине Ларсон, — но как сделать это? Конечно, Марти будет молиться о них, и Кларк наверняка присоединится к ней. Ну да, пути Господни неисповедимы, и порой Он отвечает на наши молитвы совершенно неожиданным образом.

Кусая дрожащие губы, Марти вытерла слезы — они текли по ее щекам, смешиваясь с дождем, — и зашагала к фургону, где ждал Кларк.

Шло время, но смерть миссис Ларсон не давала Марти покоя. Думая об осиротевших девочках, она буквально не находила себе места. Джедд Ларсон и в лучшие-то времена был не в состоянии позаботиться о своей семье, а теперь и подавно. Со смертью матери эти дети потеряли все. Они пережили утрату, слишком большую даже для взрослого.

Несколько раз Марти навещала их, привозя с собой холодное мясо, овощи, домашний хлеб, печенье... При взгляде на сирот у нее разрывалось сердце. Она решила, что ей необходимо повидаться с матушкой Грэхэм. Они обсудят ситуацию и, может быть, найдут способ убедить упрямого Джедда отпустить дочерей учиться.

Пока миссис Ларсон была больна, Марти успела узнать девочек поближе. Старшая, Нандри, была тихой и нелюдимой. Марти боялась, что время уже упущено и ей не удастся помочь Нандри пережить горе и преодолеть замкнутость. Вдруг из нее никогда не получится открытой и уверенной в себе девушки с чувством собственного достоинства? Младшая же,

Клэй, походила на крохотный бутон, которому просто не хватает солнечного света. Марти чувствовала, что, получив тепло и внимание, Клэй непременно расцветет в полную силу. Мало-помалу застенчивость девочки отступала, она держалась с Марти все свободнее, и та заметила: хотя Клэй и была младшей, нередко инициатива в разговоре принадлежала ей.

Марти решительно вскинула голову. Она сделает все, чтобы девочки смогли учиться.

За завтраком она поделилась с Кларком своими планами:

— Сегодня такой чудесный день. Думаю, нам с детьми не помешает проветриться. Мне хотелось бы навестить матушку.

— Отличная мысль, — откликнулся Кларк. — Сеять еще рановато, земля не просохла. Так что можешь взять лошадей. А я займусь расчисткой участка на нижнем поле. Думаю, этой весной его тоже можно будет засеять. Скажи, когда будешь готова, я запрягу лошадей.

— Думаю, нам хватит часа, чтобы собраться, — ответила Марти. — Очень уж хочется поболтать с матушкой. Она ведь недавно вернулась от Ванды. Узнаю, как малыш...

— И... — вопросительно посмотрел на нее Кларк.

— ...может быть, она расскажет, как дела у Салли Энн. Думаю, матушка волнуется за дочь, ведь она уже переживает срок.

— И... — Кларк продолжал внимательно смотреть на нее.

Марти опустила глаза. Похоже, он и вправду не догадывается об истинной цели ее визита. Марти вздохнула и сказала:

— Хочу поговорить с ней о сестрах Ларсон, — призналась она. — Кларк, с ними нужно что-то делать, но я ума не приложу, как поступить.

Кларк отставил в сторону пустую миску из-под каши и встал, чтобы взять кофейник. Наливая Марти вторую чашку, он положил руку ей на плечо. Потом подлил кофе себе и поставил кофейник обратно на плиту.

«Так вот оно что!» — казалось, говорили его глаза, но он молчал, прихлебывая кофе.

Наконец Кларк сказал:

— Джедд Ларсон всегда был без царя в голове, да и упрямец он, каких поискать. Если он сам не поймет, что дочкам нужно ходить в школу, едва ли кто-нибудь сумеет его переубедить.

— Это я понимаю, — расстроено ответила Марти. — Может быть, ты поговоришь с ним по-мужски?

Кларк покачал головой.

— Моих советов Джедд никогда не слушал.

— Он настоящий эгоист, — взорвалась Марти, — думает только о себе!

— Не забывай, что дочки готовят ему еду и стирают одежду.

— Это несправедливо!

В глазах Кларка блеснул озорной огонек.

— Может быть, нужно молиться, чтобы Господь послал ему новую миссис Ларсон?

Марти нахмурилась.

— Такого я не пожелаю ни одной женщине, даже той, которую терпеть не могу, — сердито ответила она, сверкнув глазами.

Кларк улыбнулся и встал из-за стола.

— Другого выхода я пока не вижу, — сказал он. — Пойду приготовлю лошадей. Давай-ка, Клэр, идем со мной, мне нужна твоя помощь. И ты, Арни, ну-ка иди к папе.

Оба сына живо откликнулись на приглашение — Клэр бросился к двери, а Арни

протянул ручонки к отцу.

Марти заторопилась, ей нужно было убрать со стола и помыть посуду. Однако Мисси заявила, что сегодня ее очередь наводить порядок, и это немного затянуло сборы. Но Марти понимала, что желание девочки помочь стоит потраченного времени.

Повозка подъехала к дому Грэхэмов, и навстречу Марти вышла обрадованная матушка. Она поспешила пригласить гостей в дом, где ее дети тут же вовлекли Клэра и Мисси в свои игры. Нелли вызвалась заняться маленьким Арни, и Марти с благодарностью согласилась.

Матушка и Марти уселись поговорить по душам за чашкой кофе с теплым ореховым кексом.

— Как сынишка Ванды? — поинтересовалась Марти.

— Крохотный, но с характером. Задора ему не занимать, будь уверена.

— Как они его назвали? — Марти с улыбкой вспомнила длинный список имен, который составили Ванда и Кэм.

— Эверетт Кэмерон Де Винтон Джон.

— Не слишком ли для такого крохи?

— Пока да, но придет время, и он дорастет до своего имени.

— Я так рада, что у него все в порядке, — с чувством сказала Марти. — Не знаю, что было бы с Вандой, если бы она потеряла еще одного малыша.

Матушка серьезно кивнула.

— Как Салли Энн?

— Все хорошо, вот только ждать она уже устала. — Матушка покачала головой. — Сама понимаешь, такие дни кажутся вечностью. Вчера я ее навестила. Джейсон сделал колыбельку, она уже и одеяльце туда постелила, ждет не дождется, когда же будет ее качать. И все же я волнуюсь куда больше, чем она. Даже не думала, что буду так переживать, ожидая внуков.

— А роды будете принимать вы?

— Господи, только не это! Теперь у нас есть доктор, пусть он этим и займется. Смешно сказать, сколько малышей я приняла, а тут... Только подумаю про эти роды — дергаюсь, как годовалая кобыла под седлом. Мы уже решили, что при первых же признаках отправим Томми за доктором. Скорее бы уж все было позади.

Марти кивнула. Ей тоже этого хотелось. Она представила себя на месте матушки. Что чувствуешь, когда рождает твоя дочь? Наверное, это ужасно — ей больно, а ты ничем не можешь помочь. Она подумала, что когда придет черед Мисси, она будет нервничать куда больше матушки. Марти отбросила эту мысль и сменила тему.

— Вообще-то, матушка, я приехала поговорить совсем о другом. Я рассказывала вам, что обещала Тине Ларсон сделать все возможное, чтобы Нандри и Клэй смогли учиться. А их отец... боюсь, он ни за что не позволит им ходить в школу. До занятий осталось всего несколько месяцев, а Джедд Ларсон во всеуслышание заявил, что его дочерям это ни к чему. — Марти беспомощно взглянула на матушку. — Как его переубедить? — В ее голосе звенело отчаяние.

— Если уж Джедд Ларсон вбил что-то себе в голову, переубедить его невозможно. Прямо не знаю, как к нему подступиться. Ума у него не много, зато упрямства на десятерых.

— Да, — вздохнула Марти, вертя в руках кофейную чашку. Она уже не верила, что когда-нибудь сдержит свое обещание. Что она может сделать? Она молилась и молилась, но сердце Джедда не смягчилось и он по-прежнему не согласен отпустить дочерей в школу. Но

она пока не сдалась. Может быть, Господь сможет открыть этому упрямцу глаза.

Марти помогала матушке убрать со стола, когда дверь распахнул запыхавшийся Джейсон.

— Матушка, — выдохнул он, забыв поздороваться. — Салли Энн говорит, что началось.

— Том работает в поле, у скотного двора, — торопливо проговорила матушка, засуетившись от волнения. — Отправь его за доктором и возвращайся за мной.

Она подхватила сумку, которая стояла в углу, накинула на плечи шаль и почти бегом бросилась во двор.

Марти догадалась, что сумка в углу была уложена заранее и дожидалась своего часа уже давно.

Том оседлал лошадь и пустил ее галопом, а матушка и Джейсон не медля уселись в повозку и выехали со двора следом за ним.

Марти собрала свое небольшое семейство и отправилась домой. Она не сомневалась, что у Салли Энн и ее малыша все будет в порядке. И все же по дороге невольно начала молиться о них.

В тот же день ближе к вечеру приехал Том и сообщил радостную новость: Салли Энн благополучно родила дочь, и новоиспеченные бабушка и дедушка в полном порядке.

— Подумать только, — заметил он с веселым удивлением, — теперь я дядя Том. Если так пойдет, скоро и мне придется обзавестись собственным домом.

Марти улыбнулась.

— Почему? — спросила Мисси. — Ты не можешь больше жить дома, раз стал дядей?

Том весело подмигнул Марти.

— Отчего же, — ответил он, — могу. Думаю, за это меня из дома не выгонят. Кто же будет ухаживать за скотом и работать на земле? Пожалуй, какое-то время я еще могу повременить. Просто тесниться надоело.

Он помолчал и застенчиво добавил:

— К тому же для начала мне нужно подыскать хозяйку для будущего дома.

Внезапно Марти поняла, что юный Томми стал совсем взрослым и шутливые разговоры о собственном доме, возможно, имеют под собой почву. Как быстро они взрослеют, эти дети, подумала она.

Она невольно стала вспоминать девушек, живущих по соседству. Кто из них может составить пару Тому Грэхэму? Она привязалась к Томми еще с тех пор, когда в отсутствие Кларка он приходил помогать по хозяйству и целые вечера читал вслух маленькой Мисси. А теперь перед ней стоял молодой мужчина. Марти надеялась, что, когда придет время, он найдет себе достойную невесту.

Том усадил к себе на колени подпрыгивающего Арни и вновь заговорил о своей новорожденной племяннице.

— Они никак не могут решить, как ее назвать. Салли Энн хочет назвать ее Лаурой, а Джейсону нравится Элизабет. Должно быть, прочитал книжку про какую-нибудь Элизабет. А в придачу к Элизабет нужно добавить Салли или Энн. Элизабет Салли звучит странновато. Мне нравится Элизабет Энн. А тебе?

— Мне тоже, — согласилась Марти. — По-моему, очень красиво.

— По-моему, тоже, — поспешила присоединиться к ним Мисси, напомнив Тому, в котором она души не чаяла, о своем присутствии.

— Решено, — сказал Том. — Скажу, что вы с Мисси тоже за Элизабет Энн, а значит,

так тому и быть.

Мисси засмеялась и захлопала в ладоши.

Собираясь уходить, Том опустил маленького Арни на ковер.

— Пожалуй, мне пора. Нелли будет недовольна, если я опоздаю к ужину, да и дома еще много дел. Думаю, сегодня папа мне не помощник, — улыбнулся он, но в его голосе звучали любовь и уважение.

Марти тоже улыбнулась.

— Передавай Бену привет, — сказала она.

Помахав рукой на прощанье, Том отправился в обратный путь.

— Он очень хороший, — убежденно сказала Мисси. — Когда я вырасту, я выйду за Томми замуж.

— Боже мой, детка! — воскликнула Марти. — Тебе нет еще и шести лет, а ты уже собралась замуж. Ты уж, пожалуйста, не торопись так.

— Но я же не сказала «сейчас», — успокоила ее Мисси. — Я сказала «когда вырасту». А пока мне нужно идти в школу.

Глава восьмая. Странный ответ

В саду и огороде начали созревать долгожданные фрукты и овощи, наступила настоящая летняя жара. Марти радовалась прохладному ветерку, который дул с холмов, и старалась заниматься прополкой и работами на огороде ранним утром, пока солнце было невысоко. Мисси очень нравились помидоры, которые быстро зрели под лучами летнего солнца, и она ела их прямо с куста.

Но лето неслось так же быстро, как и весна, надвигалась осень, а значит, пора было готовиться к школе. Мистер Вилбур Витл прислал письмо, где подтвердил свои намерения и сообщил, что приедет в конце августа, чтобы успеть познакомиться с жителями округи и подготовить здание школы к началу занятий.

Было решено, что холостяк мистер Витл поселится в доме семейства Уотли и там же станет столоваться. Две взрослые дочери миссис Уотли готовились к его приезду, до блеска надраивая фамильное серебро и вовсю чистя собственные перышки.

Мисси считала дни до начала занятий. Она не могла думать ни о чем другом. Что она наденет, что начнет изучать, с кем будет играть, — все эти важные вопросы она обсуждала с каждым, кто соглашался ее слушать.

Огорчали девочку лишь два момента. Первое — Мисс Пусс придется проводить теперь целые дни в одиночестве, и второе — Том Грэхэм заявил, что он слишком взрослый, чтобы ходить в школу вместе с ребятами. Ей будет так не хватать Томми! Мисси расстраивалась до слез, что он не услышит, как она будет отвечать выученные на зубок уроки. Она бы занималась чтением и арифметикой с удвоенной энергией, чтобы показать ему все, на что способна. Но, увы, Тома в школе не будет, и хотя Мисси с нетерпением ждала предстоящих занятий, это обстоятельство ужасно ее удручало.

Марти тоже была расстроена, правда, не из-за Тома, а из-за сестер Ларсон. Не пройдет и нескольких недель, как в школе начнутся уроки, а Джедд Ларсон так и не изменил своего решения. Марти казалось, что ее молитвы остались без ответа.

Она размышляла об этом, когда вся семья молилась перед завтраком. Кларк прочитал слова Библии: «Просите, и дано будет вам; ищите и найдете...»² «Господи, я просила, но ничего не изменилось», — не удержалась от упрека Марти и тут же ощутила вину и раскаяние. «Прости меня, Отец наш, — взмолилась она про себя. — Наверное, я одна из самых несносных и нетерпеливых Твоих детей. Даруй мне смирение и веру».

Кларк, судя по всему, догадался о ее мыслях и закончил молитву словами:

— Господи, Ты знаешь, что скоро начнутся занятия в школе и знаешь, что Марти обещала миссис Ларсон послать ее девочек учиться. Только Ты, Господи, можешь помочь ей сдержать это обещание и заставить Джедда изменить свое решение. Прошу, найди способ и время сделать это.

Марти была благодарна Кларку за понимание и заботу. Может быть, теперь Господь наконец что-нибудь предпримет. Он ведь всегда откликается на молитвы Кларка. И тут же она снова раскаялась в своих мыслях. Верно, Господь отвечает на молитвы Кларка, но ведь она тоже дитя Божье. А в Библии сказано, что все дети Божьи равны перед Господом. И если на молитвы Кларка Господь отвечает чаще, то это потому, что вера Кларка сильнее. Она решила, что тоже постарается укрепиться в вере.

В тот же день лай Ол Боба известил о том, что к дому приближается повозка. К

изумлению Марти, это оказался Джедд Ларсон. Со времени последнего визита Джедда прошло несколько месяцев, и сердце Марти взволнованно забилося: быть может, появление Джедда — ответ на ее молитвы.

Кларк встретил Джедда во дворе, и Марти видела, как они беседовали, пока Джедд привязывал лошадей к ограде.

Марти быстро поставила на плиту кофейник и нарезала коврижку. «Интересно, как он сможет изменить свое решение, не признавая, что был неправ», — размышляла она.

Джедд и Кларк вошли в дом и сели к столу, а Марти, затаив дыхание, ждала, когда же Джедд порадует их доброй вестью. У Джедда действительно были новости — да такие, что он сиял от удовольствия, однако совсем не те, на которые надеялась Марти.

— Вчера я продал ферму, — выпалил Джедд.

Кларк посмотрел на него с удивлением.

— Вот как? Кому-нибудь из соседей?

— Нет, в наши края пожаловал какой-то тип со своей семьей. Ехал мимо с караваном фургонов. Вообще-то он хотел махнуть дальше на запад, да жена у него вдруг захворала. Вот они и решили остановиться здесь. Я показал им свое хозяйство, и он предложил заплатить чистоганом — без лишней болтовни. И цену назвал приличную.

Джедд замолчал, испытующе поглядывая на слушателей и явно интересуясь, произвел ли его рассказ должное впечатление. Убедившись, что это так, он продолжил повествование.

— Караван задержится здесь еще на пару дней, а потом двинется дальше. Хочу к ним присоединиться. Мне всегда хотелось повидать новые земли. Кто знает, может, найду там золото или еще что-нибудь.

Марти обомлела.

— А как же девочки? — робко спросила она, стараясь говорить спокойно.

Она знала, что это глупый вопрос. Последняя надежда сдержать обещание исчезла. Если Джедд уедет, девочки никогда не смогут учиться.

— А что девочки? — откликнулся Джедд. — Путешествие им не повредит. Да и страну посмотрят.

— Но они... они еще совсем дети... — Марти осеклась. Внутренний голос говорил ей: «Молчи!», но от мысли, что рушатся все ее надежды, у нее внутри все переворачивалось.

Джедд равнодушно глянул в ее сторону и ничего не сказал. Он потянулся за следующим куском коврижки и продолжил свою речь, не обращая внимания на Марти.

— Этот новый парень — его зовут Зик Ла Хэй — цену предложил что надо. Видать, моя земля пришлась ему по вкусу. У него самого трое детей — почти взрослая дочь и двое мальчишек помладше.

— Вот как? — заинтересовался Кларк. — Надо мне к ним заглянуть. Может быть, он тоже захочет отправить детей в школу.

Джедд скептически хмыкнул.

— Не думаю, что он такой болван. Мальчишки уже большие, вполне могут работать. Одному лет двенадцать, а второму около восьми. А дочке уже пора своей семьей обзаводиться. Я уж подумал, не пригласить ли ее отправиться со мной на запад.

При виде его похотливой ухмылки Марти передернуло от отвращения.

— Мне кажется, — задумчиво сказал Кларк, — такой видный парень, как ты, без невесты не останется. Найдешь себе хозяйку в два счета.

Он подмигнул Джедду, и Марти буквально вскипела от гнева на мужа. «О чем он только

думает, этот Кларк! Нашел повод и время для шуток», — мысленно сердилась она.

Немного помолчав, Кларк добавил:

— Я тут вот о чем подумал. Ведь если тебе подвернется молодая женщина, она призадумается, узнав, что у тебя почти взрослые дочери. Конечно, если попадется кто постарше да посолиднее... такая возражать не станет. В конце концов, оно может и лучше, женщина в возрасте — это тебе не какая-нибудь молодая вертихвостка. Конечно, с ней не так весело, зато...

Кларк замолчал. По выражению лица Джедда было видно, что аргумент произвел на него должное впечатление.

— Вообще-то ты бы мог оставить девчонок дома, чтобы они не связывали тебе руки ни в дороге, ни в другом чем. — Кларк шутливо ткнул Джедда локтем. Тот усмехнулся.

— Об этом я даже не подумал, — сказал он. — Беда в том, что я обещал новым хозяевам, что завтра дом будет свободен. Вряд ли им понравится, если там будут ошиваться девчонки.

— Да, проблема, — Кларк нахмурился. — Похоже, ты попал впросак.

Джедд беспокойно заерзал. Марти с трудом сдерживалась, чтобы не выбежать вон. Кларк разозлил ее как никогда. Или озадачил? Сидеть здесь и поддакивать этому отвратительному самодовольному типу, который видит в своих собственных детях лишь обузу и готов бросить их на произвол судьбы! Марти была так потрясена этим, что боялась не выдержать и, взорвавшись, наброситься на мужа и соседа разом.

Внезапно Кларка «осенило».

— Вообще-то они какое-то время могли бы пожить здесь, — сказал он безразличным тоном. — Места у нас достаточно. Свободная спальня найдется.

Так вот куда он клонит! У Марти отлегло от сердца. Кларк решил сыграть на самоуверенности Джедда, убежденного, будто он — настоящий подарок судьбы. Ее муж пошел в обход, чтобы отвоевать девочек. Марти удивилась, как она сразу не догадалась о намерениях Кларка. Она бросила на мужа умоляющий взгляд — только бы он довел дело до конца.

Джедд потер подбородок, заросший седой щетиной.

— Вот как?

— Думаю, мы бы потерпели, пока ты не устроишься на новом месте, — улыбнулся Кларк и снова ткнул Джедда локтем.

Джедд крепко призадумался, взвешивая все за и против.

— Конечно, — добавил Кларк с некоторым сомнением в голосе, — командует в доме Марти, и последнее слово за ней. Как она скажет, так и будет.

Марти с трудом сдерживалась, чтобы не выпалить: «О, да, да, Джедд! Я согласна!», однако, встретив взгляд Кларка, сдержалась. И сама удивилась, когда услышала свой равнодушный голос:

— Уж и не знаю... Разве что на какое-то время, не насовсем... чтобы тебе помочь.

— Что ж, пожалуй, ты прав, — решил наконец Джедд. — Так будет лучше.

Марти боялась поднять глаза. Горячие слезы бежали у нее по щекам и падали в чашку с кофе. Она поспешно вышла из-за стола, сделав вид, что ей нужно подбросить дров в плиту. Немного придя в себя, она налила мужчинам еще по чашке кофе и ушла в спальню, где прислонилась к окну и стала молиться, прося Бога простить ей недостаток веры и помочь Кларку выдержать этот бой до конца.

Через несколько минут в комнату вошел Кларк, легонько сжал ее плечо, пошарил в ящике комода и вышел.

Марти слышала, что мужчины вышли из дома, вернулась в гостиную и подошла к окну. Вскоре она увидела, что упряжка Джедда выехала со двора.

Хлопнула входная дверь, и в дом вошел Кларк. Он подошел к Марти сзади и положил руку ей на плечо. Когда повозка Джедда скрылась за холмом, Кларк мягко повернул Марти к себе. Ее глаза были полны слез. Прерывающимся голосом она с трудом произнесла:

— Скажи, он...

— Согласился ли он? Да, согласился.

У нее вновь хлынули слезы.

— Кларк, спасибо тебе, — сказала Марти, вновь обретя дар речи. — Я уже не надеялась, что мы сможем забрать девочек к себе.

Она вытерла глаза и шмыгнула носом. Кларк вытащил носовой платок.

— Спасибо, — повторила она.

Она уткнула лицо в большой носовой платок и заговорила горячо и бессвязно:

— Сначала я была просто вне себя... когда ты стал говорить с ним таким тоном... с этим надутым, мерзким... — Она осеклась, понимая, что ей не следует говорить все, что у нее на душе.

Потом начала снова:

— Я никак не могла взять в толк, как ты можешь говорить такое... И вдруг... вдруг я поняла. А он поверил тебе. Поверил, что молодая женщина в здравом уме согласится выйти за него замуж!

При одной мысли об этом она снова закипела и решила, что ей лучше сменить тему, чтобы успокоиться.

— И он сказал, что мы можем забрать девочек?

— Да.

— И оставить их у себя? — В ее голосе звучала мольба.

— Пока он не сказал, надолго ли, но я буду крайне удивлен, если Джедд Ларсон вздумает когда-нибудь вернуть своих дочерей. Он будет только рад избавиться от них.

На языке у Марти вертелся вопрос, который, сказать по правде, не следовало задавать.

— Ты ведь не взял с него денег за то, что они останутся у нас?

Кларк усмехнулся.

— Скорее наоборот, — помедлив, ответил он.

— Что ты хочешь сказать?

— Джедд заявил, что мы можем оставить у себя девочек, если заплатим за каждую по десять долларов.

Марти отпрянула.

— Боже мой! — воскликнула она. — Никогда не думала, что доживу до того дня, когда люди будут платить за право одевать и кормить чужого ребенка.

Кларк прижал Марти к себе и погладил ее пушистые русые волосы, точно успокаивая огорченного ребенка. Ему хотелось утешить жену, которая почти не владела собой. Он ласково улыбнулся ей.

— Ничего, — сказал он. — Ты же хотела, чтобы Господь ответил на твои молитвы. Кто мы такие, чтобы рассуждать о пути, который Он избрал?

Марти немного успокоилась в его объятьях. Разумеется, он был прав. Она должна не

отчаиваться, а благодарить Бога.

— Девочки будут здесь завтра, — добавил Кларк. — Какое-то время всем нам придется нелегко. Надо привыкнуть друг к другу и приспособиться к новой жизни. А для этого нужно время и силы.

Он мягко взял Марти за подбородок и заглянул ей в глаза.

— Нелегкое это дело, Марти. Тебе и без того непросто, шутка ли — трое детей. А заботиться еще о двоих — большой труд. Сердце у тебя доброе, я знаю, только не надорвись.

Она покачала головой.

— Он ответил на наши молитвы, Кларк. Он считает, что мы поступаем правильно, а значит, Он даст нам силы и мудрость справиться с этой ношей.

Кларк кивнул.

— Я тоже так думаю, — согласился он.

Глава девятая. Нандри и Клэй

Как и было обещано, на следующий день Джедд привез своих дочерей. Ящик с их скудными пожитками стоял посреди спальни, которая теперь принадлежала девочкам. Марти думала, им будет нелегко пережить разлуку с отцом, особенно после недавней смерти матери. Но, похоже, ни дочерей, ни отца предстоящее расставание совсем не волновало.

Джедду не терпелось отправиться в путь. В фургоне уже были уложены вещи, а карман оттопыривался от денег, вырученных за продажу фермы. Удержать его даже ради чашки кофе стоило немалых трудов. Когда Джедда усадили за стол, он принялся за обе щеки уплетать свежий хлеб с вареньем, однако нетерпение сделало свое дело, и, едва проглотив последний кусок, он заявил, что ему пора. Судя по всему, воспоминания о смерти жены его больше не тревожили. Джедд небрежно кивнул Марти и девочкам, видимо, считая, что этот кивок сойдет за «спасибо, до свидания и да благословит вас Господь», и вышел за порог. Он был поглощен мыслями о предстоящем путешествии на запад и о счастливой судьбе, которая ждет его впереди. Мечты о счастье всегда были милее сердцу Джедда, чем упорный повседневный труд.

Так, без лишнего шума, Нандри и Клэй стали членами семьи Дэвис.

Марти решила дать девочкам несколько дней на обустройство на новом месте и потом уже определить круг обязанностей для каждой.

Она просмотрела их жалкий гардероб и решила, что без поездки в город не обойтись. В лохмотьях, которые они привезли с собой, ходить в школу было нельзя.

Марти выбиралась в город нечасто, обычно она просто составляла список покупок и вручала его Кларку, но в этот раз ей придется поехать самой. Выбрать материал на платья и другие вещи для девочек было слишком сложно для Кларка, да и времени на это уйдет немало.

За несколько месяцев Марти скопила немного денег — выручка от продажи яиц и сливок — и решила, что настал час воспользоваться сбережениями. Заставлять Кларка брать все расходы на себя было бы несправедливо, ведь ему и так пришлось раскошелиться, заплатив Джедду за право растить его дочерей. При одном воспоминании об этом по спине у Марти побежали мурашки.

Впрочем, все неприятные события были уже позади, а значит, о них можно забыть. Теперь забота о детях лежала на ней, и она была готова сделать все от нее зависящее — разумеется, с Божьей помощью и поддержкой Кларка.

Нандри, как всегда, держалась замкнуто, — она не ожидала от жизни ничего интересного и не искала новых впечатлений. Но Клэй чутко откликалась на все, что происходит вокруг, и порой позволяла себе порадоваться своим открытиям.

Обе девочки с готовностью помогали Марти в домашних делах, и за это она была им очень благодарна. Нандри предпочитала обществу других членов семьи компанию маленького Арни. Марти не возражала: присматривать за любопытным и озорным мальчуганом было делом нелегким.

Поездку в город Марти запланировала на ближайшую субботу. Она сможет поехать вместе с Кларком, чтобышний раз не гонять лошадей.

В пятницу после завтрака Марти подозвала к себе девочек. Она решила, что настало время кое-что обсудить.

Сестры сидели тихо, положив на колени дрожащие от волнения руки. Марти улыбнулась, видя, как старательно они скрывают свое волнение.

— Думаю, нам пора поговорить, — начала она.

Девочки не шелохнулись и не вымолвили ни слова.

— Вам нравится ваша комната?

Клэй восторженно кивнула. Нандри последовала ее примеру, но куда более сдержанно. Дополнительные спальни, которые Кларк пристроил к дому с помощью соседей, пришлось теперь как нельзя кстати. Марти застелила постель сестер мягкими теплыми одеялами, а на пол положила яркие коврики. На окнах висели сборчатые занавески из набивной ткани, а на стене — две картины в рамах. За дверью Кларк сделал несколько крючков для одежды, а деревянный комод они перетащили к окну. Здесь же стояла небольшая скамеечка с нарядными подушками.

Клэй снова кивнула, и глаза ее просияли.

— Никогда не думала, что в доме может быть так уютно... — Встретившись взглядом с сестрой, она осеклась на полуслове.

— Думаю, нам пора решить, как мы распределим работу по дому, — с улыбкой продолжала Марти. — Мисси два раза в неделю моет по утрам посуду и каждый день наводит порядок у себя в комнате: убирает постель и складывает одежду. Она немного помогает присматривать за Арни. Скажите, что бы хотелось делать вам?

Ответа не последовало, хотя Марти показалось, будто Клэй хочет что-то сказать.

— Вы обе уже убираете свою постель и делаете это ловко и аккуратно, молодцы. Может быть, есть еще что-нибудь, что вы любите делать? Больше, чем все остальное.

Девочки молчали.

Марти растерялась, но когда она уже решила, что даст сестрам поручения на собственное усмотрение, на помощь ей неожиданно пришла Мисси.

— Мама говорит, что я очень хорошо мою посуду, — заявила Мисси, прижавшись к материнской спине, — но если хотите, будем мыть вместе. Нандри, хочешь, будем мыть посуду по очереди?

Нандри кивнула.

— А ты, Клэй?

Клэй тоже кивнула.

— Ладно, — по-взрослому деловито сказала Мисси. — Значит, будем мыть все по очереди.

С посудой было улажено.

— Все должны застилать постель, — продолжала Мисси, — но Клэр еще маленький и не может застелить постель сам, а Арни совсем ничего не умеет! По утрам их нужно поднимать и одевать. Кто хочет убирать постель Клэра и кто будет одевать Арни?

— Я хочу заботиться об Арни, — быстро сказала Нандри.

— Тогда я буду застилать постель Клэра, — весело согласилась Клэй.

— Есть и другая работа, — сказала Мисси. — Нужно приносить дрова, развешивать одежду, чистить овощи.

— Я хочу кормить кур, — тихо сказала Нандри. — И собирать яички, — добавила она, подумав.

— Она любит кур и цыплят, — сообщила Клэй. — Она всегда мечтала, что у нее будут свои куры. Цыплята и дети — она их просто обожает.

— Вот и прекрасно, — сказала Марти, обращаясь к Нандри. — Раз тебе это нравится, будешь кормить кур и собирать яйца. А ты, Клэй? Что еще ты хотела бы делать?

Внезапно Клэй смутилась. Набравшись храбрости, она выпалила:

— Мне хотелось бы научиться делать разные красивые вещи.

Она осторожно заглянула в глаза Марти, пытаясь понять, не слишком ли дерзким было ее желание. Возражений не последовало, и она, осмелев, добавила:

— Шить красивые платья, фартуки, и еще вязать на спицах.

— Прекрати, Клэй, — сурово оборвала ее Нандри. — Ты же ничего не умеешь. Ты сразу сломаешь машину.

Так вот о чем мечтала Клэй! Марти уже замечала, как жадно поглядывала девочка на швейную машину. Так значит, ей хочется творить. Что ж, она научит ее этому и даст возможность проявить себя.

— Сломать машину не так-то просто, — сказала Марти, осторожно подбирая слова. — Я непременно научу шить вас обеих. Думаю, мы начнем с чего-нибудь попроще, а потом, когда немного подучитесь, вы сможете шить все, что душе угодно. Я научилась шить, когда была совсем маленькая, и это мне очень помогло. Делать красивые вещи — такая радость.

Глаза Клэй светились от восторга, смешанного с недоверием.

Марти сказала:

— Завтра я дам вам первое серьезное поручение. Мне нужно поехать в город вместе с мужем, чтобы купить вам все, что нужно для школы. Вы останетесь одни и будете присматривать за домом.

Она посмотрела на сидящих перед ней детей и задумалась, достанет ли ей смелости оставить их одних. Не лучше ли взять их в охапку и отправиться в город всем вместе? Нет, только не это. Пятеро детей, которые будут пугаться под ногами, цепляться за юбку и клянчить разную ерунду. Так у нее не хватит времени ни на какие покупки, а ведь ей нужно обойти немало лавок и магазинов. Да и у девочек появится возможность проявить себя.

Сестры молча выслушали Марти, выражение их лиц не изменилось.

— Как ты считаешь, Нандри, могу я оставить на тебя маленького Арни и попросить покормить всех обедом?

Нандри утвердительно кивнула.

— А ты, Клэй, вместе с Мисси вымоешь посуду и присмотришь за Клэром. Справишься?

Девочки переглянулись и энергично закивали. Мисси явно была польщена, что ей дали такое же важное поручение, как и старшим.

— Отлично, — сказала Марти, — тогда все решено. Сегодня у нас еще много дел. Во-первых, разуйтесь, я обведу ваши ноги, чтобы купить вам туфли для школы.

Только теперь Марти заметила, что сестры Ларсон босы, и от смущения залилась краской.

— Наши башмаки износились, — объяснила Клэй. — Они такие рваные, что мы их больше не надеваем.

Марти обвела ступню каждой из девочек на листе коричневой бумаги. Потом она вырежет выкройки по контуру, чтобы купить сестрам туфли подходящего размера.

— А теперь, — скомандовала она, — Клэй и Мисси, займитесь посудой. Мисси, покажи Клэй, где хранятся тазики и полотенца. Нандри, ты пойдешь со мной, я покажу тебе, как ухаживать за курами. Потом мы соберем и вымоем яйца, и завтра я отвезу их в город вместе с теми, что уже отложила.

— Можно мне взять с собой Арни? — спросила Нандри, внезапно оживившись. — Он тоже любит цыплят.

Марти засомневалась. Она знала, что Арни действительно любит цыплят и кур, но отлично понимала, что его восторг вызывают в первую очередь их отчаянные крики, когда он носится за ними по загону.

Они вышли из дома вместе, а младшие девочки остались мыть посуду.

Может быть, в конце концов все уладится. Девочки, похоже, с радостью готовы взяться за работу. Марти облегченно вздохнула и в сопровождении Нандри и Арни двинулась к амбару с зерном.

Глава десятая. Поездка в город

На следующее утро, пока Марти укладывала яйца, масло и сливки для поездки в город и завязывала капор, ее терзали сомнения. Права ли она, оставляя девочек хозяйничать дома, или нужно взять с собой хотя бы Арни? «Нет, — возразила она себе, Нандри и Клэй должны почувствовать, что я им доверяю. Да и Джедд годами заставлял их выполнять домашние обязанности взрослых». Едва ли уместно обращаться с ними, как с маленькими. Она еще раз повторила девочкам свои наставления, и они заверили ее, что выполнят все слово в слово.

И все же, когда Марти вышла во двор, где в запряженной повозке ждал Кларк, ее по-прежнему одолевали сомнения. Она заставила себя улыбнуться и еще раз помахала детям на прощание.

— Купи что-нибудь вкусненькое, — крикнул Клэр.

— И новые ленты для школы, — добавила Мисси.

— Вот девчонка, — засмеялся Кларк. — Только и думает, что о нарядах.

Марти улыбнулась, теперь уже по-настоящему.

— Кларк, — спросила она, когда они выехали за ворота, — как думаешь, ничего, что мы оставили их одних, под присмотром девочек, и...

— А что здесь такого? — перебил ее Кларк. — Девчонки хозяйничали у себя в доме много лет.

— Но им не приходилось заботиться о малышах.

— Это верно, но ты же видела, как это нравится Нандри.

— Да, я заметила, — ответила Марти. — Арни она просто обожает. Да и он от нее не отходит. Я так надеюсь, что все будет хорошо, и все же успокоюсь, только когда мы вернемся домой. Мы ведь не надолго?

— По-моему, ты зря так волнуешься. Постараемся вернуться побыстрее. У меня дел немного. А у тебя?

— Думаю, я тоже управлюсь быстро. Мне нужно купить девочкам все для школы и кое-что из продуктов.

— Значит, тебе понадобятся деньги.

— Я кое-что скопила, у меня есть деньги, вырученные за яйца.

— Не стоит тратить все сбережения на одежду для девочек. Часть расходов я возьму на себя.

Кларк зажал поводья коленями, вытащил бумажник и достал из него пару банкнот.

— Этого хватит?

— Мне кажется, да, — ответила Марти. — Спасибо. Придется немного раскошелиться, чтобы подготовить их к школе. Сейчас им просто не в чем выйти из дома.

Кларк кивнул.

— Что ж, мы ведь знали это, когда брали их к себе. Дети требуют расходов, это понятно.

Въехав в город, они увидели, что на улицах царит настоящая суматоха. Караван фургонов готовился к отправлению. Лаяли собаки, били копытами лошади, с визгом и криками носились дети. Мужчины торговались с горожанами, женщины сновали взад-вперед, торопясь сделать последние покупки и отыскивая непослушных отпрысков, которым было приказано смирно ждать матерей. Марти покачала головой, подумав, что день для

поездки в город они выбрали неудачный.

Не без трепета Марти вошла в лавку миссис Макдональд. Она всегда побаивалась испытующего взгляда хозяйки и ее острого языка.

«Говорю тебе, — сказала однажды Марти Кларку, — когда эта женщина распускает язык, она забывает о приличиях».

Этот разговор слышала Мисси, которой понравилось новое слово, и вскоре Марти слышала, как девочка то и дело повторяет любимившееся словцо, особенно выговаривая за что-нибудь Клэру. «Ты забываешь о приличиях», — сурово говорила она брату вместо обычного «не болтай глупостей».

После этого Марти решила, что в присутствии Мисси нужно следить за своим языком.

Прежде чем открыть дверь лавки, Марти собралась с духом и расправила плечи. К счастью, миссис Макдональд занималась тремя женщинами, прибывшими с караваном. Она взглянула на новую посетительницу и открыла было рот, чтобы что-то сказать, но, похоже, передумала, поскольку не могла отвлечься от других покупательниц. Марти усмехнулась и направилась к полкам, где лежали свернутые в рулоны ткани. Слава Богу, она могла спокойно выбрать что нужно. Разглядывая рулон за рулоном, она мысленно прикидывала, во сколько ей обойдутся покупки. Новые платья должны быть практичными и носкими, но ей хотелось, чтобы они были также красивыми, а нарядная материя стоила гораздо дороже простой. Вот эта темно-синяя ткань прослужит целую вечность, но она совсем не к лицу юной девочке. А этот нежно-розовый муслин просто чудо, но он такой тонкий — хоть чай процеживай. Для жизни на ферме подобная ткань не подходит.

Миссис Макдональд тем временем без умолку болтала с путешественницами, с нескрываемым любопытством расспрашивая их, почему они снялись с места. Марти размышляла над покупками, взвешивая все за и против. Она решила, что темно-синяя материя, как и розовая, ей не подойдет. «Что толку покупать ткань, которой нет сносу, — рассуждала она. — Все равно дети вырастут быстрее, чем износится платье. Правда, кто знает, может быть, после Нандри платье перейдет к Клэй, а потом к Мисси...» В конце концов она остановилась на голубой и жемчужно-серой тканях, которые будут хорошо смотреться с белым воротничком и манжетами, материи теплого коричневого оттенка и двух вида набивного ситца: красном и зеленом. Кроме того, она подобрала материю для белья, ночных рубашек и капоров и занялась чулками, башмаками и теплыми тканями на пальто. Пока не наступят холода, девочки могут ходить в накидках, которые она сошьет из остатков того, что было у нее в запасе.

Один за другим укладывая на прилавок рулоны, она поняла, какая огромная работа ей предстоит. Хорошо, что хотя бы одежда для Мисси уже готова.

Мисси! Она же просила купить ей новые ленты для волос!.. Марти выбрала ленты для дочки и добавила к ним ленты для Нандри и Клэй.

Пока благодаря случайным покупательницам из каравана, которые отвлекли внимание миссис Макдональд на себя, все шло хорошо. Она сложила отобранный товар на прилавок и еще раз заглянула в список. Несмотря на деньги, которые дал Кларк, ей придется потратить все, что она выручила за яйца и сметану. Ничего не поделаешь. Она обещала Тине Ларсон помочь ее девочкам и сдержит свое обещание.

Марти перешла к продуктовой части списка. Не успела она сложить все на прилавок, как в магазин вошел Кларк. Увидев груды вещей, он слегка приподнял брови, но ничего не сказал.

— Почти все, — сказала Марти. — Ты купил, что хотел?

— Все, кроме лемеха для плуга. Я заказал его заранее, но он пока не готов. Не зря я начал думать об этом уже сейчас. — Он усмехнулся. — Ничего, думаю, к весенней пахоте я получу новый лемех.

Между тем женщины из каравана уложили свои покупки и ушли, и миссис Макдональд поспешила к Кларку и Марти.

— Ну, как дела у Дэвисов? — начала было она, но не дала времени на ответ: — Слышала, вы приютили у себя сестер Ларсон. — Она смотрела на них, словно ожидая, что супруги будут отнекиваться, и всем своим видом свидетельствуя о бессмысленности этих попыток.

Кларк и Марти молчали.

— Вот мои покупки, миссис Макдональд, — ровным голосом сказала Марти. — Думаю, на сегодня это все.

Миссис Макдональд взялась за дело, подсчитывая, сколько стоят продукты и ткани, однако не переставала искоса поглядывать на Марти, явно подразумевая, что разговор не окончен. Когда владелица магазина подвела итог, Кларк выступил вперед, чтобы оплатить счет, и начал собирать покупки.

— Я отнесу продукты в повозку, — сказал он жене, — и вернусь за остальным.

— С остальным я справлюсь сама, — ответила Марти. — Жди меня на улице. Где ты оставил лошадей?

— Рядом, через улицу.

Марти проводила Кларка до порога и открыла ему дверь, поскольку обе руки у него были заняты. Потом она взяла коробку, которую оставила у входа, и поставила ее на прилавок.

— Это яйца, масло и сливки. Если можно, пусть выручка за них пойдет в счет сегодняшних покупок, — попросила она миссис Макдональд, кивнув на грудку добра на прилавке.

Прикидывая, сколько ей причитается за масло и яйца, Марти один за другим передавала миссис Макдональд рулоны ткани и называла нужное количество ярдов. Проворно щелкая ножницами, миссис Макдональд пыталась выудить из Марти сведения, которыми можно будет поделиться с другими.

— Джедд сказал, что вы просто умоляли его оставить вам девочек.

Марти кивнула.

— Люди пытаются понять, почему. Ведь у вас трое своих малышей — попробуй-ка прокорми такую ораву. Я сказала: «Миссис Дэвис не станет использовать детишек для своей выгоды, не такой она человек...» Да вот только... — Миссис Макдональд замолчала и слегка пожала плечами, как бы говоря, что может и ошибиться. — «А вдруг они и вправду сделали это не просто так? — подумала я. — Девочки в таком возрасте еще не работницы, но ведь Джедду удалось подзаработать, так почему бы Дэвисам этим не воспользоваться?».

Марти почувствовала, что от гнева заливается краской. Какое право имеет эта женщина на такие разговоры!

— Но я всем говорю: я миссис Дэвис знаю, она не заставит девчонок гнуть спину сверх меры, а немного потрудиться им совсем не повредит. Девчонки-то те еще работницы — хитрющие, глаза у них так и бегают. Вырастут такими же прощельгами, как их папаша. Думаю, на них где сядешь, там и слезешь, но если он заплатил тебе звонкой монетой...

Больше Марти была не в состоянии вынести.

— Миссис Макдональд! — Марти прилагала все силы, чтобы не взорваться, хотя и не была уверена, что ей это удастся. — Мы взяли девочек к себе, потому что их покойная мать хотела, чтобы они могли учиться, и я обещала им помочь. Я хочу сдержать свое обещание, но никаких денег мы за это не получили. На самом деле мужу пришлось еще приплатить Джедду Ларсону, чтобы он согласился отдать нам своих дочерей.

— Вот как... — Миссис Макдональд немного растерялась, но быстро пришла в себя. — Именно это я и хотела услышать. Что же ты сразу не сказала? Ох, до чего же скрытные бывают люди!

Помолчав, она добавила:

— Так я и думала. Тут ведь всякое болтают, нельзя же всем верить.

Миссис Макдональд вновь одержала верх. «Почему ей всегда удается добиться от меня того, что ей нужно?» — вскипела Марти. До сих пор она не рассказывала об обещании, данном Тине, никому, кроме матушки, а уж матушка умела держать язык за зубами. Теперь же об этом узнает вся округа, да еще неизвестно, во что превратит эту историю людская молва.

Стараясь не терять самообладания, она заплатила за покупки и быстро собрала пакеты. Их оказалось так много... Марти пожалела, что отказалась от помощи Кларка.

— И все эти чудные вещи ты купила для них? Могла бы просто подлатать их старую одежду, пусть ходят в чем есть.

— В сентябре девочки пойдут в школу, — сказала Марти с невольной гордостью. Да, так тому и быть! И прежде чем миссис Макдональд успела что-нибудь добавить, Марти решительным шагом направилась к выходу.

Суета на улице превратилась в настоящую суматоху. Фургоны выстроились вереницей, готовые тронуться в любую минуту. Все так же нетерпеливо перебирали копытами лошади, заливались лаем собаки и визжали дети, но мужчины уже не торговались, а женщины покончили с покупками. Люди группами стояли рядом с повозками, прощаясь с остающимися и отдавая последние распоряжения.

Третий по счету фургон, насколько поняла Марти, был пассажирским. Внутри сидела довольно разношерстная публика. Парусину опустили, и можно было видеть сиденья из грубых досок, расположенные поперек днища. Большая часть пассажиров ехала налегке, по-видимому, не планируя долгой поездки, — похоже, они собрались в ближайший город. Мужчины, наверное, отправились по делам, а женщины — за покупками или в гости. Рядом с некоторыми из них сидели дети, которые ждали предстоящего путешествия с радостным нетерпением.

Внимание Марти привлекла бледная хрупкая женщина с грустными глазами, рядом с которой сидели трое маленьких детей. Один малыш плакал, другой испуганно цеплялся за мать, а третий, самый старший мальчик с впалыми щеками, молча глядел перед собой.

«Это миссис Талбот, с другого конца города», — сказал кто-то за спиной Марти. Она обернулась и увидела, как из лавки, боясь пропустить самое интересное, выходит миссис Макдональд.

— Не надо ей было вообще приезжать на Запад, — заявила она. — Не из того она, видать, теста. Не прижилась здесь, вот и возвращается. — Слова прозвучали резко и язвительно.

Марти еще раз посмотрела на бледную молодую женщину, и ей от души захотелось

поговорить с ней.

Внезапно она увидела, что через толпу, расталкивая людей, пробирается мужчина. Мальчик в фургоне вскочил, вскинул руки и радостно закричал. Женщина встревожилась. Марти не слышала слов, но чувствовала, что мужчина пытается переубедить ее и умоляет остаться. Но женщина поджала губы и покачала головой. Она отвернулась и села, выпрямив спину и расправив плечи.

Был отдан приказ трогаться, и громоздкие фургоны со скрипом и стуком двинулись вперед. Мужчина осторожно высвободился из объятий плачущего ребенка и посадил его обратно в фургон. Мальчик плакал, заходясь криком, и в какой-то момент Марти даже испугалась, что он выпрыгнет обратно.

«Всю жизнь он будет вспоминать эти маленькие руки, обвивающие его шею, и жалеть, что сына нет рядом», — печально подумала Марти.

Фургон проехал мимо. Она не видела лица женщины, но успела разглядеть, что теперь ее плечи опущены и судорожно вздрагивают.

«Ох, какая же ты упрямица! — У Марти разрывалось сердце. — Вернись же, вернись!» Но фургон не остановился.

Марти обернулась посмотреть на мужчину. Тот прислонился к коновязи, закрыв лицо руками и сотрясаясь от рыданий.

Марти охватило отчаяние. Это невозможно, это дико и жестоко! Как можно вот так рвать семью на части?

— Я бы сказала, скатертью дорога, — произнесла у нее за спиной миссис Макдональд. Марти, не оборачиваясь, бросилась через улицу, где ее ждала повозка.

Кларк уложил свертки в ящик и помог ей забраться в повозку. Он натянул поводья, и лошади тронулись.

Какое-то время они ехали молча. Теплое летнее солнце освещала поздние цветы на обочине, а над повозкой взад-вперед сновали птицы. Гнев и боль Марти постепенно утихли, но мысли путались и она никак не могла привести их в порядок.

Внезапно она почувствовала, что Кларк сжал ее руку, и, подняв глаза, натолкнулась на его вопросительный взгляд.

— Значит, ты все видела? — спросил он.

Она молча кивнула, и ее глаза наполнились слезами.

Он вновь сжал ее руку.

— О, Кларк, — сказала она, когда к ней вернулось самообладание. — Это было ужасно, неправильно и... Ведь я тоже могла поступить так же... — неожиданно вырвалось у нее.

— Но ты этого не сделала, — спокойно ответил он. — Не сделала, и я почему-то... Мне почему-то казалось, что этого не случится.

Он взглянул на Марти. Удивленно посмотрев на него, она немного успокоилась.

— Да, — сказала она наконец, почти так же уверенно, как и он, — да, я бы этого ни за что не сделала.

Да, Кларк был прав. Милосердный Господь подготовил их встречу, несмотря на то, что тогда она еще не знала Бога, и сама мысль о жизни с Кларком вызывала у нее отвращение. И все же Кларк в ней не ошибся. Их любовь окрепла незаметно, и теперь они могли выдержать все.

Глава одиннадцатая. Семья и учитель

Приехав на ферму, Марти и Кларк нашли дом в полном порядке, и Марти невольно вздохнула с облегчением. Арни бурно радовался ее возвращению, но вскоре уже забыл о недавней разлуке и вернулся к своим забавам.

Помимо ежедневной работы по дому и в огороде Марти нужно было успеть сшить к началу занятий все необходимое для сестер Ларсон. Нандри встретила покупки сдержанно, но у Клэй загорелись глаза, когда Марти достала и разложила ткани и другие обновки. Марти сразу начала учить Клэй рукоделию, и та оказалась весьма способной ученицей. Это радовало обеих, и Клэй помогала ей в работе все больше и больше. Марти стала обучать шитью и Нандри. Девочка быстро освоила основные приемы, и у нее получалось неплохо, но, судя по всему, это занятие не слишком увлекало ее. Она предпочитала возиться с Арни и играть с Клэром. Это значительно облегчало жизнь Марти. Они с Клэй не справились бы с шитьем, если бы у них под ногами постоянно путались два резвых и любопытных малыша.

Кларк одобрительно усмеялся, поглядывая на уже законченные обновки.

— Мои девочки будут самыми нарядными в классе, — говорил он. Нандри заливалась краской, а Клэй сияла от удовольствия — ей было приятно, что она тоже входит в число «моих девочек».

В какой-то момент Марти начала замечать разные мелочи, которые свидетельствовали о том, что Нандри слишком сильно привязалась к своему благодетелю. Марти видела, как светлеет лицо девочки при появлении Кларка, как она наблюдает за ним во время работы во дворе, с каким усердием и заботой готовит его тарелку и прибор, накрывая на стол.

«Скорей бы уж она пошла в школу, — подумала Марти, вздохнув, и тут же одернула себя: — Да я просто дура. — Она невольно залилась краской. — Ревную мужа к ребенку».

Эти чувства были неожиданными для нее самой. Ей никогда не приходилось испытывать муки ревности, ведь она делила Кларка только с детьми.

«Прости меня, Господи, — молилась она, — и помоги мне не быть эгоисткой с тем, кого я люблю. Нандри не виновата, что слишком быстро взрослеет. От своего отца она видела мало хорошего, и вдруг в ее жизни появился настоящий мужчина — внимательный, заботливый, трудолюбивый и веселый. Ясное дело, она им восхищается. Господи, помоги мне быть разумной и справедливой. Помоги мне любить Нандри и вместе с ней миновать эту трудную пору созревания. И Кларку помоги тоже. Пусть он будет мудрым и осмотрительным, проявляя свою заботу и любовь».

Марти не стала рассказывать об этих наблюдениях Кларку. Если она обратит его внимание на происходящее, отношения Кларка с девочкой станут более натянутыми, а она так нуждается в дружбе и любви. Втайне Марти надеялась, что Кларк никогда не узнает об этой детской влюбленности.

Большую часть времени Кларк проводил в поле, а Нандри ухаживала за курами и присматривала за малышами. Занимаясь своими делами, девочка нет-нет да и поглядывала туда, откуда возвращался Кларк, а когда он входил в дом, она вспыхивала от радости и смущения. Кларк держался как ни в чем не бывало и одинаково подшучивал над всеми «своими девочками».

Мисси, которой вот-вот должно было исполниться шесть, по-прежнему забиралась к отцу на колени, расчесывала ему волосы или сворачивалась калачиком у него под боком.

Папин «помощник» Клэр следовал за Кларком по пятам, куда бы тот ни пошел. Обрато отец частенько нес его на плечах, поскольку малыш быстро выбивался из сил.

Арни тоже норовил увязаться за отцом, и нередко Марти качала головой, наблюдая, как терпеливый Кларк пытался заниматься своими делами вместе с двумя «помощниками», которые делали его и без того нелегкую работу еще более трудной. Но Кларк всегда с удовольствием возился с детьми.

Обычно терпеливый и любящий, иногда он все же бывал очень строг, и Марти стоило немалого труда сдержаться, когда Кларк, по ее мнению, требовал от детей слишком многого. Ей хотелось их побаловать, но муж считал, что к дисциплине детей следует приучать с малых лет, иначе в дальнейшем эти уроки будут куда более болезненными.

Клэй, казалось, уже забыла, что когда-то она жила в другом доме; и хотя ни одна из девочек не называла Дэвисов мамой и папой, Марти чувствовала, что Клэй относится к ним с Кларком, как к собственным родителям. На Кларка девочка смотрела с обожанием; сияла, заливаясь смехом, когда он слегка поддразнивал ее, и подшучивала над ним сама.

Они привыкали друг к другу все больше и теперь чувствовали себя одной семьей. Особым временем была утренняя молитва. Старшим девочкам не приходилось слышать ничего подобного, и они боялись проронить хоть слово, в то время как у Мисси и Клэра уже были любимые истории в Библии, которые они могли с радостью слушать вновь и вновь.

В конце концов одежда к школе была готова, и девочки могли приступить к занятиям. «Остальное, — думала Марти, — я доделаю при случае».

Волнение Мисси росло день ото дня. Каждое утро она спрашивала, сколько дней осталось до начала занятий. Девочку так возбудили предстоящие в ее жизни перемены, что Марти начала беспокоиться за дочь. Кларк только посмеивался и успокаивал жену, считая, что радостные переживания вреда не принесут. Мисси чрезвычайно заботил вопрос, в чем она пойдет в школу в первый день, — она чуть ли не ежедневно меняла свое решение. Сначала она собиралась надеть клетчатое платье, потом заявляла, что пойдет в сером, потом выбирала голубое, снова возвращалась к клетчатому, и все начиналось сначала. Наконец Мисси остановила свой выбор на голубом, уж очень нравились ей новые голубые ленты. Огорчало ее лишь одно: в школе не будет Томми.

— Я собираюсь замуж за Томми, — сообщила она Клэй.

— Но тебе только пять лет, — изумилась Клэй.

— Почти шесть, и я еще вырасту, — возразила Мисси.

— Но Томми почти двадцать лет!

— Ну и что! — Мисси пожалала плечами, давая понять, что это вопрос решенный.

Марти думала, что общение с другими детьми пойдет Мисси на пользу, и радовалась, что до начала занятий осталось совсем немного.

Последняя суббота перед началом занятий в школе стала для Дэвисов днем больших ожиданий. Жителей округа пригласили на собрание в помещении школы, чтобы будущие ученики и родители могли познакомиться с мистером Вилбуром Витлом. Не было по соседству ни одного дома, в котором в этот день не царило бы радостное волнение.

Собрание назначили на два часа, и женщины решили, что по окончании встречи можно подать кофе и выпечку.

— Совместная трапеза поможет сломать лед, — проникательно заметила миссис Стерн.

Обед в доме Дэвисов прошел в спешке. Девочки проворно убрали посуду, хотя Мисси без умолку болтала, рассказывая Клэй, что ей предстоит увидеть и узнать в понедельник.

Марти лично проверила, как выглядят все члены ее семьи. Нандри и Клэй были непривычно нарядны. Нандри по-прежнему не испытывала особого воодушевления по поводу предстоящих занятий, однако от Марти не укрылось, что она поглядывает на Кларка, явно интересуясь, оценил ли он по достоинству ее вид. Клэй, напротив, светилась от восторга и вихрем носилась по дому, то подбегая к Марти, то бросаясь к зеркалу. С пылающими щеками и блестящими волосами, перевитыми новой лентой, она была просто прелестна. Клэй не скрывала своей гордости за то, что новое платье сшито с ее участием.

Мисси летала по комнатам, напевая и пританцовывая. Вокруг вертелись возбужденные малыши — Клэр и Арни. Пытаясь вплести ленту в ее кудряшки, Марти недовольно качала головой. Наконец Кларк и Марти выпроводили весь свой выводок за дверь, наведя некое подобие порядка.

День для долгожданного собрания выдался чудесный. Ожидая важного события, дети и родители были в приподнятом настроении. В углу школьного двора стояли фургоны и упряжки, а народ толпился во дворе, поскольку школа не могла вместить всех сразу.

Соседи оживленно приветствовали друг друга, радуясь случаю поболтать. Два родившихся весной малыша, объект всеобщего внимания и восхищения, совершали свой первый выход в свет. Элизабет Энн улыбалась и счастливо лепетала. Ей нравилось наблюдать за происходящим, и она требовала, чтобы ее приподняли повыше, даже попыталась самостоятельно сесть. «Настоящий сгусток энергии», — с гордостью говорила о внучке матушка Грэхэм. Марти взяла малышку на руки и немедленно убедилась, что бабушка права.

Эверетт Кэмерон Де Винтон Джон, сын Ванды и Кэма, тоже был здесь. Марти считала, что имя для такого крохи они выбрали длинноватое, но с удивлением узнала, что Кэм, несмотря на великие планы в отношении сына, сократил это велеречивое имя до обычного Ретт. Младенец быстро набирал в весе, наверстывая упущенное. Для своего возраста он был довольно крупным мальчиком.

— Ты только погляди, — сказал его отец, — погляди на этого мальчугана! А ведь ему нет еще и пяти месяцев. Да он вырастет здоровенным парнем!

Марти согласилась и взяла малыша на руки. С Реттом на руках она прошла по двору. Прижимая его к себе, она почувствовала смутную тревогу. Малыш не возился и не двигался, как делают все младенцы. Приподняв его, Марти увидела, что он не держит головку. «С этим ребенком что-то не так», — подсказывало ей сердце. Она смотрела на сияющую мать и гордого отца и молила Бога, чтобы ее догадка оказалась неверной. Но мрачное предчувствие не оставляло Марти.

В десять минут третьего наконец показался фургон семейства Уотли. На переднем сиденье, подле самого мистера Уотли, все увидели нового учителя. Марти не знала, каким представляли его остальные, но для нее облик этого человека стал полной неожиданностью. Все мужчины в округе были крепкими, здоровыми фермерами, а этот джентльмен оказался невысокого роста и хрупкого сложения, однако эти недостатки с лихвой компенсировались огромными, скрывавшими пол-лица усами, которые были уложены волосок к волоску и заботливо навощены на концах. Словом, он совершенно не вписывался в привычные представления о мужской внешности.

На учителе был светлый жилет в клетку и белые гетры, никогда не виданные здесь, на Западе. Марти пришлось шикнуть на Мисси, которая громким шепотом спросила: «А что это у него на ногах?» На его небольшой голове красовался котелок, который он время от

времени снимал, отряхивал от пыли и водружал на прежнее место.

Увидев его приветливое и открытое лицо, Марти почувствовала облегчение.

Вести собрание попросили Кларка, и он в самой любезной форме поприветствовал мистера Вилбура Витла и представил его собравшимся. Все заулыбались и принялись аплодировать, хлопали даже те, кто стоял во дворе, — им не хватило мест в помещении. Затем Кларк представил учителю жителей округи. Каждая семья вставала, чтобы он мог познакомиться со всеми. Мистер Витл кивал и улыбался новым ученикам и их родителям.

После того как знакомство состоялось, слово было предоставлено новому учителю. Марти думала, что этот щуплый человечек будет говорить еле слышным голосом, но мистер Витл оказался обладателем глубокого, хорошо поставленного баса.

«Наверное, ему пришлось потратить немало лет, чтобы научиться так говорить», — решила изумленная Марти.

Однако мистер Витл говорил негромко, и всем приходилось слушать его очень внимательно, чтобы не пропустить ни слова. Он поблагодарил собравшихся за оказанную честь и выразил радость по поводу того, что будет учить их детей.

«Выбора у нас не было», — подумала Марти.

Он выразил им признательность за заботу — его поселили в замечательном месте и в прекрасной семье.

«Просто больше ни у кого не нашлось свободной комнаты», — мысленно ответила Марти.

Он очень доволен прекрасным помещением и тщательно подобранными учебными пособиями.

Марти не поняла, что он имеет в виду, поэтому не знала, как на это отреагировать.

Наконец мистер Витл заявил, что с нетерпением ждет случая установить самые тесные дружеские отношения со всеми собравшимися, как с детьми, так и со взрослыми. Он надеется, что в дальнейшем они познакомятся ближе, и не сомневается, что это будет полезно и поучительно для обеих сторон.

«Так точно, сэр!» — Марти почувствовала себя солдатом, отдающим честь командиру, хотя делать этого, разумеется, не стала.

Занятия начнутся в ближайший понедельник ровно в девять утра. Звонок будет подаваться за пять минут до урока, к началу которого все дети должны рассестись по местам и быть готовы приступить к выполнению упражнений. Опоздания не допускаются. В течение дня предусмотрены две перемены по пятнадцать минут, а в полдень — часовой перерыв, чтобы ученики могли поесть и размяться. Уроки будут продолжаться до трех часов пополудни.

Дети будут постоянно находиться под присмотром, они будут овладевать знаниями под чутким руководством своего учителя, который получил блестящее образование в одном из лучших университетов, известном своими великолепными преподавателями и тщательно и всесторонне продуманной программой.

В таком же духе мистер Витл продолжал еще несколько минут, и Марти услышала, как миссис Викерс, пригнувшись к миссис Стерн, громко прошептала:

— Надеюсь, он не хочет сказать, что передумал их учить.

Миссис Стерн заверила соседку, что, по ее мнению, намерения учителя не изменились.

Наконец встреча подошла к концу, и собравшиеся наградили учителя еще одним взрывом аплодисментов, после чего он поклонился и, сияя, удалился.

Женщины подали кофе с печеньем, и оживленная беседа между соседями возобновилась. Через некоторое время Марти отыскал Кларк, чтобы познакомить ее с новыми соседями, которые купили ферму Ларсонов.

Супруги Ла Хэй сразу понравились Марти. Миссис Ла Хэй еще не вполне оправилась после болезни и выглядела худой и бледной, но заверила, что с каждым днем чувствует себя все лучше и скоро будет совсем здорова. Марти и Кларк переглянулись и пригласили новых соседей к себе на обед на следующий день.

По словам мистера Ла Хэя, поначалу он несколько расстроился, что его путешествие на Запад оборвалось раньше, чем он планировал, но он фермер до мозга костей и считает участок Джедда Ларсона весьма перспективным. Он планирует построить новый дом и надворные постройки, а пока занимается ремонтом и починкой того, что есть.

Тесси, единственная дочь супругов Ла Хэй, была слегка простоватой, но милой девушкой и сразу понравилась Марти. Натан, старший мальчик, держался немного заносчиво, явно считая себя умнее и способнее окружающих. У младшего сына, Вилли, были сияющие карие глаза, в которых прыгали чертики. Чувствовалось, что этот мальчуган в любую минуту готов выкинуть какой-нибудь номер.

— Сколько тебе лет, Вилли? — спросила Марти.

— Девять, — живо ответил мальчик. — Я уже ходил в школу. Закончил три класса.

Марти подумала, что он, наверное, чувствует превосходство над соседскими детьми — ведь никто из них никогда не сидел за школьной партой.

— Думаю, ты мог бы помочь другим детям, — сказала Марти, наблюдая за реакцией Вилли.

— Может быть, — сказал он беспечно. — Если захочу. Некоторым.

Он помолчал.

— Вот, например, ей, — продолжил он с улыбкой, указывая на кого-то пальцем.

Марти посмотрела, на кого он показывает, и с тревогой обнаружила, что «она» — это не кто иной, как Мисси.

— Думаю, ей будет достаточно помощи учителя, — резко ответила Марти. — Хотя Мисси пойдет в первый класс, она уже умеет читать и считать.

Вилли с улыбкой пожал плечами.

— Все равно я бы мог ей помочь, — сказал он и побежал к другим ребяташкам.

Супруги Ла Хэй уехали рано. Новый сосед сказал Дэвисам, что у него полно работы. На самом деле у него вообще не было времени на это собрание, да уж больно жене хотелось отправить сыновей в школу. Ему нужно поскорей огородить новое пастбище для скота. Он был рад познакомиться. Завтра они с удовольствием приедут на обед.

Мистер Ла Хэй собрал свое семейство, и они уехали.

Глава двенадцатая. Занятия

Утро понедельника выдалось дождливым и мрачным. Небо затянули плотные облака. Выглянув в окно, Мисси расплакалась.

— Теперь мое новое голубое платье вымокнет, — говорила она сквозь слезы. — И ленты тоже.

На выручку пришел Кларк: он предложил запрячь лошадей и отвезти девочек в школу в повозке. Эта идея встретила всеобщее одобрение, и, хотя солнце так и не выглянуло, Мисси повеселела.

Марти упаковала завтрак для детей и лично проследила, чтобы девочки тщательно причесались и почистили ногти. Пожалуй, она волновалась не меньше Мисси.

Несмотря на морозящий дождь, Кларк решил взять с собой Клэра и Арни.

— От воды они не растают, — успокоил он Марти, — зато почувствуют, что это наш общий праздник.

В молитве за завтраком были упомянуты новоиспеченные школьницы — пусть они отлично успевают, с уважением относятся к учителю и пусть то, что они узнают в школе, пойдет на пользу им самим и окружающим, теперь и в будущем.

После окончания трапезы семейство в приподнятом настроении уселось в повозку. Кларк укрыл девочек парусиной, чтобы их нарядная одежда не промокла. Клэр и Арни, страшно довольные тем, что являются участниками торжества, устроились рядом с отцом. Видя нетерпеливые лица детей и сияющие глаза Мисси, Марти почувствовала комок в горле. Повозка тронулась.

— Сначала школа, потом ухаживания и замужество, глядишь — и они оставят нас навсегда, — тихо сказала она. — Оглянуться не успеем, как они покинут родительский дом.

Она смахнула слезы и принялась мыть посуду. Вскоре вернулся Кларк с Клэром и Арни. Теперь все заботы о младших ложились на плечи Марти: большую часть времени девочек не будет дома. Ей придется поторопиться с домашними делами, ведь впереди долгий дождливый день, а с ней остались двое неугомонных малышей.

Когда Кларк привез мальчиков домой, Марти передела их в сухую одежду и подыскала каждому занятие по душе. Ей казалось, что она найдет чем развлечь сыновей, но задача оказалась куда сложнее, чем ожидалось.

Арни беспрерывно приставал к ней с разными пустяками, не желая заниматься игрушками. Клэр хныкал и требовал, чтобы ему тоже разрешили ходить в школу. Увидев, что переубедить мать не удастся, он стал проситься на улицу. Из окна Марти показала ему, что творится снаружи, но дождь и мокрые листья не произвели на Клэра никакого впечатления, и он принялся капризничать с удвоенной силой, похоже, считая, будто погода зависит прежде всего от матери.

Марти сунула каждому из сыновей по домашнему прянику. Арни поделился угощением с Мисс Пусс, но тут же пожалел о своей щедрости и дернул кошку за хвост. Та, обернувшись, наградила его вполне заслуженной глубокой царапиной. Крики Арни побудили к действию Клэра. Он бросился в погоню за кошкой, а когда Мисс Пусс спряталась за кухонной плитой, схватил метлу и попытался выгнать кошку из ее убежища, орудуя черенком. Марти усадила Клэра на стул и велела сидеть смирно, а сама тем временем промыла оцарапанную руку Арни.

Через некоторое время тучи рассеялись, и выглянуло солнце. Марти обрадовалась, что можно отправить Клэра погулять. Она понимала, что мальчик быстро промокнет до нитки и вернется домой, но это даст ей хоть небольшую передышку.

Как она и думала, Клэра тянуло к лужам, как пчелу к цветам, но они занимали его лишь до тех пор, пока его одежда не промокла насквозь. Вскоре он уже стоял в дверях, ворча, что ему нечем заняться. Приводя его в порядок, Марти пришла в отчаяние. Что она будет делать дальше? А если завтра снова пойдет дождь?

После полудня Кларк приехал домой перекусить. Мальчики встретили его восторженными криками, а Марти вздохнула с облегчением. После еды Кларк немного поиграет с детьми, а потом она уложит их поспать.

Но с дневным сном тоже ничего не вышло. Арни хныкал и пытался вылезти из кровати, а Клэр вообще отказался спать. Поэтому, когда она позволила им встать, оба были усталыми и капризными.

Все встало на свои места, лишь когда из школы вернулись девочки. Арни с ликующими криками бросился к Нандри, а Клэр принялся с пристрастием расспрашивать Мисси, выясняя, действительно ли ей удалось чему-то научиться. Клэй стояла в стороне, застенчиво улыбаясь.

Марти пришлось повысить голос, чтобы ее услышали.

— Ну, как ваши дела? — спросила она.

— Ой, мама, — воскликнула Мисси. — Все было так здорово! Догадайся, что я теперь умею! Ну, как ты думаешь? Пойдем покажу.

— Мне не терпится узнать, чему ты научилась, — сказала Марти. — Но мне бы хотелось, чтобы для начала вы все переоделись и аккуратно развесили свои школьные платья.

Девочки послушно отправились к себе, хотя они буквально сгорали от нетерпения — так им хотелось поделиться своими новостями.

Разговоры о занятиях продолжались до самого ужина. Лишь Нандри молчала. Мисси тараторила без умолку, рассказывая об учителе, других детях, школьных заданиях, своей парте и потухшей печке.

— Знаете что? Я думаю, мистер Витл никогда в жизни не разводил огонь. Печка так дымила, ужас! Теперь ее будет топить Сайлас Стерн.

Она помолчала секунду и погладила кошку.

— Мне нравится Мэри Лу Коффинс. Она моя лучшая подруга, и еще Фейс Грэхэм.

Коффинсы поселились в этих краях недавно.

— А еще, представляете, — с озорной улыбкой продолжала Мисси. — Натану Ла Хэю нравится Клэй.

Клэй покраснела и запротестовала, но не слишком громко.

— Да-да, точно, — настаивала Мисси. — Дергает ее за косички и всякое такое.

Марти понятия не имела, что означает «всякое такое».

Потом Мисси нахмурилась и сердито сказала:

— А Вилли Ла Хэй ужасно противный. Такой задавака.

— Мисси, это что такое? — упрекнула ее Марти. — Нельзя говорить о человеке, что он противный.

— Господь не знал про Вилли Ла Хэя, когда устанавливал такое правило, — парировала Мисси. — Его никто не любит.

— Что же он такого страшного сделал?

— Он читает, все время громко читает вслух. Даже самый мелкий шрифт. Думает, он самый умный. И еще дразнится. Говорит, я слишком красивая, чтобы быть дурочкой. Сказал, что он мне поможет. Я ответила: «Ни за что», а он стал смеяться и сказал: «Это мы еще посмотрим». Господи, какой же он воображала. Жалко, Томми не пошел в школу.

Мисси сокрушенно, как взрослая, покачала головой, и Марти подивилась, когда ее маленькая девочка успела превратиться в непреклонную юную леди.

«Пожалуйста, — взмолилась Марти, — пусть школа не меняет ее так быстро и так сильно». Но мгновение спустя Мисси вновь стала собой.

— Мама, можно мне вылизать тарелку? Я так проголодалась! А еще, знаешь, мам, у Мэри Лу есть специальная коробка для завтрака, такая красная и блестящая. Я тоже хочу такую, мама! Можно мне такую же? У коробки есть ручка, чтобы носить, и надпись белыми буквами.

— Что там написано?

— Какое-то слово, я его не знаю. Но она такая красивая, правда, Клэй?

Клэй присоединилась к мнению Мисси.

— Мама, я тоже хочу такую, ну пожалуйста! — заныла Мисси.

— Не знаю, милая. Посмотрим.

— Не хочу носить завтрак в старой и страшной коробке, — продолжала хныкать Мисси. — У Мэри Лу в сто раз лучше.

— Посмотрим, — повторила Марти.

На какое-то время обсуждение этого вопроса прекратилось, но когда вернулся отец, Мисси снова взялась за свое.

— У Мэри Лу есть блестящая красивая коробка для завтрака, с белой надписью и ручкой. Я тоже хочу такую, папа, пожалуйста!

— А что, без красной коробки учиться в школе нельзя? — спросил Кларк.

— Это не для учебы, а для красоты, — решительно ответила Мисси.

«Что ж, по крайней мере честно», — недовольно подумала Марти.

— Посмотрим, — ответил Кларк.

— Мама тоже так сказала, — запротестовала Мисси.

— У тебя разумная мама, — усмехнулся Кларк.

Мисси сморщила нос, но промолчала, явно решив, что пока сделала все, что могла.

Постепенно жизнь вошла в свою колею. Мальчики свыклись с отсутствием в доме девочек и довольствовались обществом друг друга.

Девочки с головой погрузились в занятия. Мисси, смышленная и энергичная, скоро стала первой ученицей в классе, причем без всякой помощи Вилли Ла Хэя, как с гордостью отмечала она сама. Клэй тоже схватывала все на лету и поражала своими способностями учителя и Марти с Кларком. Она пристрастилась к чтению и все свободное время проводила, уткнувшись в книжку. Лишь Нандри каждое утро шла в школу с неохотой. Марти видела это и ломала голову, как помочь девочке. Она понимала, что почти все ученики в классе значительно младше Нандри, и из-за этого она чувствует себя неудобно. Марти не упрекала ее и старалась поддержать и подбодрить.

Маленькая сплетница Мисси постоянно держала домашних в курсе всех новостей. Однажды они с Клэй вернулись домой, захлебываясь от хохота.

— Знаешь, мама, — Мисси с трудом перевела дыхание, — когда мистер Витл кричит,

он ужасно смешно пищит, — с этими словами Мисси передразнила учителя.

Пряча улыбку, Марти вступилась за мистера Витла.

— Мальчишки нарочно выводят его из себя, чтобы он закричал, — поведала Мисси. — Это так смешно, мама, а потом он становится такой красный и рычит страшным голосом — вот так... — Рычание шестилетней Мисси звучало просто уморительно.

— Мне не нравится, что вы смеетесь над своим учителем, — стараясь сохранять серьезность, упрекнула девочек Марти.

Мисси несколько смутилась, но тут же подняла голову и возразила:

— Ты бы тоже смеялась, а я смеялась совсем чуть-чуть.

Кроме того, Мисси постоянно рассказывала об «этом несносном Вилли Ла Хэе».

Вилли Ла Хэй окунул ее ленту для волос в чернильницу.

Вилли Ла Хэй бегал за ней сдохлой мышью.

Вилли Ла Хэй сунул ей кузнечика в коробку для завтрака.

Вилли Ла Хэй вырезал ее имя на дереве у ручья, и она еле-еле стерла написанное.

Она терпеть не может Вилли Ла Хэя и думает, что Господь ее за это не осудит.

Глава тринадцатая. Что-то новенькое

В следующую субботу Кларк собрался в город, и Марти была рада, что может остаться дома. Конечно, поездка доставила бы ей удовольствие — ведь теперь она знала, что девочки прекрасно умеют хозяйничать и присмотрят за малышами в ее отсутствие. Но поездка в город означала встречу с миссис Макдональд, а разговоры с этой дамой всегда выводили Марти из душевного равновесия. Она говорила, что лучше уж столкнуться с индейцем или медведем.

По правде сказать, Марти почти не приходилось видеть индейцев. Те, которых она встречала в городе или на дороге, держались достаточно дружелюбно. Большая часть коренных жителей континента, живших раньше в округе, теперь перебрались в горы или не тронутые поселенцами леса. Было непонятно, как индейцам удается выжить, но большинство соседей считали, что «индейцы есть индейцы», подразумевая, что те способны довольствоваться малым. Пока они не представляли угрозы благополучию поселенцев, последние не возражали против того, чтобы аборигены охотились в горах, добывая мясо и шкуры. Белые люди считали, что не отвечают за их судьбу и не имеют перед ними никаких обязательств. Такое отношение смущало Марти, но едва ли она могла что-нибудь изменить.

Что касается медведя, Марти была довольна, что не разу не сталкивалась с этим зверем. Подобно индейцам, медведи предпочитали держаться подальше от людей, в горах, куда не добирались поселенцы с ружьями. Иногда кто-нибудь из соседей-смельчаков отправлялся в горы, чтобы вернуться с медвежьей шкурой, которую потом использовал как ковер или вешал над камином. Однако такими людьми двигал скорее охотничий азарт, чем необходимость.

Но даже разглядывая в соседском доме огромную шкуру, покрытую густым мехом, и пасть убитого зверя с огромными желтыми клыками, Марти не сомневалась, что иметь дело с медведем куда приятнее, чем с миссис Макдональд. Стыдясь своего малодушия, она по возможности избегала поездок в город.

С тех пор как начались занятия в школе, Марти всю неделю ждала субботы. В этот день девочки присматривали за малышами, и она могла сделать работу, накопившуюся за неделю.

На этот раз у нее было особенно много дел: в воскресенье им предстояло нечто особенное. Они пригласили школьного учителя на семейный обед. Марти ожидала этого визита со смесью робости и нетерпения. Что представляет собой этот странного вида человек на самом деле? Мисси болтала о нем всякое — то она им восхищалась, то возмущалась его странным поведением, а порой заливалась смехом, рассказывая о забавных, по ее мнению, выходках.

Марти вытащила из печи горячий пирог и поставила его остывать на полку буфета. Когда во двор въехал Кларк, она ошипывала двух молодых петушков.

Дети, как обычно, бросились ему навстречу. Выглянув в окно, Марти заметила, что муж слезает из повозки медленно и осторожно. Она заволновалась — не заболел ли? — но Кларк, окруженный детьми, быстро зашагал к дому, и она увидела, что с ним все в порядке. Его куртка оттопыривалась спереди, и он бережно придерживал ее обеими руками. Дети вертелись вокруг него, снабженные любопытством, и умоляли показать, что он прячет. Но Кларк не торопился уступать их просьбам и с улыбкой шагал к дому.

«Интересно, что он затеял на этот раз», — призадумалась озадаченная Марти, качая

головой при виде небольшой процессии, которая поднимается на крыльцо.

— Что там, папа?

— Что ты принес?

— Покажи!

Кларк приоткрыл куртку, и оттуда высунулась рыжевато-коричневая кудрявая голова. Пара быстрых глаз заморгала от яркого света, существо весело заерзало, явно одобряя царившую вокруг суматоху. Дети закричали от восторга и заспорили, кто первый получит право взять на руки маленького кокер-спаниеля.

— Начнем с самого младшего, — сказал Кларк, передавая щенка Арни. Малыш просиял и прижал песика к себе. Тот немедленно лизнул мальчика в лицо. Арни громко засмеялся.

«Маленькие мальчики и щенки ужасно похожи», — подумала Марти. Должно быть, Арни думал то же самое, поскольку ему явно не хотелось расставаться с собакой. Немного помедлив, он передал щенка Клэру.

Пока дети возились со щенком, Марти улучила минутку, чтобы поговорить с Кларком.

— Где ты его взял?

— Собака кузнеца оценилась. Малыши подросли, их уже можно забирать от матери. Этот был лучше всех.

— Да, он замечательный.

Дети, наконец-то отпустили щенка и теперь наблюдали, как он неуклюже резвится и подпрыгивает на полу кухни.

— Посмотрите на него! Посмотрите! — кричали они, смеясь и хлопая в ладоши.

— А теперь, — сказал Кларк, — давайте вынесем его во двор и познакомим с Ол Бобом.

Ол Боб стал совсем дряхлым. Он плохо видел и двигался медленно и тяжело, с трудом переставляя негнущиеся лапы. Кларк и Марти понимали, что дни старого пса сочтены, и лишь уход и забота могут немного продлить его жизнь.

Вся семья следом за Кларком направилась к собачьей будке. Боб неспешно вылез из своего укрытия, потянулся, разминая старые лапы, и слегка помахал хвостом, приветствуя собравшихся.

Когда щенка посадили на землю, Боб медленно опустил голову и принялся. Похоже, новый знакомый не произвел на него особого впечатления, впрочем, неприязни он у старого пса тоже не вызвал. Щенок же, увидев себе подобного, задохнулся от восторга и принялся с развевающимися ушами скакать и носиться вокруг, точно заводной. Юный спаниель пытался вовлечь в свое веселье и Ол Боба, прыгая на него и хватая за длинный пушистый хвост. Однако Боб не обращал внимания ни на новичка, ни на кричащих от восторга детей.

В конце концов щенка оставили на попечение Ол Боба, а Кларк с мальчиками отправился распрягать лошадей и разгружать повозку. Девочки, напоив малыша теплым молоком, тоже вернулись к своим обычным делам. Оставалось придумать новой собаке имя. Этот вопрос решили обсудить за ужином.

Марти освободила разделочный стол, чтобы Кларк с мальчиками сложили на него купленные продукты, и вновь занялась подготовкой цыплят.

Когда она стала разбирать покупки, ее взгляд привлекла яркая коробка с надписью «лярд».

— Что это? — спросила она. — Разве в моем списке был лярд? У нас еще почти полный бочонок. А здесь его целых три коробки.

Озадаченная Марти заглянула в список. Интересно, что именно Кларк перепутал с

лярдом.

— Да нет, — спокойно сказал Кларк, — никакого лярда в твоём списке нет.

— Тогда зачем... — начала было Марти, но не закончила фразу.

Кларк слегка смутился.

— Они ведь красные, верно? И блестящие. И у них есть ручки и надписи белыми буквами.

Так вот оно что! Коробка, о которой мечтала Мисси! Красная, блестящая с белыми буквами.

— Не думаю, что нужно покупать Мисси все, что она клянчит, — поспешно добавил Кларк. — Она не должна считать, будто всегда будет получать то, что хочет, — стоит ей только попросить. Но все же я решил: куплю на всякий случай, вдруг ты не станешь возражать. Но раз уж я купил эту штуку для нее, не мог же я не купить и девочкам?

— Ты прав.

Кларк повернулся к выходу.

— Решать тебе, — повторил он уже в дверях.

Марти посмотрела на три блестящие красные коробки. Лярда ей теперь хватит на целую вечность, к тому же осенью они снова будут забивать свиней. Куда она его денет?

— Да из тебя веревки вить можно, — пробормотала она, сплотив комок в горле. Марти представила сияющие глаза Мисси и радостные лица девочек, когда они получают завтрак в нарядных коробках, и ей захотелось, чтобы понедельник наступил поскорее.

Когда семья собралась за ужином, все дела по хозяйству были закончены, и на плите в большом медном котле уже грелась вода для вечернего купания.

— Я подумал, что если с Ол Бобом что-нибудь случится, детям будет легче пережить это с новой собакой, — вполголоса сказал Кларк Марти, которая сливала картошку. Она кивнула.

Кларк подошел к столу и обвел взглядом сидящих за столом.

— Знаешь, мама, — сообщил Клэр, — я посмотрел, что делает щенок, а он свернулся и спит вместе с Ол Бобом. Наверное, Ол Боб думает, будто он — его мама.

Марти улыбнулась.

— Ол Боб не такой глупый. Но если щенок не станет его донимать, он с радостью примет его в свою компанию.

— Он такой хорошенький, — восторженно воскликнула Мисси. — Можно он будет спать со мной?

— Ни в коем случае, — решительно ответила Марти. — Животные должны жить на улице.

— Но Мисс Пусс... — начала Мисси. Марти подняла бровь, ожидая признания в том, что иногда котенок забирается к Мисси в постель. Но девочка была не так проста и тут же смолкла.

— Ну, — сказал Кларк, — как же мы его назовем?

— Мне нравится имя Лев, — заявил Клэр.

— Назвать собаку Львом? — скептически переспросила Мисси.

— Он такого же цвета, как лев, — не сдавался Клэр.

— А мне больше нравится Принц или Король, — сказала Мисси.

— Он же совсем маленький, — удивился Клэр.

— Но он вырастет, — возразила Мисси.

— А ты что скажешь, приятель? — спросил Кларк у Арни. Тот сунул в рот полную ложку картофеля с подливкой, помогая себе свободной рукой. Потом проглотил часть картошки и ответил:

— Ол Боб.

— Я спросил, как мы назовем новую собачку.

— Ол Боб.

— Но ведь у нас уже есть собака по имени Ол Боб. — Кларк немного растерялся.

— Знаю, — сказал Арни. — Я хочу еще.

— Ты хочешь, чтобы у нас был старый Ол Боб и новый Ол Боб? — Клэр явно считал, что никто, кроме него, не в состоянии понять брата.

— Угу, — кивнул Арни. — Теперь у нас... — Малыш растопырил два пальчика, измазанных картошкой, сжав остальные в кулачок. — ...два Ол Боба.

Все засмеялись, и в конце концов было решено, что щенок тоже станет носить имя Ол Боб.

— Он ведь подрастет, — прозорливо заметила Мисси.

— Да, и тоже сделается старым, — добавил Клэр. — А когда мы будем звать одного, станут прибежать сразу два.

Кларк улыбнулся:

— Что ж, на этом мы сэкономим уйму времени.

Арни просиял.

— Теперь у нас есть маленький Ол Боб и большой Ол Боб.

Как и ожидал Кларк, старый Ол Боб прожил недолго. Но щенок, который весело носился по двору за детьми, хватая их за пятки, помог им пережить эту потерю.

Глава четырнадцатая. Девушка Томми

Школьный год пролетел очень быстро, подошло время летних каникул. Кое-кто из старших мальчиков закончил учебу раньше, чтобы помочь родителям с весенними посадками. Остальные занимались до июня. В честь окончания первого класса Мисси украсила дом букетами цветов и набрала в свою любимую коробку для завтрака — правда, за год она немного утратила былой блеск — спелой земляники.

Летом было много работы в саду и огороде. Окидывая взглядом щедрый урожай и видя, как радуются ему дети, Марти благодарила Бога за милосердие. Мисси, Клэй и Нандри собирали в свои коробки для завтраков бобы, кукурузу и помидоры. Лето стало горячей порой и для Кларка: нужно было убрать урожай, а порой и помочь соседям.

Снова наступила осень, а вместе с ней — уроки в школе. Клэр, который был еще слишком мал для того, чтобы учиться, — ему предстояло пойти в школу через год — ворчал, что снова должен «торчать дома со всякой малышкой». Было не совсем понятно, кого он имеет в виду, поскольку компанию ему составлял один Арни. Правда, сетовал он недолго.

Клэй и Мисси с нетерпением ждали начала занятий. Клэй просидела все лето над книгами, которыми снабжал ее мистер Витл, и наверстала то, что упустила за несколько лет. Мистер Витл был очень доволен этим и всюду нахваливал прилежную ученицу.

Мисси очень нравилось учиться, она любила читать вслух Арни и Клэру, хотя непоседливым малышам было трудно подолгу сидеть на одном месте.

Только Нандри по-прежнему не испытывала воодушевления от учебы. Но она заговорила об этом лишь тогда, когда до занятий осталось несколько дней.

— Я больше не пойду в школу, — сказала она тихо, но твердо, — не хочу сидеть за одной партой с малышами.

Кларк и Марти обсудили ее решение и не без колебаний согласились с ним. Что ж, они позволят ей поступить так, как она хочет.

— Будем учить ее заниматься хозяйством и растить детей, — сказала Марти. — Из Нандри получится хорошая жена и мать. А это не так уж мало. Она научилась читать и писать. Я смогу еще немного позаниматься с ней дома.

Кларк не возражал. В свои пятнадцать лет Нандри вполне могла самостоятельно управляться с домом. Молодые люди, живущие по соседству, со временем будут рады обзавестись такой спутницей жизни.

На этот раз расставание с Мисси и Клэй в первый день занятий уже не вызвало у Марти такого смутения, как год назад. К тому же теперь ей станет гораздо легче вести хозяйство, ведь у нее появилась помощница — Нандри. Марти было приятно видеть, как прежде нелюдимая девушка начала расцветать в атмосфере любви и тепла.

Лишняя пара рук оказалась весьма кстати для Марти еще и потому, что через каких-нибудь два месяца в семье Дэвис планировалось прибавление. Нандри взяла на себя львиную долю заботы о малышах. Она брала их с собой, когда шла кормить кур, укладывала спать Арни — Клэр заявил, что он уже слишком большой, чтобы спать днем, — и помогала Марти по дому. Та была очень благодарна девочке и часто говорила ей об этом.

Как-то раз, когда Марти сидела дома, занимаясь починкой одежды, она услышала, что к ним скачет всадник. Она отложила в сторону носок и выглянула в окно.

— Надо же, Томми, — сказала она Нандри, которая раскатывала тесто для пирога. —

Интересно, зачем он к нам пожаловал.

Марти направилась к двери.

— Томми, — позвала она юношу, — входи же. Мы не виделись целую вечность.

Молодой человек вошел в кухню и кивнул Нандри, которая вспыхнула и опустила глаза.

— Как родители? — поинтересовалась Марти.

— Прекрасно. У нас все хорошо. Маленькая Лиззи растет, как на дрожжах.

— Она такая милая, — сказала Марти с улыбкой. Когда она видела девочку в последний раз, та делала свои первые шаги. Все ее успехи сопровождалось градом восторженных похвал, объятий и поцелуев, которыми награждали малышку бабушка с дедушкой и юные дядюшки и тетушки.

Марти с болью подумала о маленьком Ретте Маршалле, который все еще не научился сидеть. Она вздохнула и вновь обратилась к Томми:

— Я слышала, ты обзавелся собственным участком земли.

— Да, — с гордостью ответил тот. — Даже поставил там свой дом. Небольшой, но на первое время хватит.

— Землю уже вспахал?

— Нет. Собираюсь начать весной.

Возможно, Тома интересуется Нандри, подумала Марти. Голос Томми прервал ее размышления.

— Может, прогуляемся немного? Сегодня отличный денек, обидно сидеть в четырех стенах.

Марти сразу поняла, что он обращается к ней, а не к Нандри, и потянулась за шалью.

— С удовольствием, — откликнулась она. — Давай пройдемся до родника. Нандри, присмотришь за мальчиками?

Девочка быстро кивнула, и Марти вышла во двор. Они шли не торопясь и беседовали о погоде, урожае зерна и своих родных. Когда они добрались до родника, Том уселся на сырую траву, опершись спиной о ствол дерева. Марти внимательно смотрела на него. Что-то в его лице смутно тревожило ее. Том еще не успел ничего сказать. Он отломил кусочек коры и принялся вертеть его в руках.

— Речь идет о девушке?

— Как ты догадалась? — удивился Том.

— Заметно, — улыбнулась Марти.

— Может быть, может быть...

Он немного помолчал и сказал:

— Марти, она настоящее чудо... просто замечательная! Мне нужно было с кем-то поговорить. Мама не поймет. Я точно знаю, что не поймет...

Марти растерялась. Что он хочет сказать?

— Мне кажется, ты недооцениваешь свою мать, — заметила она.

— Нет, едва ли. Она поймет меня, только если согласится с ней познакомиться. Но я боюсь, что... Поэтому я и пришел к тебе, Марти. Ты знаешь маму. Не могла бы ты... ну, в общем, не могла бы ты с ней поговорить?

— Эта девушка... она живет неподалеку?

— Не совсем. Она... она живет за холмами. Со своим дедом.

— А как ее зовут?

— Оватика.

— О-ва-ти-ка... это похоже на... — Марти осеклась на полуслове. Только теперь она поняла, что хочет сказать Томми. — Она... она индианка?

Том молча кивнул.

— Да, Томми, я понимаю, — наконец выдавила Марти. Она смотрела на страдальчески искаженное лицо юноши и не знала, что сказать.

Марти отошла немного в сторону, пытаясь привести мысли в порядок, но поняла, что не готова к этому.

«Отец Небесный, — горячо взмолилась она про себя, — помоги нам справиться с этим».

Она вернулась к Тому и присела на пень.

— Ладно, — сказала она, — расскажи мне о ней. Где ты встретил Оватику? — Она осторожно выговорила незнакомое имя.

Том вздохнул.

— Мы познакомились прошлой осенью, — начал он. — Я искал двух наших коров, которые убежали в холмы. Выскользнули под ограду и убежали. Когда я обнаружил пропажу, то оседлал лошадь и отправился на поиски. В первый день я их не нашел, но по пути домой наткнулся на заросли ирги³ — ягод там было видимо-невидимо — и остановился, чтобы полакомиться. Ягоды были такие крупные и сочные, что я решил собрать немного для мамы, — она делает замечательные пироги с иргой. Я снял шапку и стал рвать ягоды.

И вдруг я почувствовал, что на меня кто-то смотрит. Я поднял глаза — думал, увижу пуму или черного медведя. Но там стояла девушка — глаза и волосы черные, как вороново крыло. Одета она была в оленьи шкуры, расшитые бусами. Больше всего меня возмутило то, что она смеялась надо мной. Она старалась сдержаться, но у нее ничего не получалось. Ее глаза... в них просто чертики прыгали, а рот она прикрывала рукой.

Я спросил, что ее так развеселило. Она ответила по-английски, что никогда не видела, чтобы индейский воин собирал ягоды, — ведь это женское дело. Я возразил, что, наверное, ее воины никогда не пробовали пирогов с иргой.

Она перестала смеяться, и я слегка остыл. Мы немного поболтали. Она сказала, что ее зовут Оватика, — это значит «Маленький Цветок».

Потом мы стали встречаться, часто. Зимой я оставлял ей оленину или другую дичь. Она живет одна со старым дедом. Он не хотел жить в резервации, как приказало правительство, и решил поселиться на холмах. Когда я просил Оватику нас познакомить, она только качала головой. Он очень старый. На самом деле он ей даже не дед, а прадед, и когда он умрет, она останется совсем одна. Она говорит, что вернется в резервацию — скорей всего, ее просто заберут туда — или выйдет замуж за какого-нибудь индейца. Но я не хочу этого.

Он в упор посмотрел на Марти.

— Марти, я хочу жениться на ней. Я люблю ее. — Он горько вздохнул. — Как я скажу такое родителям?

Марти покачала головой. Бедный Томми... Бедная матушка... А что скажет Бен?

Марти встала и, почувствовав, что стало свежо, поплотнее закуталась в шаль.

— О, Томми! — сказала она и снова покачала головой. — Не знаю... просто не знаю.

Томми тоже поднялся.

— Но ты поговоришь с ними? Пожалуйста, Марти!

— Я постараюсь, — пообещала она. — Но, Томми, пойми... все это будет очень нелегко. И для твоих родителей, и для ее деда...

— Я знаю. — Он опустил голову. — Знаю, но я все обдумал. У меня есть своя земля и свой дом. Он небольшой, но она же привыкла жить в вигваме из звериных шкур. Мой дом покажется ей просто дворцом. А с родителями нам почти не придется сталкиваться, ведь мой участок на отшибе. Мы никому не помешаем. И горы неподалеку — она их так любит. Она сможет видаться со своими...

— Томми, ты не представляешь, что тебя ждет, — перебила его Марти. — Подумай сам — ведь у тебя есть семья! Ты же не станешь прятать своих детей от собственных родных. Подумай о матери — ведь она так любит тебя, так любит своих внуков.

Томми закрыл лицо руками.

— На это я могу сказать только одно. — Его голос звучал так тихо, что она с трудом разбирала слова. — Только одно. Но... когда придет время... мы справимся. — Он посмотрел в глаза Марти.

Она не знала, что сказать.

— Прощу тебя, Марти! — взмолился Том. — Поговори с мамой! Если она поймет меня, она сумеет уговорить отца. Прощу тебя...

Марти вздохнула.

— Попробую, — сказала она, но в глазах у нее стояли слезы. — Честное слово, я попытаюсь, но не знаю, что из этого выйдет.

Томми сделал шаг вперед и порывисто обнял ее.

— Спасибо, Марти, — прошептал он. — Больше я ни о чем не прошу. Когда-нибудь... когда-нибудь я познакомлю тебя с Оватикой. Когда ты увидишь ее, ты поймешь меня. А теперь мне пора.

Он собрался уходить.

— Господи, благослови Томми, — прошептала Марти. — И Оватику...

Глава пятнадцатая. Поиски священника

Собрание жителей округа назначили на субботу в начале октября, когда полевые работы были закончены. Участвовать пригласили всех, и от случая повидаться с соседями не отказался почти никто.

Зик Ла Хэй просил передать, что хотя собрание — дело важное, у него невпроворот работы на ферме и едва ли ему удастся найти время, чтобы приехать.

Люди уже заметили, что у Зика никогда нет времени — ни на отдых в воскресенье, ни чтобы помочь соседям, ни для других надобностей. Кларк, который редко осуждал других, как-то заметил в разговоре с Марти: «Странная штука — видно, с этой фермой что-то неладно. Первый хозяин, Джедд Ларсон, палец о палец не ударил, пока жил там, а второй загоняет себя до смерти. Надо бы заглянуть туда. Как бы я ни любил работать на земле и ни стремился подзаработать... надеюсь, это никогда не заставит меня забыть о Боге, семье и друзьях».

Марти отлично поняла, что он хотел сказать.

В назначенный день все сидели в помещении школы. Вел собрание Бен Грэхэм. Когда гул немного затих, он поднялся и сказал:

— Друзья и соседи! Все вы знаете, зачем мы собрались. До сих пор мы жили без своего пастора. Два раза в год к нам приезжает священник, чтобы провести службу и поженить тех, кто решил вступить в брак. Мы обеспокоены таким положением и считаем, что этого недостаточно, чтобы должным образом воспитывать нашу молодежь и обучать ее мудрости Писания. Не помешает слышать слово Божье и тем, кто постарше: чтобы не забывать о самом важном в жизни. Недавно кое-кто из нас собирался, чтобы обсудить этот вопрос, и мы решили, что больше не можем сидеть сложа руки. Теперь у нас есть школа. Это прекрасное здание показывает, на что мы способны все вместе. Настало время вновь объединить свои силы.

Раздались аплодисменты и одобрительные возгласы. Бен слегка смешался, но быстро справился с собой, прокашлялся и продолжил речь:

— Пока что мы должны выбрать двух или трех человек в состав комитета, который займется поисками священника. Такого, который будет всегда под рукой, случись у нас свадьба или похороны. И будет проповедовать Слово Божье.

Люди снова зааплодировали. Бен посмотрел на матушку, ища поддержки. Должно быть, он увидел в ее лице то, что искал, так как решительно поднял руку, требуя тишины.

— Теперь мне нужны ваши предложения: кого включить в состав комитета. Нам понадобятся два-три человека — как вы решите. Комитет не должен быть слишком большим.

Кто-то сзади предложил кандидатуру Кларка Дэвиса. Это предложение встретило всеобщее одобрение.

Тодд Стерн назвал Бена Грэхэма, и это предложение тоже было принято.

Потом встал мистер Коффинс и предложил включить в состав комитета мистера Вилбура Витла. Очень громко предложил. Воцарилось неловкое молчание. Марти подумала, что никто из присутствующих понятия не имеет, каковы религиозные взгляды нового учителя. Постепенно тишину сменило покашливание там и сям, потом негромкий гул голосов.

Бен вышел вперед.

— Все слышали предложение мистера Коффинса. Мистер Витл, хотите ли вы войти в состав комитета и помочь в выборе нового священника?

Мистер Витл поднялся и с достоинством оглядел собравшихся.

— Полагаю, у меня есть достаточно связей в Новой Англии, которые могли бы быть полезны такому комитету, — промолвил он своим сочным голосом.

— Вы хотели бы принять участие в этой работе? — спросил Бен.

— Разумеется, — ответил мистер Витл. — Полагаю, собственный священник был бы весьма полезен общине.

— Спасибо, мистер Витл. — Бен огляделся. — Итак, было названо три имени: Кларк Дэвис, я и мистер Витл. Каково будет ваше решение?

— Так тому и быть, — послышался голос с задних рядов.

— Давайте проголосуем, — провозгласил Бен. — Кто за — скажите «да». Кто против — скажите «нет».

Возражений не последовало.

После собрания мистер Витл отыскал Кларка и Бена и, отвесив любезный поклон матушке и Марти, которые беседовали неподалеку, обратился к мужчинам.

— Итак, джентльмены, — начал он торжественно, — должен сказать, что среди моих знакомых есть довольно много семинаристов, и, без сомнения, в их числе найдутся те, кто могли бы нам помочь. Согласны ли вы уполномочить меня на ведение переписки с предполагаемыми кандидатами?

Бен смутился, а Кларк сказал:

— Полагаю, вы могли бы взять на себя такую переписку. Однако сначала мы хотели бы немного узнать о людях, которым вы напишете.

— Естественно, — сказал мистер Витл. — Я составлю резюме каждого кандидата и представлю его на ваше рассмотрение, а вы уж выберете тех, кто подойдет.

— Это самое ре-зю-ме, — спросил Бен, — поможет нам понять, что они за люди?

— Ну конечно! — энергично кивнул мистер Витл. — Вне всякого сомнения, разумеется.

— Думаю, вы можете приступать, мистер Витл, — сказал Кларк. — А потом мы втроем просмотрим ваш список.

— Вот и прекрасно, джентльмены, вот и прекрасно, — сказал мистер Витл и зашагал прочь, очень довольный собой.

Учитель слышал немало разговоров о том, что поселенцы неохотно принимают в свой круг новичков. А он прожил здесь всего год и уже является членом такого важного комитета — чрезвычайно важного. Если ему удастся осуществить задуманное — вне всяких сомнений, он добьется всеобщего признания.

Вернувшись домой, к Уотли, он закрылся в своей комнате и принялся перебирать в памяти лучших кандидатов на должность священника. Он знал множество ученых людей, и кое-кто из них наверняка мечтал, как и он сам, увидеть новые земли и был не прочь отправиться на Запад в поисках волнующих, не изведанных доселе впечатлений.

Конечно, жизнь на Западе имела свои минусы, он готов был это признать, но ведь были и преимущества. Для него таким преимуществом стала мисс Тесси Ла Хэй. На Востоке он редко пользовался симпатией юных леди — они имели скверную привычку отворачиваться от него, едва он пытался приблизиться. Тесси вела себя куда приветливее. Правда, ей только-только исполнилось восемнадцать, а ему уже стукнуло тридцать два, но такого рода

неувязки имели на Западе гораздо меньшее значение, чем у него дома. Он видел в девушке очаровательную юную леди, а она считала его вполне подходящим женихом. Конечно, он знал, что самое сильное впечатление на нее произвели гетры и котелок. Тем не менее в ближайшее время он намеревался нанести визит мисс Тесси, чтобы узнать, на каком свете находится. А собрание и членство в комитете добавило ему уверенности. Однако он должен действовать крайне осмотрительно, ведь мистер Уотли зорко следит за каждым его шагом, явно проча ему в невесты свою старшую дочь. «Впрочем, я непременно найду способ избежать затруднительного положения», — сказал себе мистер Витл, усаживаясь за стол и приступая к составлению списка.

Глава шестнадцатая. Марти беседует с матушкой

Марти долго откладывала визит к матушке, но понимала, что разговора не избежать. Томми рассчитывал на нее, и она обещала ему помочь. Вскоре наступит зима, дороги занесет снегом, и добраться до Грэхэмов станет куда труднее.

«Какой же повод придумать, чтобы навестить матушку?» — ломала голову Марти, но так ничего и не придумала. В конце концов она решила поехать к ней просто так.

В субботу Кларк, как обычно, собрался в город, и Марти сказала:

— Если не возражаешь, я бы к тебе присоединилась.

Кларк обрадовался.

— Буду очень рад, — отозвался он. — Не так часто мне удается похвастаться в городе своей женой.

— Нет, в город я не поеду, — быстро ответила Марти. — Хочу поболтать с матушкой, пока ты будешь заниматься делами.

Улыбка Кларка немного померкла, но он все равно был доволен:

— Что ж, по крайней мере составишь мне компанию в дороге, — сказал он.

Марти сообщила про свои планы девочкам. Нандри обрадовалась, что остается за старшую и будет хозяйничать и присматривать за детьми самостоятельно.

Марти надела пальто и завязала капор. Ее живот округлился, и на талии пальто не сходилось, поэтому застегнуть его не удалось.

Кларк смотрел на нее с тревогой, когда она неуклюже — несмотря на помощь его ловких рук — залезала в повозку.

— Ты уверена, что поездка по тряской дороге тебе не повредит? — спросил он.

— Ничего со мной не случится, — успокоила его Марти.

Тем не менее всю дорогу Кларк старался, чтобы лошади шли не слишком быстро.

Матушка встретила приятельницу с радостным удивлением.

— Как хорошо, что ты выбралась к нам, пока есть возможность! — воскликнула она.

Марти немного успокоилась: кажется, матушка не догадывается об истинной цели ее визита и считает, что соседка просто приехала повидаться, пока не появился малыш.

Они обсудили планы на будущее, выпили кофе и продолжили беседу, достав рукоделие. Марти поглядывала на часы, понимая, что рано или поздно ей придется заговорить про Томми. Наконец она набрала в грудь побольше воздуха и сказала:

— Недавно к нам заезжал Томми.

Матушка внимательно посмотрела на соседку, явно обратив внимание не на слова, а на тон.

— Хотел поговорить со мной, — пояснила Марти.

Матушка молчала.

— У него появилась девушка?

— Да. Вы про нее знаете?

— Я же вижу, что с ним творится. Все признаки налицо. Но он ничего не рассказывает. Несколько раз я пыталась завести с ним разговор, но он отмалчивается.

Вновь воцарилось молчание.

— Марти, с ним что-то не так?

Марти с усилием помотала головой.

— Нет, дело не в этом. Просто... ну, просто она другая, да... не такая, как мы.

— В каком смысле?

Марти едва не поперхнулась кофе.

— Ну, в общем, эта девушка, которую любит Томми... — Она немного помолчала и заговорила сбивчивой скороговоркой: — ...а любит он ее по-настоящему... я же слышала, как он о ней говорит... Эта девушка... ее зовут... Оватика.

Марти бросила быстрый взгляд на матушку и поняла, что та догадалась. Спицы замерли в ее руках, лицо побледнело, а в глазах застыла боль.

— Томми? — прошептала она.

— Да, в общем... вот так... — Теперь Марти хотелось поскорее все объяснить. — Томми не знал, что так получится. Понимаете, он просто искал двух убежавших коров, поехал за ними в горы и остановился, чтобы собрать немного ягод для пирога. И... и там он вдруг встретил эту девушку, она тоже собирала ягоды, они разговорились... она знает английский... а потом прошло несколько месяцев... и они узнали друг друга ближе. Понимаете, Томми любит ее. И, мне кажется, она тоже его любит.

Матушка отложила вязание и встала.

— Марти, но он не может так поступить, это невозможно. Неужели ты не понимаешь? Из этого ничего не получится. Это всегда приносит только горе, всегда.

— Я понимаю, — тихо сказала Марти. — А Томми — нет.

— Что он сказал? И что думают ее родители?

— У нее нет родителей, у нее вообще никого нет, только старый дед. Ему они пока ничего не говорили. Оватика считает... считает, что лучше подождать, — запнувшись, проговорила Марти.

— Подождать, значит? — переспросила матушка. — Может быть, у них хватит ума этого не делать? Может быть, мы просто не все знаем?

— Не знаю, — сказала Марти, боясь по неосторожности сболтнуть лишнее. — Судя по словам Томми, дедушка очень стар и болен, ему осталось недолго. Думаю, она просто не хочет его огорчать. Хочет подождать, пока его не станет. Вот что я думаю.

— Господь милосердный! — воскликнула матушка, чуть не плача. — Что же нам делать?

Марти вздохнула и откинулась на спинку кресла. Кто она такая, чтобы давать советы матушке Грэхэм?

— Знаете, мне кажется, — наконец сказала она, взвешивая каждое слово, — выбор у вас не большой. Вы можете воспротивиться этому и при этом потерять Томми либо примириться и принять невестку-индианку.

Марти заглянула в лицо матушки, которая шагала взад-вперед, от плиты к столу. Внезапно та остановилась и расправила плечи.

— Марти, — сказала она, — мне кажется, есть еще третий путь. Я не стану возражать и не собираюсь мириться с этим. Я буду молиться.

— Молиться? О чем?

— А ты как думаешь? — Обычно невозмутимая, матушка захлебывалась словами. — У них ничего не выйдет, Марти! Я не хочу, чтобы Тому было больно. Чтобы у него появились дети, которые не знают, чьи они внуки, потому что они и не белые, и не цветные. Этого нельзя допустить, Марти.

— Но если речь идет о молитвах, матушка, — тихо и медленно заговорила Марти, —

будете ли вы просить о помощи? Чтобы Господь помог им обоим? Или вы хотите, чтобы Он просто отдал приказ?

Матушка ссутулилась, по щекам у нее потекли слезы. Она не вытирала их. В конце концов буря в ее душе утихла, и она немного успокоилась. Она сидела напротив Марти, опустив голову.

— Ты правильно поняла меня. Мне очень хочется, чтобы Господь остановил их. Я боюсь, Марти. Правда, боюсь. Чует мое сердце, добра из этого не выйдет. Я стану молиться, молиться день и ночь. И хотя мне это нелегко, буду повторять: «Да свершится воля Твоя» — и я хочу, чтобы так и было. Но вот что я тебе скажу, Марти. Я не верю, что Господь желает, чтобы люди с разным цветом кожи женились и рождали детей, которые не ведают, какого они роду-племени. Не думаю, что Господу угодно вносить смятение в умы людей и смешивать народы, что Он желает множить изгоев, жизнь которых — одно страдание. Как Он может хотеть такого, Марти?

Матушка не ждала ответа на свой вопрос. Она сидела, беспокойно потирая загоревшие от работы руки.

— Мы непременно обсудим это с Беном, — сказала она наконец. — А потом вместе поговорим с Томми: может быть, нам удастся его образумить. Он хороший парень, Марти, и голова на плечах у него есть. Он поймет, что добром это не кончится — ни для него, ни для нее.

Марти хотелось, чтобы матушка оставила дверь хоть чуточку приоткрытой, чтобы не закрывала ее так плотно, но она не возражала, а только кивала. Она чувствовала, что не сделала того, зачем приехала, не смогла помочь Томми. Да и кто она такая, чтобы разобраться в том, что случилось? Если матушка не права, Господь откроет ей глаза, но на это нужно время.

Бедный Томми! У Марти болело за него сердце. Она чувствовала, что при любом раскладе мальчику придется нелегко. Если бы она знала, как уберечь его от беды! Марти надеялась, что Кларк уже закончил свои дела и едет домой: после тяжелого разговора она чувствовала себя неловко. К тому же ей очень хотелось рассказать обо всем мужу.

Глава семнадцатая. У Ванды

Марти возилась на кухне, стряпая любимое лакомство Кларка — пирожки с яблоками. Со двора прибежал запыхавшийся Клэр, подтащил к столу табурет, залез на него и некоторое время молча наблюдал за работой матери.

— Ты сердишься на папу? — спросил он, глядя на нее снизу вверх.

Марти прекратила раскатывать тесто и посмотрела на сына.

— С чего ты взял?

— Это его любимые пирожки, — объяснил Клэр. — Ты всегда готовишь папину любимую еду после того, как сердилась на него.

Он спрыгнул на пол и убежал, прежде чем Марти успела открыть рот. Он изложил свои соображения так спокойно и деловито, словно объяснял нечто само собой разумеющееся. Марти нахмурилась и отложила скалку.

«Неужели я и правда так поступаю? — спросила она себя. — А если и поступаю, неужели это так заметно?» На самом деле никакой размолвки с Кларком не было. Она хотела немного смягчить мужа, чтобы тот отпустил ее к Ванде. Кларк был не из тех, кто держит жену взаперти, но Марти со дня на день должна была родить, и он не захочет рисковать. Она знала, что он не одобрит ее намерение ехать в гости. «Наверняка пирожки сделают его более уступчивым», — так думала Марти, пока не вмешался смышленный Клэр. Если даже он видит ее насквозь, что уж говорить о Кларке!

Марти усмехнулась и поставила пирожки в печь. Пожалуй, мужчины слишком хорошо ее знают. Может быть, она действительно выбрала не лучшее время для поездки, но ей нужно было увидеться с Вандой.

Соседи давно поговаривали, что с ребенком Маршаллов неладно, и Марти тревожилась, не дошли ли эти разговоры до Кэма и Ванды. Марти знала, что не может ничего изменить, но она хотела понять, сознает ли сама Ванда, что ее маленький сын не такой, как все. Если Ванда до сих пор не поняла этого, расспросы соседей и досужие разговоры могут больно ранить ее.

Пирожки удались на славу, и Кларк ощутил их аромат еще во дворе.

— М-м-м... — простонал он. — Пирожки с яблоками. Просто слюнки текут!

Марти улыбнулась, однако она по-прежнему не знала, с чего начать. Нандри привела Арни, помогла ему умыться перед едой, и они уселись за стол вместе с остальными.

Ленч прошел весело, хотя есть пришлось на скорую руку: Кларк торопился закончить работу и не мог долго рассиживаться за столом. Марти понимала, что тянуть больше нельзя, и решила перейти к делу.

— Тебе сегодня нужна упряжка? — спросила она.

Кларк внимательно посмотрел на жену.

— Собираешься штурмовать вершины?

Марти слегка покраснела, но вместо того, чтобы остроумно обрезать мужа, прикусила язык и тихо сказала:

— Я хотела бы ненадолго съездить к Ванде.

— Все может начаться раньше, чем ты думаешь.

Марти отнеслась к его словам спокойно.

— Кларк, — сказала она с легким раздражением, — ведь мне это не впервой. Неужели я

не почувствую, что пришло время?

Однако Кларк не сдавался.

— «Внезапно... мука родами постигает имеющую во чреве...»⁴, — проговорил он с ударением на первом слове.

Марти не сомневалась, что сражение проиграно.

Кларк молча допил кофе и поднялся, чтобы идти.

— Вот что я тебе скажу. — Он остановился, надевая куртку. — Если уж тебе так хочется повидать Ванду, я отвезу тебя сам.

— А как же твоя работа?

— Подождет.

— Вообще-то это совсем не обязательно, — начала Марти. — Я прекрасно справлюсь без тебя. Честное слово, Кларк, не нужно...

— Либо я отвезу тебя сам, либо ты останешься дома — выбирай, — сказал Кларк беспрекословным тоном. Она поняла, что обсуждение закончено.

«Вот упрямец. Хуже Джедда Ларсона», — гневно подумала Марти, но промолчала.

— Ладно, — наконец сказала она, все еще сердясь. — Я буду очень признательна, если ты отвезешь меня к Ванде.

— Через пятнадцать минут я буду готов, — ответил Кларк и отправился запрягать лошадей.

Марти, гремя посудой, принялась убирать со стола.

— Опять будешь печь пирожки с яблоками, мам? — спросил Клэр.

Марти захотелось его шлепнуть.

— А ты, мой милый, — парировала она, — ступай во двор и принеси дров. Да побольше — чтобы дровяной ящик был полон. И пожалуйста, поживее.

Клэр ушел. Марти понимала, что не права. Мальчик всегда приносил дрова, и видит Бог, ему это не повредит, но срывать на сыне свое раздражение не стоило.

До дома Маршаллов Кларк и Марти ехали молча. Она сердилась на него, а он не пытался ее разговорить. Когда они прибыли, Кларк направился к скотному двору, где возился со сбруей Кэм, а Марти пошла в дом, к Ванде. На полу было расстелено одеяло, где лежал маленький Ретт.

Ванда рассказывала о сыне, и ее глаза сияли.

— Он уже научился сидеть, — сказала она Марти и подошла к малышу, чтобы показать, что он умеет.

«Но, Ванда, — хотелось возразить Марти, — ведь ему уже полтора года. Ему пора ходить, да что там ходить — бегать. Ему впору бегать за отцом и учиться говорить. А ты радуешься, что он научился сидеть».

Но, разумеется, Марти не произнесла вслух ничего подобного. Она лишь улыбалась, глядя на Ретта, который неуверенно покачивался, пытаясь с помощью матери усесться на полу. Ванда говорила о ребенке с восторгом. Вскоре к их беседе присоединились мужчины.

Не успели они сесть за стол, как Марти почувствовала боль. Первая схватка застала ее врасплох, и она замерла, стараясь дышать медленно и ровно. Вскоре Марти пришла в себя. Она надеялась, что никто не заметил случившегося. Однако спустя несколько минут ее снова пронзила боль, и она поймала на себе пристальный взгляд Кларка. Она поняла, что он все видел.

Кларк отказался от второй чашки кофе и сказал, что им пора домой.

Кэм, продолжая перевозносить своего мальчика, встал из-за стола, чтобы проводить гостей до повозки.

Прощаясь с Вандой, Марти храбро улыбалась и молила Бога, чтобы Кларк поторопился.

Вскоре они были дома. Кларк соскочил на землю и помог Марти спуститься. Домой они добрались куда быстрее, чем в гости.

— Ну как, справишься? — спросил Кларк во время очередной схватки, и Марти кивнула, стиснув побелевшие пальцы. — Я отправил Кэма за доктором.

Марти почувствовала, как ее захлестывает теплая волна благодарности. Недавний гнев на мужа, который беспокоился за нее, теперь показался ей мелочным и глупым.

В тот же день в пять двадцать пополудни в присутствии доктора на свет появилась маленькая девочка.

Мисси, Клэр и Арни с любопытством смотрели на крохотный сверток. Клэй и Нандри радовались прибавлению в семействе Дэвис не меньше младших.

— Мама, давай назовем ее Эльвирой, — предложила Мисси.

— Почему бы и нет?

— Здорово. Я читала рассказ о девочке по имени Эльвира в книжке, мне дал ее мистер Витл. По-моему, это красивое имя.

Впервые при появлении на свет ребенка Марти рядом не было матушки. Теперь всю заботу о доме взяла на себя Нандри. Марти не могла нарадоваться на то, как ловко и проворно девочка управлялась с хозяйством.

— Нандри, — сказала она как-то, укачивая малышку после кормления. — Ума не приложу, что бы мы без тебя делали.

Нандри еле заметно улыбнулась и занялась приготовлением ужина.

Глава восемнадцатая. Новый священник

Учитель Витл отнесся к своим новым обязанностям со всей серьезностью. Он составил подробную характеристику каждого из кандидатов на должность пастора, включающую происхождение, личные качества, склонности и образование, после чего бумаги представили на рассмотрение Кларка и Бена.

Из восьми человек, включенных в список, комитет отобрал троих. Мистера Витла как посредника уполномочили написать им. Он взялся за дело с величайшим усердием, подробно описав жизнь округа, душевный пыл поселенцев, энтузиазм, с которым те осваивают новые земли, и огромное религиозное рвение.

Наконец пришел ответ. Кандидат номер один благодарил за интерес к его персоне и сообщал, что данное предложение показалось ему заслуживающим внимания, но, помолвившись, он понял, что «Господь ждет от него другого». Бен высказал предположение, что жалованье показалось священнику недостаточным.

Затем откликнулся кандидат номер два. Он тоже писал, что с трудом устоял перед столь соблазнительным предложением, но через месяц он намерен вступить в брак, а его будущая жена — очень нежное и хрупкое создание, и он чувствует, что не вправе заставлять ее отправиться в столь дальнее и опасное путешествие.

— Похоже, этот больше всего на свете любит свое теплое кресло и домашние тапочки, — заметил Бен.

Последним пришел ответ от кандидата номер три. Он сообщил, что долго размышлял о полученном предложении и, возможно, в будущем вернется к нему еще раз, но нынешние обстоятельства не позволяют ему дать окончательный ответ.

— Ждет, что подвернется местечко получше, — пробормотал Бен и вычеркнул из списка еще одно имя.

Комитет вернулся к рассмотрению пяти кандидатов, отвергнутых первоначально. Бен и Кларк считали, что это не те люди, которые им нужны, однако учитель встал на их защиту.

— Возьмите его преподобие Натсона, — горячился он. — Он только что окончил семилетний курс обучения для священников. Из него получится прекрасный пастор.

Кларк и Бен никак не могли взять в толк, почему он так долго учился, но в конце концов позволили мистеру Витлу списаться с его преподобием Натсоном, а также его преподобием Томасом, имя которого тоже было в первом списке.

Через некоторое время его преподобие Натсон ответил письмом, в котором объявлял, что преисполнен желанием нести слово Божье людям с западных земель, погрязшим в грехе.

Чтобы подготовиться к появлению собственного священника и окончательно определиться с планами на будущее, было решено созвать жителей округа на собрание.

Собрание одобрило кандидатуру преподобного Натсона и определило его на постой к семейству Уотли, которое уже приютило мистера Витла. Комната для гостей, в которой обосновался мистер Витл, была очень просторной, и там запросто можно поставить еще одну кровать и стол. Мистер Витл был чрезвычайно доволен такой перспективой. Это позволит ему не только возобновить знакомство с его преподобием, но и поддерживать собственное духовное состояние на достойном уровне — благодаря беседам с таким же высокообразованным человеком, как он сам. Ему очень не хватало общения с мыслящими людьми. Кроме того, Тесси и ее близкие отнеслись к нему весьма благосклонно, и он

нуждался в человеке, с которым сможет обсудить новую волнующую сторону своей жизни.

Воскресные собрания станут проводиться в школе. Конечно, там будет тесновато, но на первое время придется довольствоваться тем, что есть.

Появление в округе собственного священника никого не оставило равнодушным. Наконец-то нашелся человек, который согласился взвалить на себя эти нелегкие обязанности. Его преподобие будет с ними постоянно — будь то рождение, смерть или свадьба, словом, любое событие, где не обойтись без священника, — а не только во время мимолетных визитов пару раз в год, как раньше.

Втайне учитель надеялся, что вскоре он предстанет перед пастором Натсоном со своей невестой, Тесси. На самом деле кое-какие вопросы были еще не решены, в частности — где он поселится, когда обзаведется женой. Едва ли она сможет переехать к нему, поскольку теперь в комнате, предоставленной ему семейством Уотли, будут жить два человека: сам учитель и священник. Однако мистер Витл не сомневался, что со временем все уладится.

Последние приготовления завершились, и теперь все думали о первом молитвенном собрании. Оно было назначено на пятнадцатое марта, и казалось, что нетерпение, с которым ожидали это событие, заставляет зимние месяцы идти быстрее.

Вскоре после появления на свет малышки Элли навесить Марти приехала матушка Грэхэм. Марти очень обрадовалась госте: она могла показать ей свою новорожденную дочь и поговорить по душам. Матушке Грэхэм всегда было что рассказать.

— Знаешь, Марти, — сияя, сообщила она соседке за чашкой кофе, — у меня вот-вот появится еще один зять.

Марти удивилась.

— Правда? — Радостное волнение матушки передалось и ей. — Нелли?

— Она самая.

— Я и не знала...

— Об этом мало кто знал. Мне и самой стало известно об этом совсем недавно. Нелли такая молчунья, а ее жених — удивляюсь, как он вообще сделал ей предложение, — по моему, он просто не открывает рот.

— Кто же он?

— Шем Викерс.

— Не может быть! — Марти засмеялась следом за матушкой.

— Ты представляешь! — Матушка покачала головой, словно все еще не верила в то, что случилось. — Я совсем не знала этого мальчика. Мы познакомились поближе совсем недавно — славный парнишка, хотя молчун, каких поискать.

Марти улыбнулась.

— Его можно понять. У него дома не разговоришься. Скорее отрастишь уши или, наоборот, оглохнешь.

Матушка понимающе кивнула.

— Да, миссис Викерс может переговорить любого.

— И когда свадьба?

— Теперь уж дождемся нового священника. Может быть, в апреле.

Марти улыбнулась.

— Здорово. Я так рада за них.

Матушка тоже была довольна.

— Нелли — чудесная девочка. Теперь только о том и думает, как заживет своим домом.

Я буду скучать по ней.

— Из нее выйдет отличная жена.

Марти подвинула к матушке печенье и осторожно спросила:

— Матушка, вы с Беном уже говорили про Томми?

Матушка кивнула, и ее улыбка померкла.

— Говорили. И с Томом говорили. Бен не слишком расстроился. Поначалу, правда, разволновался, а потом решил: чему быть, того не миновать. Господи, как же я хочу им добра — и Томми, и этой девочке! Как бы мне хотелось, чтобы все это оказалось просто дурным сном!

Марти покачала головой и опустила глаза.

— Я уверена, что все уладится. — Она старалась говорить как можно увереннее. — Томми — умный мальчик. Если что-то пойдет не так, он поймет это.

— Томми зашел слишком далеко, он уже не в состоянии что-либо понять, — возразила матушка. — Святая простота! Хочет привести ее к нам, чтобы мы могли познакомиться.

— Почему бы и нет? — выпалила Марти, не подумав, что матушка может обидеться.

— Не знаю, Марти, — задумчиво сказала матушка. — Если мы согласимся, это будет выглядеть так... В общем, словно мы готовы его благословить. И что делать с младшими — ведь они не умеют держать язык за зубами, начнут болтать в школе, а потом пойдут разговоры по всей округе. Так что мне эта идея совсем не по душе.

Марти было жаль матушку, терзаемую сомнениями, но она переживала и за Томми. Куда ни кинь, найти выход, который устроил бы всех, невозможно.

— Матушка, я бы хотела еще раз поговорить с Томом, — наконец решилась Марти. — Передайте ему, чтобы заглянул ко мне на досуге.

— Полагаю, это не повредит.

— Знаете что, — осенило Марти. — Я напишу ему записку и отправлю с вами. Можно?

Матушка удивленно приподняла брови, но согласилась.

— Я мигом, — сказала Марти, на ходу подливая матушке кофе. — Вы пока пейте кофе, а я сию минуту вернусь.

Она бросилась в спальню и отыскала карандаш и клочок бумаги.

«Дорогой Том, — написала она, — мне бы очень хотелось познакомиться с Оватикой. Если можешь, привези ее к нам в ближайшую среду. Всего хорошего, Марти».

Она сложила записку вчетверо и вернулась на кухню. Матушка молча сунула записку в карман, чтобы отдать сыну.

Глава девятнадцатая. Школа и гости

Полуденное солнце освещало неярким светом зимний снег. С утра дул пронизывающий ветер, и Марти беспокоилась, что Мисси и Клэй замерзнут, возвращаясь из школы.

Она с тревогой поглядывала в окно, не находя себе места от мысли, что девочки могут отморозить себе руки и ноги или, чего доброго, вообще не добраться до дома.

Когда на горизонте наконец-то показались две знакомые фигурки, Марти увидела, что девочки беспечно и весело болтают на ходу и совсем не торопятся.

Она встретила их в дверях.

— Неужели вы не замерзли?

Мисси удивленно посмотрела на мать.

— Конечно, замерзли. Такая холодина.

— Я ужасно волновалась.

— Почему?

— Потому что вы с Клэй идете домой при таком ветре.

— Мама, но ведь с нами ничего не случилось.

Мисси сбросила пальтишко но, заметив строгий взгляд матери, отправилась повесить его на место.

— Давайте-ка, — сказала Марти, — выпейте горячего молока. Немного согреетесь.

Девочки взяли по кружке молока и по куску пирога.

— В школе сегодня тоже холодно, — сказала Клэй.

Мисси озорно улыбнулась.

— Натан отдал Клэй свой свитер, чтобы она не замерзла.

Клэй вспыхнула.

— Ну и что? А в тебя влюбился Вилли.

— Ничего не влюбился, — пылко возразила Мисси. — Этого Вилли Ла Хэя я просто ненавижу.

— А ты ему нравишься.

— Он тоже меня ненавидит. Мы оба друг друга ненавидим, он и я, — заявила Мисси, однако слова «он и я» явно доставили ей удовольствие.

— Это еще что за разговоры: «ненавижу», «ненавидит»... — вмешалась Марти. Но девочки не отреагировали на ее слова, и она решила, что отложит воспитательную беседу до другого раза.

Клэй заговорила вновь, и, к неудовольствию Марти, разговор вернулся к прежней теме.

— Знаешь, — весело сообщила Клэй, — сегодня назвали лучших учеников в классе по арифметике и правописанию. Мистер Витл сказал, что самые хорошие оценки по этим предметам имеют двое — мальчик и девочка. Знаешь, кого он пригласил выйти к доске? — Марти заметила, что при этих словах Мисси сверкнула глазами в сторону Клэй, но та и бровью не повела. — Он попросил их выйти и встать перед классом и сказал, что остальные должны им поаплодировать. Угадай, кто это был? Мисси и Вилли!

Она захлопала в ладоши и повторила:

— Мисси и Вилли!

— Я очень рада, что Мисси так хорошо учится, — перебила девочку Марти, надеясь сменить тему.

— Мисси и Вилли! — не унималась Клэй. — Спорим, когда ты вырастешь, вы поженитесь.

— Ничего подобного! — Мисси резко вскочила, расплескав остатки молока. — Я выйду замуж за Томми, Клэй Ларсон!

В слезах Мисси дернула Клэй за волосы и бросилась к себе в комнату.

Клэй разрыдалась от обиды и гнева. Марти пыталась успокоить ее, одновременно выговаривая за то, что та задирает Мисси. Она напомнила Клэй, что как старшая она должна быть умнее, хотя признала, что Мисси была не права, схватив ее за волосы. Марти вытерла разлитое молоко и отправилась поговорить с дочкой.

Ей было нелегко переубедить Мисси, та считала, что Клэй заслужила наказание: нечего дразниться. Марти твердо сказала, что такие поступки недопустимы. Труднее всего было объяснить девочке, что Томми — взрослый мужчина, и у него свои планы на жизнь. Это никак не укладывалось в голове у Мисси.

— Томми всегда был моим лучшим другом, — сказала она дрожащим голосом.

— Знаю, — ответила Марти. — Но когда лучшие друзья становятся взрослыми, они не всегда женятся. — Особенно если один из них — взрослый мужчина, а другая — маленькая девочка.

— Раз я не могу выйти замуж за Томми, — заявила Мисси, — я вообще не выйду замуж.

Марти погладила ее по голове и сказала, что это не такая уж плохая мысль, но если Мисси передумает, то она тоже не станет возражать.

В конце концов Мисси вытерла слезы и по настоянию матери подошла к Клэй и извинилась. Через несколько минут девочки вновь болтали как ни в чем не бывало.

В среду в дверь Марти постучал Том. Она пригласила его войти, но вместо того, чтобы принять приглашение, Том попросил:

— Давай прогуляемся к роднику. Нам хотелось бы поговорить с тобой наедине.

Кларка не было дома, Элли крепко спала, а Нандри занималась с Арни и Клэрром. Марти оделась потеплее и вслед за Томом вышла во двор. На улице было свежо, но безветренно.

Марти с Томом молча шли по тропинке к роднику. Марти не знала, чего ожидать. Что представляет собой девушка, которая ждет ее у воды?

У родника спиной к ним стояла стройная женщина в одежде из оленьих шкур. Через одно плечо была перекинута черная блестящая коса. Услышав шаги, она обернулась.

«Настоящая красавица», — мелькнуло в голове у Марти, когда она увидела нежное лицо с огромными темными глазами. Губы девушки были слегка приоткрыты, она стояла не шевелясь и смотрела на Марти таким же испытующим взглядом, каким Марти смотрела на нее.

— Оватика, — тихо произнесла Марти. Ей было совсем не трудно улыбнуться и протянуть руку. — Рада познакомиться.

— Я тоже, — медленно ответила индианка. — Рада видеть тебя... Марти. Том много о тебе рассказывал.

— Ты так хорошо говоришь по-английски, — удивилась Марти.

— Пока была жива мама, я ходила в миссионерскую школу, — объяснила девушка ровным голосом.

— А твой отец?

— Он умер. У меня остался только дедушка. Он не хочет, чтобы я ходила в миссионерскую школу.

— Понятно.

Томми встал рядом с Оватикой. Его лицо светилось любовью. Знакомство состоялось, и, по-видимому, он чувствовал некоторое облегчение.

— Томми знаком с твоим дедушкой?

— О, нет, — поспешно ответила она. — Ему не стоит этого делать.

— Мне бы так хотелось с ним познакомиться, — вмешался Том. — Я бы рассказал ему...

— Он не знает языка белых и не станет разговаривать с белым, — перебила его Оватика.

— Но тогда, — сказал Том, — я просто пожал бы ему руку и улыбнулся. А ты перевела бы...

— Нет. — Оватика решительно покачала головой. — Ты не должен этого делать. Мой дед не захочет тебя видеть.

— Но ведь Марти согласилась встретиться с тобой. Она белая и...

Темные глаза Оватики сверкнули.

— Сыновья и внуки этой белой леди не погибали от стрел индейцев. А дети моего деда погибли от пуль белого человека.

Марти сделала шаг вперед и коснулась руки девушки.

— Мы всё понимаем, — сказала она мягко. — Думаю, Том не будет настаивать, во всяком случае, пока. Но сколько можно скрывать свою любовь? Ты же не можешь не рассказать об этом родному деду.

— Дедушка очень стар, — тихо сказала она. — Стар и болен. Скоро он отправится к праотцам — и тогда он ничего не узнает. Ему не нужно об этом знать.

— Понимаю, — сказала Марти. Она долго подбирала слова, пока у нее не вырвалось: — А ты, Оватика, хочешь выйти замуж за Томми?

— Да. — Оватика посмотрела на стоящего рядом юношу, и ее темные глаза засияли. Томми обнял ее за талию.

«Они действительно любят друг друга», — подумала Марти.

Она почувствовала комок в горле и немного отступила назад. Марти отошла на несколько шагов, потом вернулась. Перед ней были два человека: две разных культуры, два разных воспитания, две веры, два цвета кожи... Сердце Марти обливалось кровью. Почему это случилось? Почему они выбрали для себя такой трудный путь? Чем им помочь?

В конце концов она услышала собственный голос:

— Оватика, я понимаю, почему вы с Томми любите друг друга. Ты чудесная, чуткая девушка; думаю, ты видишь, как я отношусь к Томми... — Она опустила глаза. — Мне хочется верить, что если вы поженитесь, то... жизнь не будет к вам слишком жестока. Больше я ничего не могу сказать.

Марти снова заглянула в глаза девушки.

— Я хочу, чтобы ты знала одно. Я — твой друг, и ты можешь на меня положиться.

— Спасибо, — прошептала Оватика. — Марти порывисто обняла ее, переглянулась с Томми, повернулась и пошла к дому.

По щекам у нее текли слезы. Ее разум и ее сердце не могли примириться. Она всей душой переживала за Томми, а теперь и за Оватику.

Но как быть с матушкой Грэхэм, с ее непоколебимой верой и огромным жизненным опытом? Может ли Марти быть для нее советчиком и утешителем? Вправе ли она

вмешиваться? Однако, добравшись до дома, она приняла решение. Марти не станет переубеждать матушку, говоря, что этот брак должен состояться, но она постарается объяснить ей, что Томми не изменит своих намерений, как бы его ни пытались отговорить.

Глава двадцатая. Всякая всячина

Вернувшись из города в субботу, Кларк привез печальную новость: миссис Макдональд тяжело заболела. С ней случился удар: половина тела была парализована, она не могла говорить и оказалась прикована к постели. Доктор сказал, что надежда на выздоровление ничтожна.

Миссис Нетлс и вдова Грэй по очереди помогали мистеру Макдональду круглосуточно дежурить у постели больной. Лавку выставили на продажу.

Грустные новости очень расстроили Марти. Она никогда не любила миссис Макдональд, но известие о ее болезни вызвало у нее чувство вины и угрызения совести.

«Может быть, — упрекала она себя, — если бы я как следует постаралась, то за любопытным взглядом и невоздержанным языком обнаружила бы способную к любви и состраданию душу».

«Господи, — молилась она, — прости меня. Я была не права. Помоги мне впредь видеть в людях только хорошее. Покажи мне его, даже если оно скрыто на самом дне души. И помоги мне любить таких людей».

Она передала мистеру Макдональду свои соболезнования, а вместе с ними послала пирог и кусок жареного мяса. Это было все, что она могла сделать. Марти понимала, что прошлого не изменишь.

Приготовления к свадьбе Нелли шли своим чередом. Шем Викерс обнаружил, что у него есть язык, и разговорился как никогда раньше. Судя по всему, особое удовольствие доставляла ему возможность сообщать всем и каждому о том, что скоро он станет мужем.

Мистер Вилбур Витл тоже продолжал ухаживать за Тесси Ла Хэй, но уже оставил надежду первым по прибытии священника повести невесту к алтарю. Он все еще не решил проблему жилья и не спешил задавать своей избраннице судьбоносный вопрос. Тесси не понимала, что мешает ему это сделать, и проявляла некоторое беспокойство.

Наконец мистер Витл осмелился обратиться к комитету, который выполнял функции школьного попечительского совета, и попросил посодействовать ему в строительстве жилья на территории школы. Свою просьбу он сопроводил перечнем аргументов, указывающих на целесообразность такого шага.

Зимой он сможет поддерживать огонь в печи.

Он будет помогать отстающим ученикам после уроков.

Он перестанет тратить время на дорогу, а при необходимости составит дополнительный список резонных оснований для удовлетворения своей просьбы.

Нельзя сказать, что приведенные им доводы сразили комитет наповал, и все же его члены подумали, что построить для учителя жилье — неплохая мысль, и проголосовали за то, чтобы к следующей зиме заготовить лес, а к весне соорудить небольшой домик.

В целом такое решение удовлетворило мистера Витла, хотя он и рассчитывал, что работа начнется несколько раньше. Пока же этого не случилось, он считал не слишком благоразумным обнаруживать серьезные намерения в отношении мисс Тесси Ла Хэй.

Тесси, в свою очередь, не теряла надежды, однако она не уставала сетовать, обрушивая накопившиеся переживания на свою бедную мать.

В ветреный весенний день, потеплее закутав маленькую Элли, Марти отправилась к Грэхэмам. Она чувствовала, что пришло время поговорить с матушкой.

Когда Мисси и Клэй были в школе, Нандри присматривала за Клэром и Арни. «Ей нужно чаще выбираться из дома, — думала Марти. — Иначе она превратится в настоящую затворницу». Однако, судя по всему, общество малышей вполне устраивало замкнутую девушку.

У Грэхэмов стояла непривычная тишина. Младшие дети ушли в школу, а Том занимался строительством сарая во дворе — дома были только матушка и Нелли. Матушка отложила в сторону полотенце, которое вышивала, и поспешила принять из рук Марти крохотный сверток. Она немедленно развернула одеяльце, восторженно восклицая при виде хорошенького личика и «белой, как сливки», младенческой кожи.

Налюбовавшись малышкой, матушка сказала:

— Знаешь, Салли Энн снова в положении — к осени ждем прибавления. Джейсон надеется, что на этот раз будет мальчик, хотя Элизабет Энн он не променял бы на целую армию мальчишек.

Услышав хорошие вести, Марти заулыбалась.

— Как справляется Салли Энн? — спросила она.

— Отлично. Конечно, дел у нее по горло — и муж, и дочурка.

После матушки маленькая Элли оказалась на руках у Нелли. Покачав малышку, девушка уложила ее в колыбельку, предназначенную для самых юных гостей — в первую очередь, для Элизабет Энн, — и отправилась варить кофе.

Марти охала и ахала, разглядывая приданое Нелли, — здесь было все, что нужно для ведения хозяйства в новом доме. Матушка собиралась сшить для нее еще одно лоскутное одеяло. Марти с улыбкой поинтересовалась, кто волнуется перед предстоящей свадьбой больше: Нелли или ее мать. В ответ обе рассмеялись.

Вскоре кофе был готов, женщины достали рукоделье и уселись поболтать.

Они поговорили о событиях, которые произошли в округе, выразили сожаление по поводу случившегося с миссис Макдональд и во всех подробностях обсудили предстоящую свадьбу.

Когда в разговоре наступила пауза, Марти заговорила о том, ради чего приехала.

— На прошлой неделе ко мне заезжал Томми — как я его просила.

Матушка кивнула.

— Да, он говорил, что был у вас.

— Он сказал, что был не один?

— Даже словом не обмолвился — Матушка прекратила работу и внимательно посмотрела на Марти.

— Он приехал... он был вместе с Оватикой.

Матушка сидела не шевелясь, игла Нелли тоже застыла в воздухе.

— Он сделал это по моей просьбе, — поспешно добавила Марти. — Я решила, что кто-то должен познакомиться с ней и посмотреть на нее. Я подумала, что появляться в вашем доме ей будет неловко, поэтому позвала ее к себе.

Глаза матушки молили Марти продолжать: ей так хотелось узнать побольше о той, которая пленила сердце ее сына.

Нелли опередила мать:

— И что она собой представляет?

— Она очень красивая. И... она чудесная девушка. Неудивительно, что Томми влюбился. Гибкая и стройная, как ива. У нее смуглая кожа, большие темные глаза и длинные

черные косы. Она образованна и очень хорошо говорит по-английски. Еще она воспитанная, учтивая и...

— Боже милосердный! — прошептала матушка, откладывая в сторону рукоделие и качая головой. — Что же нам делать?!

Некоторое время все трое сидели молча.

Наконец Марти мягко сказала:

— Ей тоже нелегко. Она любит Томми, это сразу видно. Но, мне кажется... мне кажется, Том — единственный белый человек, которого она любит и которому доверяет. Ее дед, он... он ненавидит белых и, похоже, не без оснований. После того как Оватика лишилась родителей, он забрал ее из миссионерской школы. Думаю, она согласилась встретиться со мной ради Томми, но в ее глазах я прочла недоверие...

Марти перевела дыхание и добавила:

— И все же... все же она сделала это... ради Томми. И может быть, в свое время... я не знаю.

Не поднимая головы, матушка закрыла лицо руками.

— Если бы я знала, что делать... Если бы я только знала, — пробормотала она.

— Не понимаю, в чем проблема, — быстро сказала Нелли. — Если они любят друг друга — пусть поженятся.

Матушка подняла глаза.

— Ты еще молода, Нел. — В ее голосе звучала горечь. — Ничего не видишь, кроме любви. Поживи с мое, и поймешь, что такую семью ждут страдания и боль... Их не примут ни здесь, ни там.

В колыбельке завозилась Элли, и Марти встала, чтобы взять малышку на руки. «Стоило ли говорить все это? — размышляла она. — Стоит ли и дальше защищать Томми и его возлюбленную?» Пока ей не дано знать, правильно ли она поступила. Марти рассказала, какой она увидела юную индианку, рассказала о ее силе, любви и сомнениях. Теперь пусть решает матушка — и да поможет ей Бог!

«Господи, я прошу Тебя об этом уже много дней, — молилась она про себя, прижимая к груди маленькую Элли. — Прошу Тебя, открой Твой путь всем нам — матушке, Бену, Тому, Оватике. И благослови ее старого деда, Господи. Дай ему увидеть Тебя, пока он жив...»

Глава двадцать первая. Его преподобие Натсон

Бен запряг лошадей и отправился на железнодорожную станцию в соседний город встречать священника. После долгого путешествия его преподобие Натсон планировал провести пару дней в маленькой гостинице, а затем перебраться в дом Уотли, где пастор и будет жить.

От волнения Белла Уотли не находила себе места. Подумать только! Она удостоилась чести приютить у себя не только школьного учителя, но и нового священника! Однако она была не из тех, кто надрывается от непосильной работы. Хотя миссис Уотли без умолку говорила о скором прибытии пастора, готовиться к нему она поручила дочерям.

Из города до поселенцев быстро долетел слух о том, что у них действительно появится «свой человек». Поначалу его преподобие, как и собирався, остановился в гостинице. В пятницу за пастором должны были приехать Уотли, чтобы отвезти его на место постоянного проживания — к себе на ферму. У него будет день, чтобы устроиться на новом месте и подготовиться к первой встрече с прихожанами.

Поселенцы с радостным волнением ждали воскресенья, упряжки и повозки тянулись к школьному двору с раннего утра. Приехали даже те, кто не отличался особым религиозным рвением, и хотя Зика Ла Хэя среди них не было, его жена и дети все же приняли участие во встрече с новым священником. Было ясно, что в помещении всем места не хватит, но денек, к счастью, выдался погожий, и во дворе на скорую руку соорудили несколько скамей.

Марти приготовилась увидеть еще одного щуплого человечка вроде учителя, рассудив, что «видимо, уж таковы они, люди с Востока». Однако внешность его преподобия Натсона оказалась для собравшихся полной неожиданностью. Молодой священник был мало того, что высокого роста, — это бы еще полбеды. Больше всего он поражал своими объемами. Пальто сидело на нем так плотно, что спереди не сходилось на необъятной талии; пуговицы трещали. Массивное туловище было увенчано круглой щекастой головой, этаким уменьшенной копией живота.

При виде этого пухлого лица казалось, что перед вами отчаянный весельчак, однако в уголках рта и глаз не было и следа морщинок, которые обычно появляются у тех, кто часто улыбается. Видимо, его преподобие Натсон был совсем не таков.

«Может быть, он еще не успел отдохнуть, — подумала Марти. — Наверное, к следующему воскресенью он придет в себя».

Священник говорил и пел рокочущим басом, и, несмотря на то, что не все гимны были знакомы прихожанам, пение удалось на славу. Его молитва тоже показалась Марти исполненной глубокого смысла. Она почувствовала, что его преподобие находится в весьма близких отношениях с Господом. Во время общей молитвы под руководством пастора Марти почувствовала, как ее душа воспарила.

Однако проповедь привела Марти в некоторое замешательство. Хотя у нового священника была великолепная дикция и красивый голос, многие его слова и мысли остались для Марти непонятными. Временами ей казалось, что она смутно догадывается, о чем идет речь, но тут же терялась вновь. Она досадовала на собственное невежество и решила, что по дороге домой обсудит проповедь с Кларком.

Выходя из здания школы, каждый ненадолго останавливался, чтобы представиться его преподобию и перекинуться с ним парой слов. Марти слышала, как многие из них

одобрительно говорили: «Замечательная проповедь, пастор», что утвердило ее в мысли о собственной бестолковости.

По пути домой она поделилась своими сомнениями с Кларком:

— По-моему, его преподобие — отличный священник.

— Да вроде так.

— У него такой красивый голос, даже во дворе его было слышно.

— Да уж.

— И он так красиво поет...

— Да, петь он умеет.

— Кларк, о чем он говорил?

Кларк от души расхохотался.

— Провалиться мне на этом месте, если я хоть что-нибудь понял, — наконец сказал он, вытирая слезы.

— Ты тоже не понял?

— Ни бельмеса. Сомневаюсь, что его поняла хоть одна живая душа.

— Я-то думала, одна я такая бестолковая, — растерянно призналась Марти, и Кларк снова засмеялся.

— Знаешь, — сказал он, немного успокоившись, — вроде бы наш священник изъяснялся насчет того, что человек — это особое создание и предназначение у него особое, но вот что за предназначение — я так и не взял в толк. «Выполнить свое высокое предназначение» — это он твердил беспрестанно. Но что именно он имел в виду, я не понял.

Марти молчала.

— Может быть, он объяснит это в следующее воскресенье, — предположила она. Марти тут же решила, что будет молиться за его преподобие: пусть он найдет общий язык с жителями округа и поймет их нужды. Ей так хотелось, чтобы ее дети — как и все остальные дети — теперь, когда у них есть собственный пастор, получали духовную пищу и воспитание.

Убирая со стола после ужина, Марти услышала во дворе топот копыт. Она выглянула в окно и увидела Томми. Он быстро спрыгнул с лошади, и прежде чем юноша вошел в дом, Марти успела заметить, что на нем буквально лица нет. Она поспешила к дверям.

Том был очень бледен, его губы дрожали.

— Можно войти? — спросил он, тяжело дыша.

— Ну конечно, Томми, — сказала она. — Что стряслось?

— Я уезжаю.

— Уезжаешь? Куда?

— Я еду на запад.

— Почему? Что случилось?

— Сегодня утром я получил записку от Оватики. Мы должны были встретиться как обычно, но она не пришла. Я ждал, но ее все не было. Тогда я начал волноваться и решил, что должен отыскать ее во что бы то ни стало — пусть даже ее дед узнает обо мне. В результате я нашел кучку камней, а под ней — вот это письмо.

Он протянул клочок бумаги. Марти развернула его дрожащими руками и прочла:

«Дорогой Томми, дедушка узнал про тебя. Он хочет, чтобы мы вернулись в резервацию. Пожалуйста, не ищи меня, это опасно. Он обещал меня в жены Быстрому Оленю.

Оватика».

— О, Томми! — прошептала Марти. — Мне так жаль! Теперь она поняла, почему Том в таком смятении.

Том отвернулся, и Марти догадалась, что он пытается справиться с собой.

— Но зачем... зачем уезжать? — спросила она в недоумении.

— Я не могу оставаться здесь, — горько сказал Том. — Это то, чего так хотела мама. Теперь-то она будет довольна.

Марти прикоснулась к его руке и почувствовала, что он дрожит от гнева и горя.

— Томми, никакая мать не будет довольна, если ее дети в беде. Неужели ты этого не понимаешь? Я знаю, магушка волновалась за вас с Оватикой. Ей казалось, что это неправильно. Но она никогда не станет радоваться твоему горю, Томми. Ей будет так же тяжело, как тебе, поверь мне.

Томми провел по лицу тыльной стороной ладони и отвернулся.

— И все же я уезжаю, — хрипло произнес он. — Не могу оставаться здесь — это выше моих сил. Мама будет допытываться, что со мной происходит, потом начнет подыскивать мне другую невесту...

— Я тебя понимаю, — мягко сказал Марти.

— Я оставил им записку. Короткую. Объясни им, Марти, ладно? Может быть, они поймут, почему мне пришлось уехать.

Комок в горле мешал Марти говорить, и она молча кивнула.

— Будь осторожен, Томми, слышишь, — прошептала она. — Пиши мне, ладно?

Он кивнул и, не сказав ни слова, повернулся и вышел. Марти стояла в дверях, глядя ему вслед, по ее щекам бежали слезы.

Глава двадцать вторая. Жизнь продолжается

Мисси тяжело переживала отъезд Томми. Его друзьям и близким разлука тоже давалась нелегко, но девочка была просто в отчаянии. Она отказывалась понять, почему Томми решил бросить их всех, и главное — ее. Марти пыталась объяснить, что случилось, но все ее старания были тщетны.

Матушка, занимаясь приготовлениями к свадьбе дочери, скрывала свою печаль. По тому, как она хлопочет и старается предусмотреть каждую мелочь, Марти чувствовала, что за улыбкой матушка, деловито отдававшая распоряжения, прячет боль за убитого горем сына.

Март подошел к концу, наступил апрель, и все вокруг пошло в рост, обещая новую жизнь и новые надежды. Нелли — с пылающими щеками и светящимся от счастья лицом — была поглощена последними приготовлениями.

— Мам, а те, кто женится, всегда улыбаются? — спросил Клэр после воскресной службы, во время которой он в основном вертел головой, озираясь по сторонам, вместо того чтобы слушать его преподобие.

Марти засмеялась.

— Обычно да, — ответила она сыну.

Клэр пожал плечами, но от дальнейших расспросов почему-то воздержался.

Его преподобие Натсон успел прочитать своим прихожанам уже пять проповедей, и Марти давно оставила попытки понять, о чем он говорит. Похоже, остальные тоже больше не надеялись постичь смысл сказанного, а несколько семей отчаялись настолько, что перестали посещать службу. Однако по воскресеньям здание школы по-прежнему было переполнено, хотя благоговения у прихожан явно поубавилось.

Ах, если бы его преподобие был чуть менее образован и говорил попроще! Марти жаждала духовной пищи — вроде той, что давало ей чтение Библии за семейным столом, — но каждое воскресенье возвращалась домой растерянная и смущенная. Она не сомневалась, что за цветистыми фразами проповеди скрывается истина, но ей так хотелось, чтобы эта истина оказалась простой и понятной, чтобы ее можно было забрать с собой и применять в повседневной жизни.

Однажды Дэвисы пригласили его преподобие Натсона на воскресный обед. Марти никогда не видела человека, который мог бы уничтожить в один присест такое количество жареных цыплят и пюре из овощей. Разумеется, она ничего не сказала, подавая на стол одно блюдо за другим. А когда увидела, что Кларк смотрит на его преподобие, вытаращив от изумления глаза, она с трудом подавила смешок и поспешно отвлекла внимание мужа от гостя — как бы хозяин не забылся и не сделал какого-нибудь неуместного замечания.

Марти и Кларк много говорили и думали о том, как относиться к пастору и его поведению. В конце концов они решили, что нужно принимать Натсона таким, как есть, и быть благодарными ему за то, что он делает. Он проделал нелегкий путь, чтобы помочь им, а значит, им остается только открыть свои сердца Слову Божьему и довериться Господу.

Осенью начались занятия в школе, и вместе с девочками туда впервые отправился маленький Клэр, преисполненный важности и чувства собственного достоинства. Беспокоило мальчика лишь одно: как отец будет без него управляться с хозяйством. Кларк сказал сыну, что Арни уже большой и сможет его заменить, и Клэр не без колебаний согласился.

О школе Клэр говорил без умолку, с удовольствием рассказывая о проказах озорных учеников и смешных случаях на уроках. Мисси порой называла брата сплетником, но это ничуть не умаляло его желанья повеселить домашних забавной историей.

Однажды Марти сидела дома и вязала варежки к зиме. Нандри ушла на дальний выгон за брусникой. Арни «помогал» отцу, Клэй, Мисси и Клэр были в школе, а малютка Элли мирно спала.

Марти думала о Ванде. Уже все соседи знали, что маленький Ретт отстаёт в развитии, но Ванда и Кэм, казалось, не желали замечать этого. Когда Марти вспоминала о мальчике, у нее ныло сердце. Ретт наконец-то начал ходить, но все еще не пытался говорить, и было видно, что он никогда не станет таким, как другие дети.

Несмотря ни на что, Кэм продолжал хвастаться сыном перед соседями.

«Видите, какой он большой и сильный?» — спрашивал Кэм всех и каждого. «Что он будет делать, когда в конце концов посмотрит правде в глаза?» — беспокоилась Марти.

Шум во дворе прервал ее печальные размышления. К удивлению Марти, это была именно Ванда. Она привезла с собой Ретта. Сияющий от восторга мальчик сидел рядом с матерью — он держался за вожжи, которые не выпускала из рук Ванда.

Она привязала лошадей и помогла сыну спуститься на землю. Ретт принялся бродить по двору и, увидев Ол Боба, радостно заулыбался. Мальчик и собака быстро нашли общий язык.

Ванда взяла сына за руку и повела его к дому. Он не сопротивлялся, однако подчинился явно без энтузиазма.

— Марти, мне нужно с тобой поговорить, — сказала Ванда без лишних слов. Марти заметила, что ее губы дрожат. — Я знаю, люди в округе говорят, что Ретт не такой, как все, — продолжала она прерывающимся голосом. — Я все знаю. Они думают, что мы с Кэмом ничего не понимаем! Нет, Марти, мы все видим. Я догадалась об этом давным-давно, еще тогда, когда Ретт был совсем крохой. Я надеялась, что ошибаюсь, и молилась, чтобы все обошлось... но я знала уже тогда. Какое-то время я волновалась, переживала за Кэма... Я не представляла, что с ним будет, когда он узнает правду. Но однажды... однажды он сказал мне... Он тоже все понимает!

Ванда остановилась и прижала руку к губам. Потом вздохнула и заговорила вновь:

— Марти, ты когда-нибудь видела, чтобы мужчина плакал? Плакал по-настоящему... Это страшно, очень страшно. — Ванда вытерла слезы, ее голос стал тверже. — Мне так хотелось с кем-нибудь поделиться... с тем, кто может меня понять! Сначала мне было тяжело... очень тяжело. Но, знаешь, Марти, я ни о чем не жалею. Он доставляет нам такую радость! Понимаешь, — она посмотрела на Марти глазами, полными слез, — я столько раз просила Бога послать мне ребенка! И Он... Он выполнил мою просьбу! Он дал мне мальчика, который... который всегда будет ребенком. Разве я могу винить Господа в том, что Он ответил на мою молитву? Ведь мой мальчик, мой Ретт, он всегда будет со мной. Едва ли он сможет пойти в школу... Я получила ребенка, который всегда будет со мной.

— О, Ванда! — Марти обвила шею подруги руками, и они заплакали вместе. Когда слезы немного облегчили их душу, они заговорили о других вещах.

Довольный Ретт играл в кубики, взяв их по кухонному полу. Поставить один кубик на другой у него не получалось.

Глава двадцать третья. Церковь и семья

К следующей весне рядом со школой был построен небольшой домик, в который мистер Вилбур Витл вселился уже вместе с женой. Все давно поняли, почему он так настаивал на том, чтобы ему дали собственный дом. Как только попечительский совет принял решение о строительстве, учитель немедленно попросил руки мисс Тесси. Поселенцы отнеслись к этому с одобрением, и когда дом был готов, его преподобие Натсон незамедлительно объявил мистера Витла и мисс Тесси мужем и женой.

Тем временем в округе росло недовольство воскресными службами. Однако вместо того чтобы пенять на «ученого человека» и его невразумительные проповеди, люди считали, что всему виной не подходящее для богослужений место. Действительно, здание школы не могло вместить всех желающих, сидячих мест не хватало, к тому же было непонятно, что делать с маленькими детьми, которые капризничали и мешали службе. Люди были убеждены, что именно это плохо влияет на молитвенные собрания, и разговоры о том, что нужно что-то делать, не утихали.

Поселенцы решили собраться и обсудить положение после окончания сева, пока не началась заготовка сена. Состоялась горячая дискуссия, в ходе которой выяснилось, что община остро нуждается в собственной церкви. Долго спорили о том, где ей находиться. Некоторые великодушно предлагали место на своей земле, но в конечном счете все решили, что самое лучше — поставить церковь на окраине фермы Уотли. Осенью группа добровольцев должна была разметить и огородить участок под строительство. Еще несколько человек взяли на себя заготовку леса. Зимой они будут валить деревья в горах, чтобы к весне запасти бревна для будущей церкви. Наблюдать за этой работой станет Кларк — ему поручили подсчитывать лес.

В церкви поставят скамьи, на которых удобно будет сидеть взрослым мужчинам, и по воскресеньям им больше не придется втискиваться за парты для малышей. Там, наконец, можно соорудить алтарь, чтобы молитва шла как положено и Слово Божье произносилось со специально предназначенной для этого кафедры.

Обсуждая эти планы, люди преисполнились величайшего воодушевления и по домам расходились в приподнятом настроении. Наконец-то они пришли к чему-то определенному. Богослужение, которое будет проводиться в подходящем месте, без сомнения, сможет лучше удовлетворить их духовные нужды. Церковь будет гораздо просторнее школы. В ней выделят отдельное помещение для воскресных занятий с детьми и комнату, куда в случае чего уйдут матери с хныкающими малышами — чтобы те не мешали остальным.

Его преподобие не возражал против планов прихожан, хотя и не проявлял особого энтузиазма. Он тут же напомнил собравшимся, что подготовка к воскресной службе занимает очень много времени. Было ясно, что он готов поддержать идею строительства церкви, если ему не придется участвовать в этой работе лично. Перспектива заготовки бревен его явно не вдохновляла.

На том и порешили. После того как был убран урожай и завершены осенние работы, мужчины отправились на поросшие лесом горные склоны. Сначала им предстояло пополнить запасы дров, а потом заняться заготовкой бревен для новой церкви.

Всю зиму в любой погожий день из леса слышался стук топоров и треск падающих деревьев. Штабеля на размеченной площадке постепенно росли, и Кларк, который вел учет

заготовленного леса и следил за очисткой бревен, говорил Марти, что дело продвигается.

К началу первых оттепелей на месте будущей церкви возвышались штабеля чистых ровных бревен, подсыхающих на весеннем солнышке. В мае было выбран день для начала строительства. Мужчины понимали, что им не удастся сделать всю работу в один присест — ведь такое большое здание поселенцы строили впервые. В первый день они успеют лишь наметить контуры будущей церкви, и, чтобы завершить ее, потребуется какое-то время.

В назначенный день к месту строительства съехались повозки со всей округи. Мужчины быстро разбились на бригады, распределили работу и взялись за дело. Женщины беседовали, стряпая еду и отгоняя от нее голодных ребятишек, которые не могли дождаться обеда. К вечеру фермеры разъехались по домам, где их ждал скот и дела по хозяйству, а на строительной площадке теперь высились прочные и высокие стены будущей церкви. Было решено, что те, кому удастся выкроить время, приедут поработать на следующий день. Предстояло соорудить крышу, вставить окна и повесить дверь. Внутренней отделкой помещений можно будет заняться позднее, когда появится время.

К осени на окраине участка семейства Уотли возвышалась новая церковь, которую венчал устремленный в небеса шпиль.

— Теперь нам не хватает только колокола, — заметил кто-то из тех, кто помнил традиции на Востоке.

Неподалеку от церкви было выделено место под кладбище. Наблюдая, как мужчины составляют его план, Марти задумалась, кому суждено лечь в эту землю первым.

Она попыталась отбросить мрачную мысль, но вновь поймала себя на том, что перебирает в уме соседей. Марти любила их и не хотела терять никого из друзей. Она вспомнила своих близких и невольно содрогнулась.

«Это глупо, — остановила она себя. — Наша жизнь в Божьих руках. Выбор за Ним».

Она направилась к Кларку, который пытался удержать маленькую Элли. Малышка вырывалась из рук отца — ей не терпелось присоединиться к компании ребятишек. «Да, Господи, — молилась про себя Марти, наблюдая за дочкой, которая наконец высвободилась и устремилась к мячику, — все в Твоей власти. Наше дело быть мудрыми и осторожными, но последнее слово за Тобой».

Освящение новой церкви должно было состояться в первое воскресенье октября. Было решено отметить это событие праздничным обедом.

Когда знаменательный день наконец настал, небо оказалось затянуто тучами, дул резкий ветер. Это несколько омрачило праздник, но Марти радовалось, что по крайней мере нет дождя.

Она заботливо уложила приготовленную еду и удостоверилась, что дети тепло одеты. Арни, как обычно, не хватало терпения дождаться, когда ему застегнут все пуговицы и завяжут шапку.

— Мне не холодно, — заявил он, усаживаясь в повозку.

Во дворе церкви нетерпеливо гудела огромная толпа. Наконец-то у поселенцев появилась собственная церковь!

Прихожане радостно затянули знакомый гимн. С момента появления его преподобия они успели разучить и несколько новых песен.

Молитва была длинной и чрезмерно замысловатой. Марти поймала себя на том, что про себя она произносит куда более простые слова, идущие от сердца.

Потом началась церемония освящения нового здания, в которой участвовали Кларк, Бен

и мистер Уотли. Это было так прекрасно, что от волнения у Марти затрепетало сердце.

Она с гордостью смотрела на Кларка, словно говоря детям, сидящим по обе стороны от нее на церковной скамье: «Посмотрите на своего отца! Посмотрите, как прямо он держится, как тверд его голос, с каким достоинством он обращается к Господу. Посмотрите же на него». Ее чувства передались детям, и даже маленькая Элли сидела на коленях у матери тихо, не сводя серьезных глаз с лица Кларка.

«Господи, пусть это будет особенный день! Насыть нас духовной пищей», — взмолилась Марти, когда началась проповедь. Но очень скоро она с огорчением поняла, что его преподобие пошел привычным путем. Она откинулась на спинку скамьи, стараясь сосредоточиться на поучениях пастора, которые звучали, как всегда, туманно. Видимо, его преподобие тоже считал, что к такому дню нужно подготовить нечто особенное, и проповедь оказалась просто нескончаемой.

Дети начали вертеться, и кое-кто из их отцов откровенно завидовал женам, которые могли теперь отправиться вместе с капризными отпрысками в комнату для малышей.

Наконец проповедь закончилась, и прихожане поднялись, чтобы исполнить заключительный гимн.

Люди один за другим выходили на улицу: мужчины собирались небольшими группками, дети носились наперегонки, радуясь долгожданной возможности размяться, а женщины начали накрывать на стол.

Несмотря на затянувшуюся службу и мрачную погоду, повидаться с друзьями все же было приятно. Как ведется у соседей и добрых знакомых, они добродушно подтрунивали друг над другом, младенцев с восторженными ахами и восклицаниями передавали из рук в руки, горожане обменивались новостями с фермерами. Торжество удалось на славу.

Скоро пришло короткое письмо от Томми. Дэвисы получали весточку от него уже в третий раз. Каждое письмо Марти встречала благодарственной молитвой: она беспокоилась за парня и радовалась, что у него все в порядке. Том писал, что зиму он планирует провести там же, где работает сейчас, на лесопилке. А весной двинется дальше. Может быть, на побережье — ведь он никогда в жизни не видел океан. Он любит и помнит всех.

Обратного адреса на конверте не оказалось, а почтовый штамп был размазан, и где находится Томми, было непонятно. Марти так хотелось ответить ему, написать, как все любят его и как надеются на его скорое возвращение!

Когда вся семья собралась за столом, Марти прочла письмо вслух. Кларк уже успел пробежать его глазами, но, несмотря на это, старался не пропустить ни слова. Он тоже беспокоился за юношу и радовался, что он не пропал бесследно.

С тех пор как Том уехал, прошло несколько месяцев, и юная Мисси немного подзабыла о своем горе. Она почти перестала вспоминать о друге, за которого мечтала выйти замуж.

Марти внимательно оглядела своих домашних, которые сидели вокруг стола. Все они успели измениться с тех пор, как уехал Том. Наверное, он тоже стал другим.

Нандри превратилась в настоящую молодую леди. Она была все такой же тихой, хотя неизменно деятельной и трудолюбивой. Марти уже давно оставила попытки сблизиться со скрытной и сдержанной девушкой и решила принимать ее такой, как есть. «Благослови, Господи, ее сердце, — думала Марти. — Она стала настоящим членом нашей семьи. Те десять долларов, что мы за нее заплатили, она вернула нам сторицей». — При этой мысли Марти невольно улыбнулась.

Марти понимала, что ее воспитанница становится взрослой и что совсем скоро Нандри

обзаведется собственным домом. Кое-кто из соседских ребят уже начал поглядывать на нее с интересом. Марти замечала, что знаки внимания со стороны молодых людей не оставляют Нандри равнодушной.

Клэй тоже повзрослела. Обучение девочки в маленькой школе подходило к концу, но жажда знаний в ее душе была поистине неутолима. По ночам Марти с Кларком подолгу беседовали о ее будущем. Клэй страстно желала стать учительницей, и Кларк считал, что, несмотря на неизбежные расходы, девочка должна осуществить свою мечту. Чтобы продолжить образование и получить диплом учителя, ей придется уехать из дома. Сама мысль об этом пугала Марти, хотя она всей душой желала Клэй счастья.

Мисси исполнилось одиннадцать лет. Она была настоящим сгустком энергии и то держалась совсем как взрослая, то вновь превращалась в маленькую девочку. Школу Мисси любила всей душой, впрочем, она искала новых впечатлений где только можно — будь то дом, ферма или классная комната. Вилли Ла Хэя она не выносила по-прежнему, о чем время от времени уведомляла домашних.

Клэр в свои девять лет был живым и смышленным мальчиком. Пребыванию за школьной партой он предпочитал другие занятия, однако в школе успевал без труда. Он, как и прежде, во всем подражал Кларку и всегда обращал внимание на то, как ведет себя отец в той или иной ситуации.

«Подумать только, прошло больше девяти лет», — промелькнуло в голове у Марти. Она вспомнила сломанный фургон, свежую могилу... Но эти воспоминания уже не отзывались в ее душе прежней болью. Она почувствовала, что муж наблюдает за ней, поймала его взгляд и улыбнулась. Кларк любил повторять: «Если кто-то и нуждался в спасении, так это мы с Мисси».

Марти проворно подхватила чашку Арни, которая едва не полетела на пол. Шестилетний мальчик был чрезвычайно общителен и энергичен; казалось, приключения поджидают его на каждом шагу. Марти с Кларком уже решили, что осенью отправят Арни в школу, и Марти ждала этого дня со смешанным чувством.

Трехлетняя Элли была настоящим лучиком солнца. Веселая и шаловливая, она порхала по дому, словно мотылек, и лица домашних светлели при ее появлении.

В колыбельке лежал новорожденный Люк. После его рождения Марти не раз благодарила Бога за то, что Он послал ей Нандри. В отличие от остальных детей, малыш родился капризным и требовательным и словно поджидал минуты, когда его мать была особенно занята. Утешить и уговорить беспокойного кроху удавалось только Нандри.

«Это моя семья, — подумала Марти, вновь окидывая взглядом стол. — Моя необыкновенная, прекрасная семья». Она почувствовала, что на глаза у нее наворачиваются слезы, и, чтобы справиться с собой, отошла к плите.

— Сегодня видел Кэма, — сказал Кларк, проглотив очередной кусок.

— Вот как?

— С ним был Ретт. Представляешь, мальчик научился править лошадьми! Ты бы видела Кэма! Он просто счастлив. Говорит, что Ретт станет лучшим конюхом во всей округе. Возможно, так оно и будет. Парнишка знает подход к животным.

— Это здорово, — обрадовалась Марти хорошей новости.

— Кэм говорит, что этот парень найдет общий язык даже с медведем. Хоть он и не разговаривает, но животные понимают его без слов. Мистер Кессиди в лавке сказал, что теперь Кэм всегда привозит Ретта в город — то в повозке, то сажает его перед собой в седло.

— Кларк задумался. — Странное дело, — сказал он, — Кэм здорово изменился: стал внимательным и заботливым. Раньше он думал только о себе. Похоже, это заметил не только я, люди стали его уважать. Я подумал об этом, когда увидел, как он выезжает из города вместе с сыном. Он стал другим человеком.

Марти кивнула, и когда она подумала о Ванде, ее глаза слегка затуманились. Как счастлива, должно быть, ее подруга при мысли, что подарила мужу сына, которого тот принимает и любит таким, как есть, и с гордостью берет с собой в город.

— Ты видел мистера Макдональда? — поинтересовалась она.

Прошло два года с тех пор, как скончалась миссис Макдональд, которая так и не оправилась от удара. После похорон мистер Макдональд решил продать лавку мистеру Кессиди и уехать домой, на Восток, но спустя какое-то время вернулся назад.

— Да. Он сидел на скамье перед лавкой со старым Томом и Джейком Фейдлером. Я поздоровался с ним, но перекинуться словом не успел.

— Как он?

— По-моему, неплохо. Мне кажется, он рад, что вернулся. Теперь его дом здесь, — пояснил свою мысль Кларк.

По возвращении мистер Макдональд снял комнату в пансионе миссис Келлер и теперь проводил время, беседуя со стариками и жуя табак перед своей бывшей лавкой. Похоже, мистер Кессиди не имел ничего против, хотя из-за этого ему приходилось в два раза чаще мыть крыльцо.

«Интересно, каково это — вернуться домой, после того как уехал на Запад?» — промелькнуло у Марти. Ее отца уже не было в живых, и мать осталась одна. Они регулярно, хотя и не часто, писали друг другу. Марти сообщала матери о появлении на свет новых внуков и посылала открытки на Рождество.

Она тоже понимала, что теперь ее дом здесь.

Марти мягко, но решительно извлекла руку Арни из масленки и сама намазала ему маслом кусок хлеба. «За эти годы изменилось многое, и в основном — к лучшему», — решила она.

Первым серьезные намерения в отношении Нандри обнаружил молодой Джош Коффинс. Марти знала, что рано или поздно он должен прийти, и ждала этого момента с нетерпением и горечью одновременно. Она знала, как мечтает Нандри о собственном доме и своей семье, но понимала, что здесь после ее ухода станет пусто. Марти много беседовала с матушкой Грэхэм о грядущих переменах и о том, как нужно их принимать.

Однажды после воскресной службы Джош подошел к Кларку и попросил позволения зайти.

— Конечно, Джош, — ответил Кларк, хлопнув юношу по плечу. — Буду рад, если заскочишь. Думаю, мы найдем время и место, чтобы поговорить по-мужски. Может быть, на скотном дворе, где нам не будут мешать женщины и дети.

Кларк явно наслаждался, подтрунивая над молодым человеком.

Джош покраснел и, запинаясь, пробормотал, что цели его визита несколько иные. Кларк расхохотался и еще раз хлопнул его по спине. Джош понял, что Кларк обо всем догадался, и тоже усмехнулся. Ему было приятно, что человек, который пользуется уважением и любовью соседей, подшучивает над ним.

— Приходи, мы будем очень рады тебе, — сказал Кларк серьезно. — Обещаю, что не стану держать тебя на скотном дворе.

Джош просиял, пробормотал слова благодарности и отошел. Марти исподтишка наблюдала, как он приблизился к Нандри. Девушка сидела на ступенях церкви, окруженная малышами. На руках она держала маленького Люка, который протягивал пальчик в направлении лошадей и повозок и произносил свое неизменное: «'То это?» Джош склонился к девушке, опершись на перила крыльца. Нандри подняла глаза, и ее щеки порозовели.

— Я поговорил с Кларком, — донеслось до Марти.

Глаза Нандри немного округлились. До сих пор Джош называл Кларка исключительно мистером Дэвисом, однако теперь, кажется, пришло время для других отношений.

— Он сказал, что будет рад, если я зайду.

Щеки Нандри зарделись еще сильнее, но она продолжала молчать.

— Не возражаешь? — последовал вопрос, который уже не позволял девушке притворяться, что она не понимает, о чем речь.

Теперь мяч был на стороне Нандри. Она вспыхнула и перевела взгляд на малыша, которого держала на руках. Несколько минут, которые, без сомнения, показались Джошу целой вечностью, Нандри сидела молча. Юноша ждал — с колотящимся сердцем, взмокшими ладонями. Марти не собиралась подслушивать их разговор, но теперь она не могла уйти, не привлекая к себе внимания. Она затаила дыхание. Что же ответит Нандри?

— Нет, — тихо сказала девушка, и Джош облегченно вздохнул и улыбнулся.

— Спасибо, — поблагодарил он Нандри, которая осталась на удивление невозмутимой. — Спасибо. Значит, в среду. Дождаться не могу! — Он повернулся и зашагал прочь, похоже, не без труда подавляя желание помчаться вприпрыжку.

Нандри спрятала пылающее лицо, прижав к себе маленького Люка. В этот день она была на удивление общительна и открыта с Марти, сказав ей, что надеялась на такой шаг со стороны Джоша. Она видела, что Виллис Аткинс тоже поглядывает в ее сторону, но Джош ей нравился больше.

— Ему так не терпится, что он не может дождаться субботы, — заметила Нандри с легким удивлением в голосе.

Обычно, когда парень начинал ухаживать за девушкой, он наносил первый визит субботним вечером. Лишь те, кто имел самые серьезные намерения, навещали своих друзей и в субботу, и в среду.

Нандри пристально смотрела на Марти: ей так хотелось, чтобы та одобрила ее выбор. Марти обняла девушку и только сейчас заметила, что теперь они одного роста.

— Нандри, — воскликнула она, — я так рада, но как же мне будет тебя не хватать!

Девушка ласково прильнула к ней, но тут же, смутившись, отпрянула, подхватила маленького Люка и так крепко прижала его к себе, что малыш недовольно заворочался.

— О Люки! — Это было самое ласковое обращение Нандри к малышу. — Я так счастлива, но при этом мне очень грустно и немного страшно... Неужели так бывает?

Люк не понял вопроса и протянул ручонку, чтобы потрогать слезу, которая блестела на щеке девушки.

Глава двадцать четвертая. Рождество

К этому дню Марти готовилась с особым чувством. Рождество всегда было ее любимым праздником, но еще никогда она не ждала его с таким нетерпением.

Малыш Люк весело вертелся у нее под ногами. От его младенческих капризов, которые вызывали главным образом колики в животе, не осталось и следа. Веселая подвижная Элли, все тот же прелестный мотылек, подросла и полюбила помогать матери. Арни, Клэр и Мисси радовались каникулам и предвкушали, как будут кататься на салазках с крутых берегов замерзшей речки. Но главное, на Рождество собиралась приехать Клэй — их Клэй, будущая учительница. Марти не могла дождаться встречи с ней, с таким же радостным волнением ожидала этого события Нандри.

Клэй поступила в педагогическое училище. Домашние регулярно получали восторженные письма девушки, в которых та описывала занятия, новых знакомых, но главное — все время повторяла, как она скучает по дому.

Марти приготовила любимые кушанья Клэй и проследила за тем, чтобы Нандри привела в порядок их общую комнату. Ей хотелось, чтобы младшие дети разделили ее радость. За рождественским столом на этот раз ждали новое лицо — Джоша Коффинса, жениха Нандри. Марти радовалась за молодую пару, хотя предстоящая разлука с Нандри приводила ее в смятение.

Свадьбу собирались сыграть весной. Как только уляжется рождественская суета, Марти и Нандри намеревались заняться подготовкой приданого.

Нандри светилась от счастья, и Марти отдала ей часть денег, вырученных от продажи яиц, чтобы девушка могла купить для своего первого дома то, что ей хочется.

Но пока впереди было Рождество.

Кларк выбрал в лесу елку и нарезал веток с хвоей, чтобы развесить в доме рождественские венки.

Вместе с курами Нандри вырастила полдюжины индеек, и одной из них предстояло украсить рождественский стол. За этой птицей она ухаживала особенно усердно.

Полки в кладовой ломились от пирогов, тортов, домашнего печенья и сдобы.

Марти выбралась в город за покупками и припрятала за комодом и кроватью подарки, которые в рождественское утро положит в детские носки над каминной полкой.

Перед самым приездом Клэй Нандри и Марти так волновались, что едва могли работать. Хотя Марти радовалась, что дел у нее по горло (ведь за хлопотами время пролетает быстрее) ей все равно казалось, что стрелка часов никогда не доберется до четырех: в это время со станции должен был вернуться Кларк.

Наконец во дворе раздался залиvistый лай Ол Боба и радостные крики детей.

В дом ворвалась Мисси:

— Угадай, кто приехал? — весело воскликнула она.

Веселой, шумной гурьбой дети ввалились в дом. Кларк внес чемодан Клэй и большую сумку.

Марти бросилась к девочке.

— Клэй!.. Господи, вы поглядите на нее! Какая ты стала взрослая!

Клэй обняла Марти и со смехом напомнила, что отсутствовала всего три месяца.

— Боже мой, как же хорошо наконец оказаться дома! Я думала, что умру от нетерпения!

Поздоровавшись с сестрой, Клэй обняла малышкой — Элли и Люка, удивляясь, как они выросли. Подтрунивая над сестрой, она напомнила ей про Джоша. Нандри порозовела, но было видно, что ей это приятно.

— Думаю, — раздался перекрывающий веселую суматоху голос Кларка, — еще немного, и мы в этом доме не уместимся.

Марти улыбнулась. Действительно, порой им бывало тесновато. Ей снова придется поставить кроватку Люка к себе в спальню, а в спальне девочек теперь, когда их снова трое, будет не повернуться.

Да, в доме стало тесно, но они были счастливы. За разговорами незаметно пролетел вечер. Клэй было о чем порассказать. Остальные дети жадно слушали ее, задавая бесчисленные вопросы.

Малышам пообещали, что утром их носки будут наполнены подарками, и уложили в постель, а Марти, Нандри и Клэй разговаривали допоздна. Кларк сидел с ними, время от времени вступая в беседу.

— Скажи, пожалуйста, дата свадьбы уже назначена? — спросила у Нандри Клэй, и Марти обратила внимание, как тщательно она стала подбирать слова.

— В конце мая. Как же мы обойдемся без тебя? Ведь ты не откажешься быть подружкой невесты?

— С удовольствием. Где будете жить?

— На участке Коффинсов есть маленький домик. Там жили прежние хозяева фермы, а потом Коффинсы выстроили дом побольше. Пока поживем там.

— Ты, наверное, ждешь не дождешься?

— Да, — улыбнулась Нандри. — Но у меня немного странное чувство. Вроде бы и хочется, чтобы поскорее наступил май, и в то же время не хочется.

— Как это? — забывшись на мгновение, Клэр заговорила на прежнем языке.

— Этот дом, малыши — так жалко с ними расставаться.

Марти удивилась, что Нандри снова приоткрыла свою душу.

— Но ведь ты уезжаешь не на край света, — возразила Клэй. Она покачала головой и вздохнула: — Вы не представляете, как я скучала по дому! Поначалу мне казалось, что я этого не переживу, но — пережила. Я думала про деньги, которые уплачены за мое обучение, напоминала себе о людях, которые верят в меня... И еще... я вспоминала нашу маму, Нандри. Представляешь, как она гордилась бы нами?

Марти ни минуты не сомневалась, что миссис Ларсон была бы счастлива за своих дочерей.

— Она была бы рада за нас обеих, — продолжала Клэй. — За то, что я стала учительницей, и за то, что ты выходишь замуж за Джоша. Когда я вспоминаю о маме, все это кажется мне еще более значительным.

Впервые в присутствии Марти девочки заговорили о матери.

— Да, ваша мама гордилась бы вами, — согласилась Марти. — Она так хотела, чтобы у вас все получилось! И я тоже горжусь вами.

Клэй обняла Марти и прижалась к ней.

— Мы знаем, почему у нас все получилось, — тихо сказала девочка. — Мы почти не говорили об этом, а надо бы. Спасибо тебе, Марти! Я так тебя люблю! Если бы не ты... Я никогда не забуду... никогда.

Нандри кивнула, присоединяясь к сестре, и ее глаза говорили больше, чем любые слова.

Рано утром все проснулись от восторженных криков Арни. Скоро к нему присоединился Клэр, и началась всеобщая суматоха. Марти с трудом оторвала голову от подушки, надела на ноги домашние носки и накинула халат. Кларк уже встал и заправлял рубашку в брюки. Они вошли в гостиную одновременно с Нандри, которая держала на руках полусонного Люка. Услышав восторженные крики братьев, Элли так обрадовалась, что забыла заглянуть в собственный носок. Она носилась по комнате, напевая и пританцовывая.

Оживление, царившее вокруг, немедленно заставило Люка забыть про сон. Малыш во все глаза уставился на елку, которая непонятно откуда появилась за ночь в углу комнаты.

Наконец, зевая и ворча, вошла Мисси.

— Еще нет и пяти утра, — возмутилась она. — Когда я была маленькая, мне по крайней мере давали выспаться.

— Если бы дело было за мной, я бы тоже заставил их немного повременить, — ответил Кларк, но Марти видела, что он наслаждается веселой суетой.

Наконец затопили кухонную плиту и поставили чайник. Кларк развел огонь в камине. В доме Дэвисов снова воцарились покой и тишина.

Старшие решили воспользоваться кратковременным затишьем и вручить друг другу рождественские дары. Клэй умудрилась приготовить маленькие подарки для каждого из домашних. Марти знала, что у нее почти не было денег на карманные расходы, и от этого подарок девочки был ей еще дороже. Недостаток денег Клэй с лихвой возместила изобретательностью и умением шить. Люк получил маленького медвежонка. Элли достался крохотный фартук с кармашком. Клэр и Арни разглядывали настоящие, как у отца, клетчатые носовые платки. Для Мисси Клэй смастерила отделанный кружевом капор, а Нандри получила две украшенные великолепной вышивкой накидки для сундука с приданым. Марти достала воздушный носовой платок, а следом за ним из крохотного свертка выпала маленькая открытка, на которой было написано: «Маме с любовью, Клэй». Марти расплакалась. Она знала, как много стоит за этими простыми словами.

Кларк тоже получил платок и открытку. Пробежав поздравление глазами, он незаметно передал карточку жене. «Спасибо за то, что ты стал мне настоящим отцом. Люблю, Клэй», — прочла Марти.

Украдкой вытирая слезы, она вспомнила того, кто не сумел стать настоящим отцом для собственных дочерей. Какое счастье, что они с Кларком смогли заменить девочкам отца и мать!

Нандри тоже позаботилась о подарках для всех членов семьи. Для малышей она смастерила книжки, наклеив вырезанные из газет и календаря картинки на плотную ткань. Кокетливая Мисси получила новые ленты — к ним она питала неизменное пристрастие. Марти девушка преподнесла небольшую деревянную шкатулку для хранения рецептов (те вечно валялись в беспорядке в ящиках комода), а Кларку подарила самодельную обложку для потрепанной семейной Библии.

После этого свои подарки отдали Марти и Кларк; они были счастливы, что принесли радость детям — и большим, и маленьким.

С подарками было покончено, но праздник продолжался.

После завтрака Клэр и Арни отправились на речку опробовать новые салазки, которые смастерил для них Кларк. Элли, надев подаренный фартучек, играла с новым набором кукольной посуды, а малыша Люка уложили спать.

Мисси, считая себя взрослой, присоединилась к женщинам — они занимались

приготовлением рождественского ужина на кухне.

Джош не смог усидеть дома и приехал раньше, чем ожидалось. Смущаясь, он вручил Нандри свой подарок. Марти заверила его, что никогда не видела настольной лампы изящнее: стеклянный колпак ее был расписан орнаментом из роз, а подставка украшена позолотой. Собственный подарок жениху Нандри родным не показала, но Марти подозревала, что это щеточка для усов. Джош проявлял немалую заботу о своих отрастающих усах, надеясь, что в день свадьбы они позволят ему выглядеть более мужественно.

Дети сидели у камина, поджаривая каштаны и жадно принюхиваясь к соблазнительным ароматам из кухни. Перед ужином вся семья собралась в гостиной, чтобы послушать историю Рождества. Даже маленький Люк сидел тихо, уютно устроившись на коленях у Нандри. Марти видела, как внимательно слушают Кларка дети, и ее сердце преисполнилось благодарности к Богу. Во время молитвы она взяла Кларка за руку, и он нежно сжал ее пальцы.

Когда все стали рассаживаться вокруг стола, послышался лай Ол Боба. Незваные гости на Рождество приезжали нечасто, и сердце Марти тревожно затрепетало. Не случилось ли чего? Следом за Кларком она подошла к двери, не решаясь выглянуть во двор.

На крыльце послышались шаги, и после негромкого стука дверь распахнулась.

— Томми!.. — выдохнула она.

— Томми, — повторил за женой Кларк, потрясенный не меньше нее. — Как я рад тебя видеть, сынок, — сказал он, сердечно обнимая молодого человека.

После этого пришла очередь Марти, а потом и детей, которые выскочили из-за стола и окружили Тома.

— Минутку, — сказал Томми, подняв руку. — У меня есть новость.

Он вышел и через минуту вернулся с миниатюрной девушкой в синем капоре, из-под которого выбивались каштановые кудри.

— Моя жена, — гордо объявил он. — Знакомьтесь, Фрэн.

— О, Томми! — воскликнула Марти. — Томми, когда ты успел? Почему ты ничего не написал?

Том засмеялся.

— Почти полгода назад. Хотел сделать вам сюрприз. Правда, она чудо? — Он перевел взгляд на жену и прижал ее к себе. Фрэн смущенно улыбнулась.

— Я очень рада с вами познакомиться, — вымолвила она наконец, протягивая маленькую руку Кларку и Марти.

Марти тепло обняла девушку.

— А уж мы-то как рады! Проходите же, раздевайтесь. Мы как раз садимся за стол.

— Нет-нет, — улыбнулся Том, — мы еще не были дома. Решили сначала заехать сюда: не терпелось вас познакомиться. Но нам нужно домой. Может, мама и простит мне, что я на минутку заскочил к вам, но если останусь на рождественский ужин, она уж точно обидится насмерть.

— Жалко отпускать вас. Так хочется поговорить с тобой...

— Успеем, — заверил Марти Том. — Ведь теперь мы будем соседями. Думаю снова поселиться на своем участке. Попробую наладить там хозяйство. Родители Фрэн владеют лавкой на Западе. Видите, как все смешалось? — весело подмигнул он. — Приезжает парень, женится на их дочери и увозит ее на Восток.

— О, Томми! Я знаю, вы будете счастливы.

— Мы уже счастливы, — засмеялся Томми, и по его глазам было видно, что это правда. Молодые люди обещали, что скоро приедут снова, и отправились в путь.

— Да, ну и денек сегодня, — выразила Марти общее ощущение, когда домашние снова уселись за стол.

Они склонили головы, и Кларк обратился к Небесному Отцу, благодаря Его за щедрость и милосердие. А особенно за Томми, вернувшегося домой блудного сына, и за ту радость, которую принесет его возвращение в дом Грэхэмов.

Марти вспомнила про красавицу Оватику. «Нашла ли она свое счастье, став женой Быстрого Оленя?» — задумалась Марти и попросила Господа, чтобы так и было.

Глава двадцать пятая. Расставания

В конце концов жители округа были вынуждены признать, что его преподобие Натсон не тот человек, который им нужен.

Посмотрев правде в глаза, они призадумались, почему не могли понять этого так долго. Снова встал вопрос, что делать дальше, и ответить на него было непросто.

В очередной раз создали соответствующий комитет и, к огорчению Марти, его председателем избрали Кларка. Комитет должен был встретиться с пастором и поговорить с ним начистоту.

Его преподобие Натсон не обнаружил ни малейших признаков беспокойства, когда его пригласили на встречу, и это сделало ситуацию весьма щекотливой. Судя по всему, священник полагал, что услышит слова благодарности и восхищения, а возможно, и предложения по повышению своего более чем скромного жалованья.

Он был явно обескуражен, когда разговор принял совсем иной оборот.

Его преподобие уведомил членов комитета, что он не только является высокообразованным человеком, но и состоит в переписке с другими весьма авторитетными богословами. Материалы к его проповедям включают произведения выдающихся христианских мыслителей. Он может продемонстрировать им ссылки на соответствующие источники.

У его преподобия никак не укладывалось в голове, что кто-то не оценил по достоинству его проповеди, полные прекрасных и глубоких мыслей. Откликнувшись на просьбу этих людей, он ведь понятия не имел, что они до такой степени погрязли в невежестве и столь невосприимчивы к духовному знанию. Но он сделает все возможное в этой ситуации. Он слышал о великом христианском ученом, книги которого теперь можно достать, и хотя это труды исключительного уровня, они написаны простым языком, который поймет каждый. Он уже заказал пару его книг. Он уверен, что эти произведения найдут отклик в сердцах прихожан и обеспечат их столь необходимой духовной пищей.

Членам комитета стоило немалых трудов втолковать его преподобию, что его служение в качестве священника местной церкви закончено.

Кларк сформулировал эту мысль следующим образом:

— Ваше преподобие, мы понимаем, что вы человек весьма образованный, а мы немного бестолковы. Мы не хотим лишать более подготовленную публику возможности наслаждаться вашими проповедями, поэтому считаем, что при первом же удобном случае вам следует вернуться домой или отправиться туда, куда вы пожелаете.

Поначалу его преподобие побагровел и на некоторое время лишился дара речи. Обретя его вновь, он, брызгая слюной, переспросил:

— Насколько я понял, джентльмены, вы хотите сказать, что мое служение закончено?

— Глупости, конечно, нет, — вмешался старший Коффинс, другой член комитета. — Просто мы освобождаем вас от занимаемой должности.

Расплатившись с пастором и пожелав ему всего наилучшего, комитет приступил к поискам нового священника. На этот раз мистера Вилбура Витла уже не просили вести переписку с кандидатами.

До сих пор на кладбище рядом с маленькой церковью не было ни одного надгробия. Все понимали, что это не будет длиться вечно. Но кто же заставит своих близких выкопать в

этой земле первую могилу, чтобы упокоить его тело?

Поселенцы невольно размышляли об этом, поглядывая на соседей. Дедушка Стерн достиг весьма преклонного возраста и был слаб здоровьем. Миссис Ла Хэй так и не поправилась окончательно. Одна из дочерей Коффинсов была очень хрупкой и постоянно болела, родители даже не позволили ей посещать школу. Миссис Викерс имела склонность к нервным припадкам, и кое-кто считал, что ее ждет ранняя смерть.

Но того, что произошло, не ожидал никто. Люди были просто потрясены непредвиденным печальным событием.

Это случилось с Тесси, которая совсем недавно вышла замуж за мистера Витла. Она всегда была крепкой, здоровой девушкой, и поселенцы очень обрадовались, когда узнали, что скоро учитель станет не только мужем, но и отцом. Что до самого мистера Витла, то его котелок еще никогда не пребывал в столь безукоризненном состоянии, огромные усы никогда не торчали так щеголевато, а белоснежные гетры никогда не были настолько ослепительны. Он был чрезвычайно доволен собой и своей женой. То, что привлекательная молодая женщина смотрит на него с обожанием и восхищением, само по себе было чудом, а перспектива стать отцом казалась мистеру Витлу и вовсе головокружительной. Он пребывал на седьмом небе. Ученики постарше посмеивались над учителем, поговаривая, что теперь он взвизгивает не только от возмущения, но и от восторга. Однако, судя по всему, их насмешки нисколько не трогали его.

Когда настал великий день, немедленно послали за доктором. А на следующее утро тот вышел из дома мистера Витла с воспаленными глазами и тяжелым сердцем. Ночью, во время родов, молодая мать и ребенок скончались. Весть об этом потрясла всех. Соседи искренне сожалели о случившемся и глубоко сочувствовали мистеру Витлу. Несколько мужчин собрались на кладбище, чтобы выкопать могилу. Они сколотили сосновый гроб, обтянули его тканью и положили в него два приготовленных к погребению тела, одно из которых было совсем крохотным. Мистер Вилбур Витл наблюдал за происходящим в молчаливом потрясении. Осознать эту страшную потерю он был не в силах. Однако у него хватило выдержки попросить Кларка прочесть вместо отсутствующего священника отрывок из Писания и произнести надгробную речь. Подавленный Кларк согласился.

День похорон выдался холодным и мрачным. Вытирая глаза, Марти подумала, что такая погода очень соответствует печальной церемонии. Сосновый гроб опустили в могилу, и на его крышку упали комья земли.

Марти стояла перед свежей могилой, в которой лежала юная мать и ее новорожденный сын. «Сегодня это кладбище утратило свою девственность. К этой могиле добавится другая, потом третья», — невольно подумалось ей. Вновь и вновь земля будет принимать в свое чрево тела ушедших.

«О Тесси, — сердце Марти разрывалась от боли, — кто бы мог подумать, что это будешь ты! Никто не знает, что ждет его в будущем». И вновь она вспомнила, как когда-то стояла у края другой могилы, переживая страшную потерю. Она подхватила на руки Элли и крепко прижала дочку к себе, благодаря Бога за то, что Он так милосерден к ним с Кларком, несмотря на все трагедии, которые им пришлось пережить.

Занятия в школе временно прекратились. Вскоре мистер Витл понял, что он больше не в состоянии преподавать, и школьный год закончился в апреле. В конце мая, когда в садах зацвели розы, а птицы принялись вить гнезда, мистер Витл собрал букет полевых цветов и положил его на свежий могильный холм. Потом он почистил котелок, собрал чемоданы и

отправился туда, откуда в свое время приехал.

Глава двадцать шестая. Джош и Нандри

Отъезд его преподобия очень беспокоил двух молодых прихожан. Джош и Нандри волновались из-за свадьбы, назначенной на конец мая: кто обвенчает их, если священник уехал? Кларк догадывался об их тревоге и решил взять дело в свои руки.

Он выяснил, что неподалеку, в одном небольшом городке, есть свой священник. Кларк съездил к нему и договорился, что в назначенный день тот приедет в церковь и обвенчает молодых.

Убедившись, что осуществить намеченные планы ничто не помешает, Кларк решил, что пора рассказать об этом Джошу и Нандри. Он обнаружил молодую пару на кухне. Джош и Нандри явно были не в лучшем расположении духа.

— Кажется, вы собирались устроить свадьбу? Не передумали?

— Конечно, нет! — воскликнула Нандри, оглядываясь на Джоша.

— Похоже, это будет довольно сложно без собственного священника...

Джош печально кивнул, разглядывая свои руки, лежащие на столе. Нандри, казалось, вот-вот заплачет, хотя никто и никогда не видел ее в слезах.

— Чисто случайно, — невозмутимо продолжал Кларк, — я узнал, что неподалеку живет человек, который мог бы вам помочь. Он священник.

Две пары глаз уставились на него с тревогой и надеждой.

— Где? — спросил Джош. — Мы бы могли к нему съездить.

— Думаю, в этом нет необходимости, — спокойно сказал Кларк. — Он говорит, что с удовольствием приедет сюда сам.

Глаза Нандри загорелись, и она тихо вскрикнула от радости:

— Так ты нашел священника? — Она захлопала в ладоши.

— Что-то вроде того, — усмехнулся Кларк.

— Благослови тебя Господь! — выдохнула Нандри. Казалось, еще немного, и она бросится Кларку на шею, но, сдержавшись, девушка повернулась к Джошу и порывисто обняла его. Юноша ничего не имел против этого.

Марти, которая наблюдала за происходящим, хлопоча по хозяйству, вспомнила детскую влюбленность Нандри и снова порадовалась за свою приемную дочь: теперь к ней пришла настоящая любовь.

Она посмотрела на сияющих молодых людей и улыбающегося Кларка.

— Когда? — взмолилась Нандри. — Когда он приедет?

— Как вы и хотели, двадцать восьмого мая.

— Ты хочешь сказать, что свадьба состоится в назначенный день, в церкви, и мы можем пригласить друзей?

— Да, все, как мы планировали.

— Слава Богу!.. — выдохнула Нандри. — Он услышал наши молитвы!

И молодые люди отправились погулять к реке, чтобы насладиться своей радостью наедине и все обсудить.

— Ну, — сказала Марти, которая обрадовалась ничуть не меньше, — выкладывай, как тебе это удалось?

— Это было совсем не сложно, — улыбнулся Кларк. — Деньги иной раз бывают очень кстати.

И они дружно рассмеялись.

Долгожданная свадьба состоялась в назначенный день. Приглашенный пастор прочел, как и положено, клятвы новобрачных и дал жениху и невесте подобающие напутствия.

Похорошевшая Нандри светилась от счастья. На ней было нарядное платье — они вышили его вместе с Марти, — а Клэй, которая стояла подле сестры, выглядела ничуть не хуже невесты.

Рядом с Джошем находился его младший брат Джо. Свадебная церемония удалась на славу. Она была исполнена глубокого смысла и надежды, а праздничный ужин после богослужения получился веселым и шумным.

— Вот ты какой, оказывается, — подтрунивал над Кларком Тодд Стерн. — У девчонки молоко на губах не обсохло, а ты уже норовишь сбить ее с рук.

Кларк посмотрел на Мисси, которая выросла на глазах.

— Не успеем глазом моргнуть, — тихо сказал он, — придет пора расставаться и с ней.

Подумав об этом, Кларк немного погрустнел.

— Кажется, еще вчера они путались у меня под ногами, — повернулся он к Тодду. — А теперь того и гляди стану дедушкой. Жаль, что у времени нет хвоста, чтобы ухватиться за него и попридержать.

Все лето церковь пустовала, но Кларк, Марти и их соседи не слишком из-за этого волновались. Они не сомневались, что придет час и Господь пошлет им священника. Люди продолжали встречаться, чтобы вместе петь гимны, молиться и читать Писание.

Школа тоже была пуста. На собрании попечительского совета решили предложить вакантное место Клэй. Девушка не верила своему счастью. Не успела она закончить учебу — а для нее уже есть работа, да еще в родной школе, рядом с домом.

Марти встретила эту новость с таким же радостным волнением, как и сама Клэй.

— Как хорошо, что ты опять будешь с нами! Мы так скучали без тебя, — сказала она девушке, обнимая ее.

— Ты меня избалуешь, — тихо сказала Клэй. — Я действительно очень хочу жить дома, но... в общем... кажется, мне пора становиться самостоятельной. Я думаю поселиться в учительском домике. Там осталась посуда и все, что может понадобиться в хозяйстве. Миссис Ла Хэй сказала, что я могу переехать туда и пользоваться всем этим. Мне бы очень хотелось. Ты не против, мам? — Она заглянула Марти в глаза. — К тому же, — поспешно добавила она, — я ведь продолжаю учиться заочно, а для занятий нужна тишина.

Марти расстроилась, но не хотела, чтобы Клэй заметила это. Она лишь сказала, что поговорит с Кларком. После долгого обсуждения с мужем она в конце концов сдалась. Клэй ведь никуда не уезжает, сказал Кларк. Она будет жить совсем рядом.

Было решено, что летом Клэй поживет дома, чтобы немного заполнить пустоту, возникшую после переезда Нандри к Джошу, а поближе к началу осенних занятий перевезет свои вещи в учительский домик и заживет самостоятельной жизнью.

Тем временем появились желающие занять место пастора. После долгого обсуждения комитет счел две кандидатуры вполне приемлемыми. Однако все оказалось не так-то просто. Претенденты на должность были недовольны слишком низким жалованием, предложенным маленькой общиной.

А осенью мистер Кессиди поведал Бену об одном из своих знакомых.

— Он из моего родного города, — сказал управляющий магазином. — Парень совсем молодой и, наверное, прочел не слишком много книг. Однако он этому делу обучался, хотя

попасть в семинарию ему не удалось. Впрочем, это не отбило у него желания учиться, да и рвения ему не занимать. Он честный и трудолюбивый парнишка, вот только опыта никакого.

— Это для нас не важно, — ответил Бен. — У нас тоже опыта не много. Будем учиться вместе.

Выяснить, что представляет собой упомянутый юноша, отправилась делегация из двух прихожан. Через восемь дней они вернулись и привезли добрые вести.

Они увидели человека, который полон желания стать пастором. Он надеется продолжить свое образование, а пока готов отдать служению все силы. Решение было принято.

Пастор Джозеф Бервик прибыл пятого сентября. В тот же день мисс Клэй Ларсон начала преподавать в сельской школе. Первая проповедь была назначена на воскресенье, но будущий пастор решил, что до этого дня успеет познакомиться с некоторыми из прихожан.

Новый пастор, как и его предшественник, поселился в доме Уотли. Увидев высокого и красивого молодого человека, миссис Уотли подмигнула дочерям. Она немедленно пригласила пастора в гостиную, на чай.

— Уж на этот раз непременно, — вздохнув, пробормотала она.

Однако мистер Бервик не был настроен расслаиваться и, едва передохнув с дороги, отправился в путь, чтобы познакомиться с обитателями округа, которые теперь составляли его паству.

Он не чурался физической работы и охотно помог вдове Райдер нарубить дров, Джейсону Стерну — поставить изгородь, а сыновьям Грэхэмов — убрать сено.

Продолжая знакомиться с поселенцами, в четверг около четырех часов пополудни он верхом на лошади въехал на школьный двор, чтобы нанести визит учителю.

С небрежно перехваченными какой-то лентой волосами, Клэй стояла на коленях у заброшенной клумбы. Она выпалывала сорняки, и ее руки были перепачканы землей до самых локтей. Девушка была совершенно не готова к появлению гостей.

Она удивленно подняла на незнакомца глаза и откинула упавшую на лицо прядь — на щеке осталась грязная полоса.

— Я — пастор Бервик, — вежливо представился гость, спускаясь с лошади. — Ваш отец дома?

Клэй безмолвно покачала головой, размышляя, что сказать пастору о своем отце.

— А мать?

— Нет... здесь никого нет... я... — Она перевела дыхание и попыталась внести в разговор немного ясности: — Вы имеете в виду Дэвисов или Ларсонов?

Пастор, в свою очередь, смутился.

— Я говорю про учителя, кто бы он ни был. Я не знаю, как его зовут.

— Не его, а ее.

— Простите.

— Учитель... учитель уехал... — Клэй снова запнулась. — Он больше не живет здесь.

— Простите, — сказал пастор, — но, насколько я понимаю, дети посещают занятия.

— Да, они, то есть мы, занимаемся, — быстро ответила Клэй.

— Вы школьница?

Клэй поднялась, однако несмотря на то, что теперь она стояла во весь рост, это не произвело на пастора особого впечатления.

— Я, — внушительно сказала она, — учительница.

— Учительница! — Пастор покраснел. — Господи!.. Так, значит, я приехал повидаться с вами, а не с вашим отцом! То есть я опять говорю не то... Я хотел сказать, что приехал познакомиться с учителем.

Он смущенно усмехнулся.

— Не начать ли нам с начала?

Он сделал шаг назад, а потом с мальчишеской улыбкой снова приблизился к девушке.

— Добрый день, — сказал он, протягивая руку. — Я пастор Бервик, новый человек в ваших краях, вот наносу визиты моим прихожанам, знакомлюсь со всеми. Я знаю, что вы работаете учительницей в этой школе.

Клэй в нерешительности посмотрела на свою испачканную землей руку, но пастора это, похоже, нимало не смутило. Он крепко пожал руку девушке.

— Извините, — пробормотала она. — У меня грязные руки...

— Лицо тоже, — весело заметил пастор.

— Боже мой! — воскликнула Клэй, вспыхнув. Она поспешно потерла рукой щеку, но лишь размазала грязь.

Молодой человек рассмеялся и вытащил чистый носовой платок. Он сделал шаг вперед и, спросив: «Вы позволите?», ловко вытер ей щеку.

У Клэй перехватило дыхание. Она почувствовала, как громко стучит ее сердце. Ей казалось, что мистер Бервик тоже слышит этот стук.

— Как я уже сказал, я знакомлюсь со своими прихожанами. — Он убрал платок в карман. — Вы придете в церковь в воскресенье?

— О да, — прошептала Клэй, чувствуя, как у нее горят щеки, и проклиная себя за глупый ответ.

— Вы в самом деле учительница?

Она кивнула.

— Когда я ходил в школу, у нас не было таких учительниц.

Она заметила озорной огонек в его глазах и еще больше залилась краской.

— Значит, увидимся в воскресенье?

Она опять кивнула.

Он вскочил на лошадь и уже собрался уезжать, но внезапно повернул обратно.

— Вы не сказали, как вас зовут.

— Клэй. Клэй Ларсон.

— Мисс Клэй Ларсон?

— Мисс Клэй Ларсон.

— Как пишется ваше имя, Клэй? Никогда не встречал его раньше.

Клэй произнесла имя по буквам. Она так волновалась, что едва не перепутала буквы.

— Клэй, — задумчиво повторил он. — Какое необычное имя. Увидимся в воскресенье, мисс Ларсон.

Он помахал ей шляпой. Она смотрела ему вслед.

Так Клэй познакомилась с новым священником. Вскоре она обнаружила, что у нее появились проблемы, с которыми она не сталкивалась раньше. Впервые в жизни Клэй не могла сосредоточиться. В воскресенье она заметила, что не помнит, о чем была проповедь, поскольку все время думала о том, кто ее читал. Несмотря на это, Клэй не пропустила ни одного воскресного собрания.

Глава двадцать седьмая. Новый пастор, новый дом

Очень скоро новый священник, которого все называли пастором Джо, стал в округе своим человеком. Люди любили его за отзывчивость и готовность прийти на помощь.

— Это вам не какой-нибудь белоручка, — бывало, одобрительно говорил один сосед другому.

— Спину гнуть не боится, — немедленно откликнулся тот.

Но главной причиной их уважительного отношения были воскресные богослужения. Пастор Джо составил список гимнов, которые прихожане знали наизусть, и, выбирая песни для очередного собрания, обращался к этому списку. Время от времени он расширял репертуар, разучивая с людьми новые гимны, — слова он писал мелом на доске, которую позаимствовал в школе. У пастора Джо был красивый тенор, и прихожане охотно подпевали ему.

Его молитвы были не просто словами — они были горячими и искренними, а проповеди представляли собой подлинную кульминацию службы. Выбрав какой-либо отрывок из Библии, он комментировал его так мудро и просто, что прихожане каждый раз получали нужную им духовную пищу.

Эти проповеди с удовольствием слушали даже дети, и в один прекрасный день юный Клинт Грэхэм удивил родителей, заявив, что намерен стать священником.

Недовольной новым пастором осталась лишь миссис Уотли, но ее досада не имела никакого отношения к воскресным проповедям. Она из кожи вон лезла, чтобы заставить молодого жильца обратить внимание на своих дочерей — пусть сам выберет ту, что ему по душе, — однако мистер Бервик и не думал смотреть в их сторону.

Прихожане росли духовно, и их становилось все больше. Юный Вилли Ла Хэй не пропустил ни одной проповеди, и даже его отец, Зик Ла Хэй, порой выкраивал время, чтобы прийти в воскресенье на службу. Все отметили, что после смерти дочери он стал гораздо мягче. Марти нередко замечала, как его взгляд устремляется в сторону могильного холма за церковью, где появился украшенный резьбой крест с надписью: «Тесси Ла Хэй Витл и ее новорожденному сыну. Да упокоятся они с миром и да пребудут вовеки с Господом».

Прихожане часто и охотно приглашали пастора Джо в гости, ему были рады в каждом доме.

Однажды Клод Грэхэм сказал своему брату-близнецу Лему:

— Мне кажется, пастор недаром пришелся ко двору в наших краях. Все потому, что он никогда не читал этих проклятых книг.

На что Лем возразил:

— Зря ты думаешь, что он такой дурачок. Он знает куда больше, чем рассказывает нам по воскресеньям. Никто ведь не дает теленку копну сена зараз.

Что касается Клэй, она была как в тумане. Чтобы отвлечься от того, что так смущало ее разум, она старалась посвятить каждую свободную минуту занятиям, поскольку продолжала учиться заочно. Курс в педагогическом училище, который для всех заканчивался следующим летом, она завершила к Рождеству.

Пастор держался с ней приветливо и дружелюбно, однако точно так же он вел себя и с остальными прихожанами. И все же порой сердце Клэй заходило от радости — это случалось, когда она думала, будто Джозеф уделяет ей чуточку больше внимания, чем

другим молодым женщинам. Потом надежду сменяло отчаяние, на смену ему, в свою очередь, приходили мечты, что он... ах, если бы он...

После особенно вдохновенной проповеди в первый день Пасхи молодой пастор задержал руку Клэй в своей руке чуть дольше обычного. Она дожидалась, пока все разойдутся, чтобы захватить принесенную из школы классную доску.

— Хорошего дня, мисс Ларсон, — улыбнулся Джозеф и тихонько добавил: — Жаль, что вы живете одна, и приличия не позволяют джентльмену нанести вам визит.

У Клэй перехватило дыхание.

Выждав некоторое время, чтобы ее уход не выглядел чересчур поспешным, она вернулась в дом Дэвисов.

После завтрака Кларк и Марти сидели, попивая кофе. Им не часто удавалось поговорить спокойно.

— Посмотри-ка, мы превратились в настоящую растущую церковь, — заметил Кларк.

— Да, приятно, что люди находят время прийти...

— Я не об этом.

— А о чем?

— Я заметил, что Нандри и Фрэн ждут прибавления в семействе.

Марти улыбнулась. Она тоже заметила это. Впрочем, сама Нандри уже успела застенчиво поделиться с ней своей радостью.

— Семья растет, — помолчав, сказал Кларк. — Мне кажется, мы слишком затянули с этим...

— С чем?

— Наш дом... Он стал слишком тесным. Давным-давно пора построить новый.

— Почему ты завел этот разговор сейчас? Днем теперь дома только я да Люк. А скоро и он пойдет в школу.

— Ты права, — сказал Кларк, — но утром все они здесь, и сюда же они возвращаются вечером, причем частенько не одни, если ты заметила.

В самом деле, Мисси и Клэр в последнее время нередко приводили домой кого-нибудь из друзей. Арни вымахал с отца, и если он и Кларк одновременно находились в комнате, казалось, что они заполняют собой все пространство. Элли, их маленький мотылек, скоро тоже начнет приводить домой подружек. Марти подумала про малыша Нандри, который скоро появится на свет. Потом вспомнила про Клэй и молодого пастора. Не успеешь оглянуться, Мисси тоже станет взрослой и к ней начнут заглядывать молодые люди.

— Наверное, ты прав, — сказала она. — Нам и правда нужен дом попросторнее. Просто, когда они все уходят в школу, здесь очень тихо и пусто. Этот дом тесноват, но в нем всегда было так уютно... — Она погладила мужа по руке. — Спасибо тебе, что...

— Это я должен благодарить, Марти, — перебил жену Кларк, ласково сжав ее руку. — Пока тебя здесь не было, этот дом и не был домом — только крыша и стены.

Глаза Марти затуманились, она слегка улыбнулась.

— Так ты считаешь, что нам нужно жилище побольше?

— Думаю, за зиму я сумею заготовить лес, — ответил он. — Я ведь уже давно думаю про дом. Хочу обшить его досками, хорошими досками.

— Но это стоит кучу денег.

— Нет, это не так уж дорого. За рекой теперь есть лесопилка. Отвезу бревна туда. И еще кое-что. Хочу сделать его двухэтажным — как думаешь? Не чердак или сеновал, а настоящий

второй этаж с лестницей... Как в домах на Востоке.

Марти затаила дыхание.

— Не слишком ли большие планы? По-моему, ты немного размечтался, — осторожно заговорила она, не желая охлаждать пыл мужа слишком резко.

— Может быть, может быть... Но я хочу, чтобы ты помечтала вместе со мной. Пусть в этом доме будет все, что ты хочешь. В нем будут большие окна, просторные шкафы для одежды вместо крючков — все, что душе угодно. Подумай об этом и запиши все, что тебе придет в голову. Посмотрим, может быть, кое-какие пожелания удастся осуществить.

— Когда, Кларк? — спросила Марти. От планов мужа у нее захватило дух, но она волновалась, не слишком ли многого он хочет.

— Думаю, к следующему году я не успею, — ответил он. — Столько леса за одну зиму мне не заготовить, но через два года — как пить дать.

— Все это... похоже на сказку, — пробормотала потрясенная Марти, все еще не веря своим ушам.

Кларк усмехнулся и поднялся. Он подошел к жене и погладил ее по волосам.

— Я говорил вам когда-нибудь, что люблю вас, миссис Дэвис?

— Да, мне приходилось это слышать, — ответила Марти, слегка сморщив нос, — но я не возражаю услышать это еще раз. — Она прижала руку мужа к своей щеке.

Он привлек ее к себе и поцеловал в лоб.

— Кстати, — сказал он, — кофе удался как никогда.

Глава двадцать восьмая. Жизнь и учеба

Мисси окончила школу, завершился ее последний учебный год. В школу пошел Люк. Клэй предстояло отработать еще один семестр. Она надеялась, что после этого ее место займет Мисси, которая тоже решила отправиться в педагогическое училище, чтобы стать учительницей.

Клэй теперь снова жила у Дэвисов. Девушка стала прекрасной учительницей, и дети любили ее, однако она решила, что не хочет посвящать всю свою жизнь работе в школе. Марти не сомневалась, что из Клэй получится прекрасная жена священника. Львиная доля пасторских визитов мистера Бервика приходилась на их дом, хотя он не оставлял своим вниманием и остальных прихожан. Впрочем, пристальный интерес молодого пастора к Дэвисам огорчал одну лишь миссис Уотли.

Предстоящая разлука с Мисси пугала Марти. Пожалуй, расставаться с ней было даже тяжелее, чем с Клэй. Ведь Мисси пошла в школу, не достигнув и шести лет, и окончила ее еще совсем юной. Но Марти понимала, что должна готовиться к неизбежному.

Всю зиму Кларк заготавливал бревна и возил их на лесопилку за рекой. Дела шли неплохо, и он считал, что справится со строительством в намеченный срок.

У Нандри родилась девочка, которую назвали Тиной Мартой. «В честь двух бабушек», — решила Нандри. Марти была очень тронута.

— Ну что, дед, — сказала она Кларку, взяв крохотное, нежное создание на руки, — вот у нас и появились первые внуки.

В семье это стало новым поводом для шуток. Маленький Люк поинтересовался, может ли он по-прежнему называть родителей мамой и папой.

Почти одновременно родился малыш у Томми. Фрэн произвела на свет здорового, крепкого мальчугана. Его назвали Беном, и он сразу стал Беном-младшим.

Салли Энн родила третьего ребенка, но малышка Эмили прожила всего три дня, и на кладбище рядом с церковью появился небольшой свежий холмик.

Ретт Маршалл научился управлять упряжкой лошадей не хуже взрослых. Он любил животных — домашних и диких — и даже приручил молодого зайца. Станный мальчик, говорили о нем соседи, но в их голосе звучало одобрение. Порой кое-кто из фермеров нанимал его поработать — ведь он как никто знал подход к четвероногим и был крепок и силен.

Марти вспомнила, как много лет назад случайно подслушала разговор доктора с одной из соседок.

— Я все думаю, доктор, — сказала женщина, — не жалеете ли вы... ну, в общем, не думаете ли вы, что, может быть, не стоило так сражаться за жизнь сына Маршаллов?

— Разумеется, нет, — ответил тот и добавил: — Не в моих силах дарить или отнимать жизнь — это дело Создателя. И если уж Он сделал это, полагаю, у Него были на то Свои причины.

Марти вспоминала эти слова каждый раз, когда видела, как Ретт подзывает свистом диких птиц или приручает луговых собачек⁵. Она думала об этом, наблюдая за Вандой и Кэмом, глаза которых светились любовью и гордостью за сына.

Ферма семьи Ла Хэй не имела больше ничего общего с тем, что она представляла собой при Джедде Ларсоне. Зик Ла Хэй был отличным фермером и умел обращаться с землей. Он

собирал прекрасный урожай, и его хозяйство процветало. Зик вырыл колодец, построил новый скотный двор и обнес свои владения ровной изгородью. Миссис Ла Хэй по-прежнему была слаба здоровьем. Старший сын Ла Хэев, Натан, женился на девушке из города и привел ее в родительский дом. Она оказалась милой и работающей и взяла на себя большую часть работы по хозяйству, чем была очень довольна миссис Ла Хэй.

Марти сидела в кресле-качалке, штопая порванные штанишки Люка, и думала, как многое изменилось. Появились новые соседи. Свободной земли в округе почти не осталось. Город расширялся, в нем, как грибы после дождя, росли новые дома, лавки и мастерские. Горожане построили собственную церковь, в которую пригласили пастора. Теперь там были даже свой шериф и свой банк. До соседнего города ежедневно ходил дилижанс. Все изменилось так сильно, что поселенцы уже не чувствовали себя первопроходцами. Да, теперь у них было все необходимое.

У них была своя церковь, своя школа, свой доктор, к которому можно обратиться в любой момент. Марти давно перестала считать себя женой первопоселенца.

Летом Клэй и молодой пастор поженились. Они не стали приглашать священника из города, а отправились на родину Джозефа. Пастору Джо не терпелось познакомить Клэй со своими родными, к тому же он очень хотел, чтобы свадебную церемонию провел его бывший пастор, а ныне близкий друг. Дэвисы были огорчены, что не смогут присутствовать на церемонии, но по возвращении молодых они устроили праздничный ужин, на который пригласили соседей со всей округи.

Школьный совет согласился за весьма умеренную плату сдать в аренду пастору и его жене учительский домик. Это вполне устраивало Мисси, которая, приступив к выполнению своих обязанностей, предпочитала жить дома. Без сомнения, она помнила о том, что жизнь в одиночку накладывает на поведение молодой девушки определенные ограничения.

Кларк вовремя заготовил нужное количество леса, несмотря на происшествие, которое едва не стоило ему жизни.

Он рубил деревья на горном склоне, когда лезвие топора неожиданно соскользнуло с сучка и вонзилось ему в ногу. Рана оказалась глубокой, но Кларк заткнул ее мхом и наложил на нее тугую повязку, разорвав рубашку. С трудом взобравшись на Принца — одну из молодых рабочих лошадей, — он двинулся к дому. На его счастье, по пути ему встретился Том Грэхэм.

Принц был необъезжен, и ослабевший Кларк, который потерял много крови, еле сдерживал его. Том помог ему перебраться в повозку и лечь.

Том гнал лошадей во весь опор. Добравшись до фермы, он набросил поводья на изгородь, помог Кларку доковылять до дома, вскочил на лошадь и бросился за врачом.

— Если кровотечения не будет, — бросил Том через плечо, — лучше не трогать ногу, пока не приедет доктор.

Увидев Кларка в таком состоянии, Марти едва не лишилась чувств. Он успокаивал ее, уверяя, что все в порядке, но был бледен и едва держался на ногах. Встревоженная Марти, не зная, что предпринять, уложила его в постель.

Она внимательно осмотрела ногу и с облегчением увидела, что свежей крови нет.

— Может, съешь немного супа? Тебе ведь нужно восстановить силы. — Будучи женщиной, Марти в первую очередь вспомнила о еде.

Поначалу Кларк не выказал воодушевления, но затем кивнул, предупредив:

— Только не горячего — теплого.

Марти исполнила его желание. Время до приезда доктора тянулось невыносимо медленно. Наконец со двора послышался топот копыт. Пока доктор промывал рану и накладывал швы, Марти вышла из комнаты. Пару раз до нее доносились стоны Кларка, и она чувствовала, как у нее подгибаются ноги.

— Что с вами? — Голос доктора заставил ее вздрогнуть. — Вы еще бледнее, чем раненый. Вам нужно посидеть и выпить чашку некрепкого чаю с медом. — Он усадил ее на стул и стал хозяйничать на кухне.

Налив ей чаю, доктор сказал:

— Вашему мужу нужно немного отдохнуть, но он скоро поправится. Он молод и крепок. Он справится. Главное — не давайте ему вставать, пока он не выздоровеет окончательно. Должен сразу предупредить — это будет нелегко. Пусть чинит одежду или собирает лоскутное одеяло.

В глазах доктора блеснул озорной огонек, и Марти невольно рассмеялась, представив Кларка с крохотной иглой в огромных, загрубевших от работы пальцах. Доктор похлопал ее по плечу и тоже засмеялся.

Несмотря на то, что рана была глубокой и Кларк потерял много крови, нога зажила быстро и безо всяких осложнений. Арни и Клэр отлично справлялись с работой по дому, о своих успехах они докладывали отцу за ужином.

Как и говорил доктор, труднее всего было удержать Кларка в постели. Он ворчал и сердился, что ему не дают заниматься делом.

Их новый зять, пастор Джо, частенько заглядывал к Кларку поиграть в шашки. Обычно он приводил с собой Клэй. Навещали Кларка и другие соседи. Они сообщили, что еще до весенней оттепели отвезут поваленные им деревья на лесопилку, как он и планировал. Кларк от души поблагодарил за помощь. Они, в свою очередь, напомнили ему, как часто он сам поддерживал их в трудную минуту.

Мисси приносила для отца книжки из школы, чтобы он мог скоротать время.

Наконец тяжелое испытание закончилось: доктор объявил, что рана зажила, и позволил больному встать. Кларк прихрамывал, но вместе с домашними радовался выздоровлению. Марти замечала, что порой хромота усиливалась. Однако когда она спрашивала мужа, не болит ли нога, он отмахивался, говоря, что волноваться не о чем.

Теперь днем Марти и Кларк оставались дома вдвоем. Это началось с тех пор, как Мисси уехала учиться, а Люк пошел в школу.

Когда Кларк поправился, он вновь занялся заготовкой леса. Верные своему слову, соседи уже отвезли все поваленные бревна на лесопилку, но, по подсчетам Кларка, ему требовалось еще четыре повозки бревен.

По утрам Марти с тревогой провожала мужа в лес и, когда он, цел и невредим, возвращался в конце дня домой, произносила про себя благодарственную молитву.

Она думала о весне и начале строительства долгожданного дома. Теперь ей очень хотелось, чтобы оно началось поскорее — ведь это означает, что ежедневные поездки в лес наконец-то прекратятся.

Марти наблюдала, как рос новый обшитый досками дом. Он оказался куда больше, чем она мечтала. Во всех комнатах были большие окна, а в гостиной, общей комнате и их с Кларком спальне — камин.

Кларк нанял двух помощников из города, поэтому строительство не прекращалось, даже когда он работал в поле. Марти измерила окна и купила материю на шторы, чтобы сшить их

заранее и повесить, как только дом будет закончен.

К осени он был еще не совсем готов, но Рождество семья собиралась отмечать уже на новом месте. Нандри и Джош с маленькой Тиной и будущим малышом, пастор Джо и Клэй — все смогут собраться за семейным столом с рождественской индейкой. Если им захочется, останутся на ночь, и никто не будет наткаться друг на друга в самых неподходящих местах.

Это было большое событие в жизни семьи, и за шитьем Марти часами строила планы и мечтала.

Глава двадцать девятая. Ухажеры Мисси

Подведя черту и поставив оценку, Мисси с облегчением вздохнула и закрыла тетрадь. Не верится, что вот уже второй год она работает в школе! Ей нравилось это занятие. Сказать по правде, в классе было несколько юных негодников, которые отравляли ей жизнь, и среди них ее младший брат Люк, — и все же она была довольна, что стала учительницей.

Мисси сложила книги аккуратной стопкой и принялась стирать с доски. Она стояла спиной к двери и, когда кто-то внезапно закрыл ей глаза руками, вскрикнула от неожиданности.

— Эй, ты что, не бойся! — услышала она знакомый голос. — Я не хотел тебя напугать.

Мисси обернулась и увидела Вилли Ла Хэя. Ей тут же вспомнились дохлая мышь, кузнечик в коробке для завтрака и прочие мерзкие проделки Вилли. Мисси отпрянула, вздрогнув от отвращения.

— Вилли Ла Хэй! — В ее голосе звучало негодование. — Когда же ты наконец повзрослеешь? Когда...

Она осеклась, так как увидела, что Вилли Ла Хэй стал совсем взрослым — по крайней мере внешне. Юноша стоял перед ней, расправив широкие плечи. Под его рубашкой перекачивались упругие мускулы, лицо было обрамлено густыми бачками, а подбородок — чисто выскоблен. Он уже давно брился.

Она молчала, не зная, как дать выход своему гневу. На губах Вили блуждала знакомая, всегда выводившая ее из себя, озорная улыбка.

Наконец она резко повернулась, крутнувшись на каблучке:

— Теперь, когда ты поразвлекся, можешь отправляться на все четыре стороны! У меня нет времени.

— Но я зашел поговорить с новой школьной учительницей, — сказал он, нимало не смущаясь ее вспышкой. — Мне кажется, пришла пора повторить алфавит. — Он обошел Мисси и теперь снова стоял перед ней. — Я помню только «я» — «яблоко», «и» — «искушение» и «е» — «Ева».

— Во-первых, не смешно, а во-вторых, не густо.

— Да, — добавил Вилли. — Еще «д». Но я помню только одно слово на эту букву — «дорогая».

Мисси так рассердилась, что ей захотелось запустить в Вилли щеткой для мела, которую она все еще держала в руке.

— Вилли Ла Хэй! — сурово произнесла она.

— Знаю, знаю, — примирительно сказал Вилли. — Это не смешно. На самом деле я зашел, чтобы поделиться хорошей новостью.

— А именно? — поинтересовалась Мисси.

— Я уезжаю.

— Ты что?!

— Я уезжаю. Хочу поехать дальше на запад. — Внезапно Вилли стал очень серьезным.

— Куда?

— Не знаю. Ты же знаешь, папа хотел поехать дальше. Если бы мама не заболела, мы бы здесь не остались. Я всегда думал об этом. Мне хотелось посмотреть, что там, за горами. Теперь папа вряд ли стронется с места, Натан женился и, насколько я понимаю, они вполне

обойдутся без меня.

Мисси немного остыла и была готова продолжать разговор, если Вилли не станет дурить.

— А что думает об этом твой отец?

— Я ему еще не говорил.

— Когда ты уезжаешь?

Вилли пожал плечами.

— Не знаю. Смотря как пойдут дела.

— Какие?

— Мама неважно себя чувствует, ну и еще кое-что. Я думал, может быть, следующим летом.

— Значит, еще не скоро?

— Посмотрим.

Мисси снова повернулась к доске и принялась вытирать мел.

— Как работа? — спросил Вилли.

— Все в порядке, — ответила Мисси. — Правда, сегодня пришлось поставить в угол Люка.

— Что он натворил?

— Окунул ленты Элизабет Энн в чернильницу.

— Безобразия! — засмеялся Вилли.

Мисси вспомнила собственные ленты, испачканные чернилами, и того, кто это делал.

— Не смешно, — снова вскипела она. — Ленты стоят денег.

— Наверное. Это как-то не приходило мне в голову.

— Я сказала Люку, что теперь ему придется экономить деньги, чтобы купить Элизабет Энн новые ленты.

— Ты мудрая учительница.

— Я не мудрая, я...

— Хорошенькая?

— Хватит! Послушай, если ты не можешь разговаривать нормально, уходи.

Мисси подошла к окну, чтобы закрыть его. Как всегда, окно не поддавалось.

— Дай я помогу.

Стоя прямо у нее за спиной, Вилли протянул руки к окну. Мисси оказалась в ловушке между его руками и окном. Краска бросилась ей в лицо. Она не оборачивалась, чтобы не оказаться лицом к лицу с Вилли.

Но окно по-прежнему не закрывалось. Глядя на мускулистые руки Вилли, Мисси догадывалась: дело вовсе не в недостатке силы.

— Тебе тоже не закрыть? — спросила она на удивление спокойным голосом.

— Его в самом деле заклинило.

— Вилли Ла Хэй! — взорвалась девушка. — Да ты просто врун!

— Да, — улыбаясь, согласился Вилли и бесшумно закрыл окно. Перед ним, между его вытянутыми руками, стояла Мисси.

Но прежде чем он успел сделать следующий шаг, Мисси быстро нагнулась и выскользнула из ловушки. Ее глаза метали молнии. Она отступила назад, схватила свое пальто и уже с порога крикнула:

— Перед уходом не забудь закрыть дверь!

Осенью у Мисси появился первый ухажер. Разумеется, речь шла не о Вилли — его она в расчет не принимала. Марти знала, что рано или поздно в жизни их дочери наступит такая пора, и все же случившееся застало ее врасплох.

В педагогическом училище Мисси была самой младшей в группе. Судя по всему, она пользовалась успехом, хотя никогда не говорила об этом дома. Время от времени она упоминала того или иного из своих друзей, однако Марти считала, что речь идет просто о случайных приятелях. Однако в один прекрасный день в дверях дома Дэвисов появился рослый рыжеволосый молодой человек, воспитанный и хорошо одетый. К изгороди была привязана красивая лошадь, явно скаковой породы.

— Добрый день, — поздоровался он. — Меня зовут Грант Томас. Могу я увидеть мисс Мелиссу Дэвис? — вежливо поинтересовался он.

Марти опешила.

— Гм... да... разумеется. — Справившись с замешательством, она наконец обрела дар речи. — Прошу вас, проходите.

— Благодарю. Вы ее мать? Она много рассказывала о вас.

Марти все еще не вполне пришла в себя.

— Да, гм... прошу вас, проходите... Я позову Мисси... то есть Мелиссу.

Мисси была рада видеть гостя. Марти внимательно наблюдала за девушкой, пытаясь заметить нечто большее, чем радость от встречи с однокашником.

Грант остался на ужин и оказался тихим, разумным молодым человеком. Он очень понравился Кларку, и Марти пыталась незаметно предостеречь мужа, чтобы тот не слишком усердствовал, поощряя гостя.

За ужином молодые люди болтали и смеялись, явно наслаждаясь обществом друг друга. Марти была в смятении — ведь Мисси еще совсем юная, всего семнадцать лет! «Господи, прошу тебя, я еще не готова расстаться с ней», — взмолилась она.

Грант сказал, что хочет вернуться в город до темноты, и Мисси оседлала Леди и немного проводила его.

Когда она вернулась, Марти заметила, что, прежде чем отвести Леди на выпас, девушка спокойно вычистила лошадь. Потом она подошла к дому и вымыла руки. В ее поведении не было ничего необычного. Ненадолго задержавшись на крыльце, чтобы похвалить вышитую Элли подушечку для булавок, Мисси вошла в кухню. Она мурлыкала под нос какую-то песенку.

Марти, стараясь держаться как ни в чем не бывало, поспешно склонилась над вязаньем.

— Этот Грант... — сказала она как можно небрежнее. — Что-то я не припомню, чтобы ты о нем рассказывала.

— Да рассказывать-то особо и нечего...

«Сейчас она пойдет на хитрость, — подумала Марти. — Расскажет какую-нибудь ничего не значащую ерунду, только чтобы от нее отвязались».

— Он старше меня на три года, — продолжала Мисси, — однако он совсем еще ребенок. Его мама преподает на женских курсах, а отец — доктор. Его родители живут в большом каменном доме на Мапл-стрит, это совсем рядом с училищем. Они любят гостей и все время приглашают к себе друзей Гранта, всех подряд — попить чаю, поиграть в теннис, просто посидеть... — Она неопределенно улыбнулась.

Однако Марти было не так-то просто сбить с толку.

— Скажи, ты тоже с ним дружишь?

— Можно и так сказать.

— У вас близкие отношения?

— Ох, мам, — вздохнула Мисси, усаживаясь в кресло рядом с Марти. — Скажи, как объяснить парню, что он очень славный, но совсем тебя не интересуется?

— Ты сказала ему об этом?

— Мне кажется, я делала это раньше.

— А сегодня?

— Я думаю, он все понял.

Мисси пожалала плечами и ушла к себе в комнату. Марти сидела, позвякивая спицами. Она пыталась вспомнить, что говорила молодым людям, которые ухаживали за ней. Она надеялась, что их гость правильно понял Мисси. Бедняга Грант! Сочувствуя незадачливому ухажеру, она тем не менее испытывала облегчение.

Однако спокойствие Марти длилось недолго, поскольку вскоре Лу Грэхэм попросил у Кларка позволения зайти к ним в гости. Лу нравился Марти, но она никак не могла смириться с мыслью, что Мисси стала взрослой. Когда молодые люди стали поглядывать на Нандри и Клэй, те были старше своей приемной сестры, и Марти надеялась, что у них с Мисси есть еще в запасе пара лет. Возможно, так бы оно и было, если бы соседские парни не смотрели на вещи иначе.

Теперь в гостиной Дэвисов сидел Лу. Они с Мисси играли в шашки. Марти заметила, что Мисси нарочно поддается Лу. Девушка отлично играла, но положение на доске складывалось явно не в ее пользу. Однако Лу играл рассеянно и не замечал открывшихся возможностей.

Клэр, Арни и Люк недоумевали, почему вместо того, чтобы подковыривать вместе с ними лошадей — как раньше — Лу сидит в четырех стенах, склонившись над доской. В конце концов мальчики отправились спать, так и не поняв, в чем дело.

После игры Мисси сварила какао и нарезала кекс. Она пригласила родителей посидеть с ними на кухне. Кларк и Марти с удовольствием поболтали с Лу, которого знали с раннего детства.

Мисси немного проводила гостя и подождала, пока он отвязал лошадь и уехал домой.

— Он приедет еще? — спросил Мисси Кларк, когда та вернулась на кухню.

— Думаю, да, — ответила Мисси без особого воодушевления.

— Приятный мальчик, — заметила Марти.

— Угу. Все Грэхэмы приятные.

— Помнишь, как ты собиралась замуж за Томми? — спросила Марти.

Мисси засмеялась.

— Бедный Томми! Наверное, он чувствовал себя ужасно. Я ведь говорила об этом на каждом углу, но он мне и слова не сказал.

— Теперь все это в прошлом, — задумчиво сказала Марти. — А у Тома появилась Фрэн.

— А у меня?

Марти удивленно посмотрела на девушку.

— Ведь ты думаешь обо мне, да, мам? Думаешь, что творится со мной?

— Честно говоря, да, — призналась Марти. — Я думаю о тебе.

— Я сама не знаю, — сказала Мисси, покачав головой. — Пожалуй, чтобы разобраться, мне нужно время.

— Тебя никто не торопит, — сказал Кларк, а Марти подумала, что он выразил и ее

мысли.

Лу продолжал заходить к Дэвисам.

Мисси держалась приветливо, но Марти видела, что любовью здесь и не пахнет. Впрочем, это ее не слишком огорчало.

Глава тридцатая. Открытие Мисси

Мисси уже собиралась запирать школу, когда дверь отворилась и вошел Вилли.

— Я должен был постучать? — спросил он.

— Не помешало бы.

— Извини, — сказал Вилли. — В следующий раз непременно постучу.

Мисси стояла, застегивая пальто.

— Кстати, следующего раза может и не быть.

Мисси подняла глаза.

— Я вроде как... ну, в общем, я пришел попрощаться.

— Так ты все же уезжаешь?

— Да.

— И когда же?

— Послезавтра.

— Ты же говорил, что подождешь до лета.

— Я говорил, что посмотрю, если ты помнишь.

— Гм... да... кажется. Значит, твоя мама поправилась?

Вилли покачал головой.

— Боюсь, что нет. Думаю, она уже никогда не поправится. — В его голосе слышалась печаль.

— Мне очень жаль, — мягко сказала Мисси. — Как ты поедешь?

— Доберусь дилижансом до железной дороги. Потом поеду поездом — как можно дальше. Если решу отправиться еще дальше, куплю лошадь или повозку.

— И что ты собираешься делать? Добывать золото?

Вилли почувствовал в тоне Мисси насмешливую нотку, но сделал вид, что не заметил этого.

— Хочу разводить скот. Найду место, где можно развернуться, и заведу свое стадо. Мне не очень нравится работать на земле, а вот заниматься скотоводством — это да.

— Что ж, удачи тебе! — К собственному удивлению, Мисси сказала это совершенно искренне, и с еще большим изумлением поняла, как сильно ей хочется, чтобы Вилли и в самом деле сопутствовала удача.

— Спасибо, — сказал Вилли.

Немного помолчав, он добавил:

— Да, я тебе кое-что принес. За мной ведь должок.

Он сунул руку в карман и вытащил алые ленты для волос.

— Если не ошибаюсь, те были чуть поярче, но других я не нашел.

— О, Вилли, — прошептала Мисси, внезапно почувствовав, что сейчас заплачет. — Это не важно... ведь я... я все равно больше не ношу таких лент.

— Тогда сохрани их для своей дочки. Если она будет похожа на маму, то сведет с ума уйму мальчишек, а значит, ее ленты все время будут испачканы в чернилах.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Прощай, Мисси, — чуть слышно сказал он. — Всего тебе самого хорошего.

— Прощай, Вилли, спасибо. И да хранит тебя Господь.

Мисси показалось, что Вилли еле слышно произнес: «Я люблю тебя», но, возможно, ей

только почудилось.

Всю ночь Мисси не спалось, она ворочалась, то и дело поправляя и переворачивая подушку. Мисси не понимала, что с ней творится. Лишь одно она знала наверняка. Ей нужно встретиться с Лу и прямо сказать ему, что он навсегда останется ее другом, но не более того. Однако, несмотря на это решение, ее смятение не прошло. Она сунула руку под подушку, чтобы снова потрогать красные ленты. Этот Вилли Ла Хэй просто сумасшедший! Почему она так разволновалась и почему мысль о его отъезде так тяжела для нее? Неужели после стольких лет ссор и препирательств она умудрилась влюбиться в него? Ерунда какая-то!

Мисси так и не справилась с душевной смутой.

На следующий день дети Коффинс сообщили, что ночью скончалась миссис Ла Хэй. Уроки прошли как в тумане. Сердце Мисси разрывалось при мысли о Вилли. Он так любил свою мать! Что он будет делать? Едва ли он уедет на завтрашнем дилижансе.

Если бы она могла поговорить с ним, посочувствовать ему, взять назад самые резкие слова, которые наговорила ему за много лет...

Наконец школьный день закончился. Мисси объявила, что завтрашние занятия отменяются, поскольку община понесла тяжелую утрату.

В тот же вечер к Дэвисам зашел Лу. То, что он пришел накануне похорон в семье соседей, показалось Мисси бестактным. Она довольно резко объяснила Лу, что подобным визитам пора положить конец. Удрученный Лу вскочил на лошадь и отправился восвояси.

На следующий день на кладбище появилась еще одна могила. Мисси стояла рядом с теми, кто пришел проститься с умершей, и ветер трепал полы ее пальто.

Когда все двинулись в церковь, чтобы немного согреться и выпить горячего кофе, Мисси пошла в противоположную сторону, на дальний конец кладбища, — туда, где шумела листвой небольшая рощица.

Она остановилась, прислонившись спиной к дереву. Она стояла молча, надеясь, что он подойдет к ней.

— Мисси?

Она обернулась.

— Мне очень жаль, Вилли, правда, жаль... — По щекам девушки текли слезы.

Вилли опустил голову, чтобы она не заметила его слез, потом смахнул их.

— Спасибо, — сказал он, — но ты знаешь, я даже рад — можно и так сказать, — что это случилось, пока я был здесь. Если бы ее не стало после моего отъезда, я бы никогда не простил себе этого.

— Ты не передумал ехать?

Вилли взглянул на нее с удивлением.

— Ты ведь говорил, что это зависит от здоровья твоей мамы, я просто не поняла...

— Я не сказал, что только от этого. Я сказал, что посмотрю, как будут обстоять дела.

— Какие? — Мисси помнила, что задает этот вопрос не впервые.

Какое-то время Вилли молчал, потом с усилием произнес:

— Речь о тебе, Мисси, о тебе и о Лу. Ты ведь знаешь, как я всегда к тебе относился. А теперь, когда... ну, в общем, ведь ты теперь с Лу... а значит, что мне остается...

— Но мы с Лу не... мы не...

— Но он все время к тебе приезжает!

— Все кончено. Да и не было ничего — мы просто дружили, а вчера вечером я попросила его больше не приезжать.

— Это правда? Мисси, скажи, это правда?

— Да.

Вилли снова замолчал. Кашлянув, он выдавил:

— Так может... так я... могу... могу я зайти к вам?

— Ты сумасшедший, Вилли Ла Хэй, — ласково сказала Мисси и обвила его шею руками. — Когда ты наконец повзрослеешь?

Вилли заглянул ей в глаза и увидел там любовь, на которую он уже не смел надеяться. Он привлек девушку к себе и нежно обнял ее. Вилли Ла Хэй повзрослел неожиданно и сразу.

Глава тридцать первая. Рождественские сюрпризы

Как и обещал Кларк, новый дом был готов еще до Рождества. Переезд оказался нелегкой работой, и, таская вещи на новое место, Марти сказала Кларку, что ей бы не хотелось заниматься подобным еще раз. Но когда была расставлена мебель, повешены шторы и все устроились в своих комнатах, — радости не было конца. Марти и Кларк впервые пили кофе в новой кухне и благодарили Бога за то, что Он так милосерден к ним и их семье.

— Кофе, как всегда, отменный. Ты должна быть довольна, — весело сказал Кларк, поднимаясь, чтобы отправиться на скотный двор.

Вилли Ла Хэй стал частым гостем в доме Дэвисов и очень понравился Марти и Кларку. Уж если им придется расстаться с Мисси, пусть утешением им послужит то, что она выйдет замуж за такого хорошего парня.

Однако в сочельник Вилли невольно заставил их поволноваться. Разговор зашел про скот. Джош сказал, что хочет купить породистую свиноматку, и Вилли заявил, что именно этим ему хотелось бы заниматься: купить несколько породистых коров и постепенно создать свое стадо. Но сначала ему нужно найти подходящее место для будущего ранчо. Следующей весной он думает отправиться на разведку. Найдя подходящую землю, он вернется за Мисси.

Кларк умолк, а Марти покачала головой.

— Ты не хочешь возделывать землю где-нибудь по соседству? — растерялся Кларк.

— Я вообще не хочу работать на земле, — ответил Вилли. — Мне страшно хочется обзавестись собственным ранчо.

— И как далеко ты намерен отправиться? — нерешительно спросила Марти.

— Думаю, за несколько сотен миль.

Внутри у Марти все оборвалось. Вилли хочет уехать на Запад! Вилли собирается жениться на ее девочке. Боже милосердный, он увезет нашу Мисси на Запад!

Она беззвучно выскользнула из кухни, надеясь остаться незамеченной, и оказалась в прохладной кладовке, где прижалась лбом к дверце буфета.

«Господь милосердный, — взмолилась она дрожащими губами. — Прощу Тебя, помоги нам! Пусть он выбросит эти глупости из головы...» Внезапная мысль заставила ее вздрогнуть: «Знает ли об этих планах Мисси?» Но Мисси была уже тут как тут.

— Мама, — спросила она и погладила Марти по плечу. — С тобой все в порядке?

— Да, все нормально... все хорошо. — Марти выпрямилась.

— Это из-за того, что сказал Вилли?

— Признаться, я была просто потрясена. Я не знала о его планах.

— Жаль, я не сказала тебе раньше...

— Так ты знала?

— Ну конечно. Вилли говорит об этом бог знает с каких пор... Он мечтал об этом, еще когда мы не начали встречаться.

— Вот как?

— Я должна была тебе рассказать, — повторила Мисси. — Наверное, Вилли думал, что ты уже знаешь.

— Ничего, Мисси.

— Ты расстроилась, да, мам?

— Да... да... Пожалуй. — Марти старалась говорить спокойно.

— Наверное, так же чувствовала себя твоя мама, когда ты сказала, что хочешь уехать с Клемом.

У Марти на языке вертелось: «Знаешь что, девочка моя, ты не имеешь права говорить мне подобные вещи!» Но она сдержалась и, помолчав, сказала:

— Да, скорее всего, так оно и было.

Впервые Марти подумала о чувствах собственной матери и поняла, почему домашним было так тяжело смириться с ее отъездом.

— Да, — повторила она задумчиво, — так оно и было.

— Но ты любила Клема, — напомнила Мисси, — и понимала, что должна ехать с ним.

— Да, я любила его.

Мисси обняла Марти и прижалась к ней.

— Мама, если бы ты знала, как я люблю Вилли! Мы поедем дальше, на Запад. Мы откроем новые земли. Мы построим там школу, церковь и создадим новую общину. Мы вместе молились об этом. Ты понимаешь, о чем я, мама?

Марти привлекла к себе Мисси, свою маленькую девочку.

— Конечно, понимаю. Как же иначе? Мне придется свыкнуться с этим, вот и все. А теперь иди. А я ненадолго выйду, подышу воздухом.

Мисси не без колебаний подчинилась и направилась в гостиную, откуда доносились взрывы смеха.

Марти закуталась в теплую шаль и вышла на крыльцо, в ночную прохладу.

Небо было ясным, над головой мерцали звезды. Марти подняла лицо к небесам.

«Господи, — сказала она, — она Твое дитя. Мы уже давно передали ее в Твои руки, я и Кларк. Ты знаешь, какие чувства вызывает у меня ее отъезд, но если таково ее решение, помоги мне, Отец... Помоги мне принять это решение и отпустить ее. Храни ее, Господи, береги нашу девочку».

Теперь Вилли приходил к Дэвисам чуть ли не каждый день. Марти думала, что он вполне бы мог переехать к ним жить, чтобы не уезжать на ночь. Вилли нравился Кларку и Марти, и они были довольны выбором дочери, но разлука надвигалась так быстро! Как только молодые люди поженятся... Марти старалась не думать об этом. Целые дни Мисси была в школе, а вечера проводила с Вилли.

Молодая пара с воодушевлением строила планы на будущее. Вилли много говорил с теми, кому доводилось бывать западнее их мест. Многие из них советовали ему сначала двигаться в сторону гор, а потом ехать вдоль горной гряды на юго-запад. Зимой снег там не слишком глубок — таково было общее мнение, — а земля для пастбищ отменная. Вилли предупреждали, что, выбирая землю, нужно взвесить все за и против и, главное, позаботиться о том, чтобы круглый год иметь источник воды.

Однажды вечером, проводив Вилли, Мисси вернулась с пылающими щеками и полными слез глазами. Стараясь скрыть слезы, она быстро провела по щеке тыльной стороной ладони. Кларк и Марти удивленно посмотрели на дочь, но промолчали.

— Этот... этот... Вилли Ла Хэй!.. — вырвалось у Мисси. Не сказав больше ни слова, она убежала к себе в спальню.

Мисси так и не рассказала, из-за чего они поссорились. Но спустя пару дней все обиды, по-видимому, были прощены и забыты.

Десятого мая Вилли должен был отправиться на поиски новой земли.

Мисси попрощалась с ним наедине. Вилли заразил ее своим воодушевлением, и она

испытывала такое же радостное волнение, как и он. Ей так хотелось, чтобы он нашел хорошую землю и осуществил свою мечту, но разлука страшила ее. Кроме того, в дороге бывает всякое: вдруг он не вернется назад. Люди нередко рассказывали о тех, кто уехал, а потом заболел или погиб. Вилли снова и снова повторял, что он обязательно вернется. Ей очень хотелось верить ему, и она старалась отбросить дурные мысли, но не могла с ними справиться.

Она знала, что Вилли тоже терзают сомнения. Они много раз говорили о поездке на Запад, но возможно, им следовало поступить иначе? Может быть, им стоило пожениться, чтобы больше не расставаться? Однако такое путешествие было бы слишком тяжелым испытанием для Мисси. Найти хорошую землю было уже не так легко, как раньше. Скорей всего, Вилли придется несколько месяцев прожить в фургоне. В конце концов он решил, что заставлять пройти через это Мисси слишком эгоистично. Сначала он поедет один, а потом вернется за ней. Месяцы разлуки пролетят незаметно. Он будет молиться об этом.

Вилли беспокоило кое-что еще. По соседству с Дэвисами жили другие молодые люди, и среди них — Лу Грэхэм, а Мисси — весьма привлекательная девушка. Дождется ли она его? Но она не уставала твердить, что на этот счет Вилли может не волноваться.

И вот час разлуки настал. Мисси и Вилли вышли из дома, держась за руки.

— Боюсь, что время будет тянуться слишком долго, — сказала она, выразив их общие опасения.

Вилли остановился, повернул ее к себе и заглянул ей в глаза.

— Я тоже, — вздохнул он. — Я буду молиться, чтобы дни и недели бежали быстрее.

— О, Вилли... — Мисси расплакалась. — Я буду молиться о тебе каждую ночь... Пусть Господь хранит тебя и оберегает в пути. Возвращайся скорей!

— Я тоже буду молиться о тебе. — Вилли провел тыльной стороной ладони по щеке Мисси. Она уткнулась в его плечо и дала волю слезам. Он прижал девушку к себе, глядя ее длинные каштановые волосы. Не все мужчины умеют плакать, но он тоже плакал, и за это она любила его еще сильнее.

Настало время ехать. Вилли поцеловал ее еще раз, прошептал слова прощания и мягко отстранился. Вскочив на лошадь, он больше не оглядывался.

— Он вернется, — громко сказала себе Мисси. — Вилли непременно вернется!

Она подняла лицо к звездам и прошептала:

— Прошу тебя, Отец, позаботься о нем.

Впереди у Вилли было еще одно прощание. Зик Ла Хэй проводил сына до города, где накупил для него уйму ненужных вещей. Когда вереница повозок наконец собралась трогаться, Зик крепко пожал сыну руку и дал ему последнее напутствие:

— Будь осторожен, сынок. Если бы была жива твоя мама, она бы сказала: будь учтив с теми, кто встретится тебе на пути, но не позволяй помыкать собой. Береги себя и свое имущество. Содержи его в порядке, иначе от него будет мало проку. Сторонись разных темных дел — ты понимаешь, о чем я... Береги себя.

Вилли кивнул, поблагодарил отца и собрался было залезть в повозку, когда Зик Ла Хэй, отбросив обычную сдержанность, кинулся к сыну и горячо обнял его. Вилли тоже сжал отца в объятьях. Когда караван тронулся, Вилли увидел, что высокий, плечистый Зик Ла Хэй смахивает слезы с обветренного загорелого лица.

Глава тридцать вторая. Еще один сюрприз

В субботу, когда Марти вынимала из духовки хлеб, в дом вбежал запыхавшийся Люк.

Мисси сидела тут же, подрубая скатерть, и даже не взглянула на младшего брата, пока он не воскликнул:

— Вилли едет!

— Люк, перестань, — устало сказала Марти.

Мисси и без того чувствовала себя одинокой и несчастной. Прошел уже почти год с того дня, как уехал Вилли, и письма от него приходили не часто. Мисси тоже писала редко. Молодые люди не ленились писать, но почта доставлялась на лошадях и попадала к адресату очень нескоро.

— Но я не обманываю — сама посмотри! — возмутился Люк, показывая на дорогу.

Мисси бросилась к окну.

— Правда, мам! — закричала она срывающимся голосом и бросилась к дороге.

Марти стояла у окна, наблюдая, как Вилли остановил лошадь на скаку и соскользнул на землю.

Марти покачала головой.

— Мальчик отправился на Запад и вернулся живым, а теперь норовит сломать шею у нас во дворе. — Она с улыбкой смотрела, как обнимаются молодые люди, нимало не смущаясь тем, что их могут увидеть.

Марти снова занялась хлебом. Поначалу, когда Вилли уехал, она радовалась, что сможет еще какое-то время побыть с Мисси. Но заплаканные глаза девушки и следы бессонных ночей на ее лице заставили Марти молиться, чтобы Вилли вернулся как можно быстрее.

В тот вечер ужин прошел особенно весело. Мисси и Вилли, забыв о еде, не сводили друг с друга влюбленных глаз. Марти втайне надеялась, что поиски Вилли оказались тщетны и он решит поселиться неподалеку.

Кларк не выдержал первым:

— Так ты нашел, что искал?

— Конечно.

Сердце Марти оборвалось, но она старалась сохранять самообладание и продолжала улыбаться.

— И что это за место? — спросила она, удивляясь своему спокойному голосу.

— Знаете, мэм, — у Вилли загорелись глаза, — это одно из самых красивых мест на свете! — Он с улыбкой посмотрел на Мисси.

Марти поднялась, чтобы подложить на общее блюдо картошки. Молодой человек продолжал свой рассказ:

— Высокого леса в тех краях нет — только жесткий кустарник в лощинах. Пологие холмы покрыты сочной травой. Я нашел в долине замечательное место, чтобы построить дом: кругом зелень, ветра нет, рядом речка, в которой бьют ключи. Воды там вообще вволю. Я отыскал три источника, может быть, и еще есть — пока не знаю.

Воодушевление Вилли было заразительным.

— Жаль, сынок, что я теперь старый калека. Мне уже самому хочется туда, — усмехнулся Кларк.

Марти поставила на стол блюдо с картофелем, подошла к Кларку сзади и легонько

взъерошила его волосы.

— Я не желаю быть женой увечного старика, Кларк Дэвис, — сказала она. — Или, может, ты говоришь о ком-то другом?

Все засмеялись.

— Тебе удалось купить этот участок? — Кларк был человеком практичным. — Мало найти хорошую землю, нужно стать ее хозяином.

— На это ушло время, — кивнул Вилли. — Вы не представляете, сколько порогов я обил: поди сюда, сходи туда, поговори с тем, повидайся с этим, оформи бумаги... Мне уже не верилось, что этому придет конец.

Он улыбнулся и покачал головой.

— В конце концов я это сделал. Я получил бумагу, где написано, что эта земля принадлежит мне. Это не так уж далеко... — Марти не сомневалась, что это было сказано ради нее. — Каждое лето там проходит несколько караванов с товаром для южных городов — они охотно берут пассажиров. Так что можно доехать туда целым и невредимым.

Значит, Мисси все же придется добираться в фургоне. Марти вспомнила, как когда-то она сама отправилась в подобное путешествие и как быстро и страшно оно закончилось. В глубине души ей хотелось, чтобы Мисси и правда поехала туда с караваном повозок. Она подошла к плите и стала машинально подкладывать в нее дрова, но плита и без того была полна, и она остановилась. Еще немного, и на кухне будет нечем дышать.

Делать вид, что ничего не происходит, больше нельзя. Их Мисси, их дорогая девочка, уезжает на Запад! Еще немного, и они расстанутся. Марти долго старалась не думать об этом, надеясь, что что-нибудь изменится, и молодые люди передумают. Но теперь перед ними сидел радостный Вилли с бумагами, подтверждавшими его собственность на землю, а рядом — счастливая Мисси, которая слушала его, боясь пропустить хоть слово и готовая немедленно сорваться с места. Остановить их уже невозможно.

Марти незаметно выскользнула из кухни, чтобы прогуляться до родника.

Приближался день свадьбы, и в доме царила суматоха, связанная с приготовлениями к торжеству, а вместе с ним — и к отъезду. Нужно было решить, что понадобится Мисси на новом месте, хватит ли для этих вещей места в фургоне и выдержат ли они долгое путешествие.

Марти открыла свой старый дорожный сундук и достала кружевную скатерть — свадебный подарок бабушки, которая сплела это кружево своими руками. В основном вещи, когда-то привезенные Марти из родительского дома, давно были пущены в дело, но эта скатерть лежала нетронутой. Здесь же хранилось покрывало, которая сшила мать Марти. Его она сохранит для Элли.

Мисси нужно не только запастись столовым и постельным бельем, но и подумать о своем гардеробе. Дочери предстояло долгое путешествие, в котором ей понадобятся легкие и прочные платья, подходящие для летней жары и походных условий.

Мисси с воодушевлением взялась за шитье. Рукодельничать она любила, и работа была ей не в тягость. Один за другим из-под ее рук выходили нарядные капоры и яркие фартуки. Кроме того, она сшила несколько ситцевых халатов. Все это она аккуратно запаковала в прочные деревянные ящики, которые смастерил Кларк. Марти день и ночь думала, что еще понадобится Мисси. Чего не хватало ей самой, когда она отправилась на Запад? Сквороды, горшки, кастрюли, глиняная посуда, лекарства, банки — список рос, и, заглядывая в него, Мисси смеялась и отмахивалась.

Марти не находила себе места, представляя, что ждет молодых: ни доктора, ни священника, ни школы, возможно, не будет даже соседей, то есть никакой матушки Грэхэм... Как же ей не хотелось отпустить Мисси!

Но девушка беззаботно напевала, пакуя вещи. От счастья она не ходила, а танцевала.

Мисси склонилась над швейной машинкой, стачивая последние швы бумажного платья. Услышав, что к дому приближается лошадь, девушка поднялась.

— Это Вилли. Он обещал, что поможет мне набрать земляники к ужину. Мы быстро, мам.

Марти вздохнула и отложила лоскутное одеяло, которое тоже отправится в один из дорожных ящиков. К ужину она испечет слоеный пирог с ягодами.

Держась за руки, молодые люди направились на дальнее пастбище. В свободной руке Вилли была старая красная коробка Мисси для школьных завтраков.

По пути на кухню Марти остановилась рядом со швейной машиной полюбоваться на работу Мисси. Девочка стала настоящей мастерицей, с радостью подумала Марти.

Она пощупала материю и невольно погладила машину. С той далекой поры, когда она заменила Мисси мать, эта машина служила ей верой и правдой — все вещи ее детей были сшиты на ней. Сколько было подрублено полотенец, сколько пристрочено заплаток, сколько постельного и столового белья сшито для трех невест! Благодаря машинке все девочки тоже научились шить. Машина не подвела ее ни разу. Да, она утратила былой блеск, но по-прежнему делала свое дело.

Марти не заметила, как по ее щекам покатались слезы. Она услышала, как сзади подошел Кларк. Он взял ее за руку, она посмотрела на мужа и словно очнулась. Через минуту она справилась с собой и сказала:

— Кларк, я вот что подумала. Давай отдадим машину, машину Эллен, Мисси. Ты не против?

Кларк ответил не сразу.

— Она твоя. Если ты решила ее отдать, я не возражаю.

— Я думаю, она ей очень пригодится. А Эллен была ее мамой.

— И ты тоже. — Он обнял ее за талию и привлек к себе.

— А что будешь делать ты? — спросил Кларк.

— Буду шить на руках. Мне это не впервой, а Мисси всегда шила только на машинке. Без нее она как без рук. И в фургоне место найдется.

Она вытерла слезы и погладила прохладный металл и полированное дерево.

— Будь добр, Кларк, сделай для нее ящик попрочнее, а чтобы она не поцарапалась, я заверну ее в старое одеяло.

Кларк кивнул.

— Займись этим завтра же.

— Спасибо, — сказала Марти и принялась замешивать тесто для пирога.

Глава тридцать третья. Особый день

День свадьбы выдался ясным и солнечным. Проснувшись с рассветом и увидев за окном чистое небо, Марти подумала, что у такой девушки, как Мисси, — жизнерадостной, красивой и счастливой — иначе и быть не может.

Прежде чем встать с постели, Марти произнесла короткую, но горячую молитву. «Господи, прошу тебя, позаботься о нашей девочке... и пусть сегодняшний день навсегда останется для нее счастливым и светлым воспоминанием». Она взглянула на Кларка, который мирно похрапывал рядом с ней, и тихонько выскользнула из-под одеяла.

Марти знала, что терять время, предаваясь сантиментам, нельзя. Дел впереди было невпроворот. Она быстро оделась и отправилась на кухню. Вскоре встал Кларк и развел огонь, который весело затрещал в старой плите. Когда они переехали в новый дом, Кларк предложил сделать новую плиту на современный лад, но Марти отказалась.

— Я буду чувствовать себя предательницей, — объяснила она, — если вот так запросто выставлю за дверь старого друга. Я пекла в этой плите хлеб для своей семьи, варила на ней кофе для наших друзей и... когда-то пекла лепешки, — улыбнулась она, вспоминая свое давнее небогатое меню.

Поэтому старая плита переехала на новое место вместе с ними. Марти подбросила дров и поставила чайник.

Мисси пожелала, чтобы свадебная церемония состоялась дома.

— Я хочу спуститься по нашей лестнице под руку с папой. Вот увидишь, мам, если мы откроем двери во все комнаты, места будет почти столько же, сколько в церкви.

Кларк и Марти с радостью согласились.

Утренние часы бежали слишком быстро. Оставалось закончить стряпню, нарвать цветов и составить букеты да проверить, как выполнили свои обязанности по дому дети. За все утро Марти ни разу не присела.

Свадьба была назначена на три часа пополудни. В два часа Марти наконец покончила с работой на кухне, проверила, в порядке ли комнаты, и поспешила в спальню, чтобы принять ванну. Арни нагрел для нее бадью воды. Помывшись, она надела новое платье. Длинные волосы упали ей на плечи, и, подбирая их, она заметила, что у нее дрожат руки. Взглянув на себя в зеркало, она отправилась в комнату Мисси.

В свадебном платье девушка была хороша как никогда. Ее щеки пылали, а глаза сияли любовью и нежностью. Она просто светилась от счастья, и у Марти невольно защипало в носу.

— О, мама, — прошептала Мисси.

— Ты такая красивая, детка, — тихо сказала Марти. — Просто чудо. — Она прижала девушку к себе.

— Мама, — выдохнула Мисси, — мама, я хочу тебе кое-что сказать. Я никогда не говорила этого раньше, но я хочу сказать тебе спасибо — за то, что ты пришла в нашу жизнь и подарила нам с папой столько счастья.

У Марти перехватило дыхание. Она знала, что стоит ей заговорить — и слезы уже будет не остановить, поэтому лишь обняла свою девочку еще крепче и поцеловала ее кудрявую голову.

В комнату вошел Кларк и обнял их обоих. Он заговорил, и его голос слегка дрожал от

волнения.

— Да благословит Господь вас обеих. — Он поцеловал жену и дочь, потом мягко положил руку на голову Мисси и тихо произнес молитву: — Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! Да призрит на тебя Господь светлым лицом Своим и помилует тебя! Да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир!6 Отныне и навсегда, Мисси. Аминь.

Мисси смахнула слезы и отправилась в зал, чтобы выслушать последние наставления пастора Джо.

Кларк подошел к Марти. Он немного помолчал, внимательно глядя ей в глаза.

— Это не так-то легко, правда? — прошептал он.

Марти кивнула.

— Какая она красавица — наша Мисси! — Глаза Кларка затуманились. — Да, настоящая красавица.

— О Кларк, я так люблю ее.

— Я знаю. — Он обнял ее и погладил по спине. — Поэтому ты и отпустила ее.

Внизу соседи запели гимн. Марти поняла, что ей пора спускаться. Вскоре, ведя под руку сияющую Мисси, к ней присоединится Кларк.

Марти с благодарностью посмотрела Кларка: он дал ей часть своей силы, и она приняла ее.

Она решительно двинулась к лестнице. Она не станет плакать — во всяком случае сегодня, в день свадьбы Мисси. На это у нее еще будет время. Сегодня она будет улыбаться — пусть друзья и соседи видят счастливую мать, которая с радостью принимает в свою семью еще одного сына.

Она немного помедлила на лестничной площадке, произнесла короткую молитву, вздохнула и улыбаясь пошла навстречу гостям.